

Ученый цирк подонка-ректора

Роман Бехерев и Марк Портнов

Ученый цирк подонка-ректора

Марк Портнов

Ученый цирк подонка-ректора

«Автор»

2023

Портнов М.

Ученый цирк подонка-ректора / М. Портнов — «Автор»,
2023 — (Ученый цирк подонка-ректора)

В этом мире всё устроено странно: чем бессмысленнее речь, тем выше должность; чем увереннее ложь, тем торжественнее аплодисменты. Ректор с неоконченным образованием плотника ведёт себя как клоун и управляет происходящим с видом человека, которому давно нечего доказывать. Рядом — нелепый политолог, не умеющий связать двух слов и ставший специалистом по блату, а по сути всё тот же плотник, только с громким титулом. Чуть поодаль — математик с манией величия, ненавидящий всех вокруг и напоминающий злую, вечно тывкающую собачку. Что объединяет этих людей, кроме искреннего убеждения, что студенты их провинциального шаражного университета — «инопланетяне», неспособные взять интеграл, а значит, недостойные называться умными? Ведь ум, как известно, определяется именно этим. «Учёный цирк подонка-ректора» — история о доведенной до абсолютного гротеска и идиотизма системе, механизм которой, однако, годами работает без сбоев... пока однажды не начинает скрипеть.

Содержание

Действие первое	7
Сцена 1. Актный зал	7
Сцена 2. Двор университета	12
Сцена 3. Аудитория 305	13
Сцена 4. Парк	16
Сцена 5. Дом Тютюшкина	19
Сцена 6. Институт. Кабинет Баяна	21
Сцена 7. Кабинет политологии	27
Сцена 8. Квартира Дубинских	31
Сцена 9. Квартира Дубинских	32
Сцена 10. Кабинет Баяна	33
Сцена 11. Квартира Дубинских	35
Сцена 12. Кабинет политологии	36
Сцена 13. Физкультурный зал	37
Сцена 14. Скамейка у вуза	39
Сцена 15. Кабинет Баяна	41
Сцена 16. Коридор на первом этаже	43
Сцена 17. Кабинет Баяна	46
Действие второе	49
Сцена 1. СИЗО «Белая жаба»	49
Сцена 2. Подъезд СИЗО. Мерседес Баяна	52
Сцена 3. Хоздвор СИЗО «Белая жаба»	54
Сцена 4. Тюремная камера	55
Сцена 5. Ресторан «Морской окунь»	56
Сцена 6. Дом Хитродаева	57
Сцена 7. Районный отдел	58
Сцена 8	60
Сцена 9. Палата тюремного госпиталя	61
Сцена 10	63
Сцена 11	68
Действие третье	70
Сцена 1. Кабинет Баяна	70
Сцена 2. Дом Баяна	74
Сцена 3. Крыльцо у дверей вуза	76
Сцена 4	77
Сцена 5. Кабинет Баяна	78
Сцена 6. Коридор	80
Сцена 7. Кабинет Баяна	81
Сцена 8. Коридор	83
Семестр в холодильнике...	84
Сцена 1	84
Сцена 2	90
Сцена 3	101
Сцена 4	113
Сцена 5	135
Сцена 6	171

Сцена 7	189
Сцена 8	197
Сцена 9	206
Сцена 10	213

Марк Портнов, Роман Бехерев

Ученый цирк подонка-ректора

Действующие лица

ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ БАЯН – ректор вуза
НИНОЧКА – его секретарша
КЛАВДИЯ ВИКТОРОВНА БАЯН – его жена
ВОЛОДЯ – ее любовник
АКАКИЙ ЭСМЕРАЛЬДОВИЧ ДУБИНСКИЙ – преподаватель политологии
ЛЮДМИЛА – его жена
ЭСМЕРАЛЬД КОНСТАНТИНОВИЧ ДУБИНСКИЙ – его отец
АРКАДИЙ СЕРГЕЕВИЧ ТЮТЮШКИН – преподаватель математики
ЭЛОИЗА – его возлюбленная
ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ УТЮГОВ – преподаватель физкультуры
РЭЙ – преподаватель-взяточник
ЕЛОВ – студент, группа ЛГ-303
СТУДЕНТ (БЕЗЫМЯННЫЙ) – группа ЛГ-303
СТУДЕНТКА (БЕЗЫМЯННАЯ) – группа ЛГ-303
БОРМАТОВ – студент, группа АГ-325
ПОДМАЗЮК – студент, группа АГ-325
КРИСТИНА – студентка, группа АГ-325
СВЕТА – студентка, группа АГ-325
КАТЯ – студентка, группа АГ-325
ЛОЖКАРЕВ – студент, группа АГ-325
СЕРГЕЙ ГОНБОВЕВИЧ ЕМЕЛЬКИН – следователь СИЗО «Белая жаба»
ЭДГАР АНТОНОВИЧ БРАТОЗЯТКОВ – служба по взаимодействию с правоохранитель-
ными органами
СОЛЕНЬИЙ – заключенный
ХИТРОДАЕВ – старший следователь районного отдела
ПРОГЛЯДЯЕВ – младший следователь районного отдела
ГЛАВВРАЧ ТЮРЕМНОГО ГОСПИТАЛЯ (БЕЗЫМЯННЫЙ)
ЗЭК ПО ПАЛАТЕ (БЕЗЫМЯННЫЙ)
ПОЛЯНСКИЙ – отчисленный пять лет назад студент

Действие первое

Сцена 1. Актный зал

«Мы набрали полных инопланетян! Они даже не могут интеграл взять!»

Громкие крики главных деятелей науки института сотрясают воздух с особой энергией. В актовом зале царит атмосфера как перед казнью. Главные палачи – фигуры ректора Владимира Баяна и заслуженного эксперта по политическому развитию вуза Акакия Дубинского.

Владимир Баян дает слово Акакию Дубинскому.

Дубинский:

Политическое развитие человека определяет естество парадигмы мышления и процессов управления самоорганизацией!

Баян:

Акакий Эсмеральдович, один вопрос. Но приватно! На ушко!

Дубинский:

Да, конечно!

Баян судорожно шепчет на ухо Дубинскому.

Баян:

Вы сами-то поняли, что выкинули?

Дубинский:

Конечно, понял! Это же высшая материя!

Баян:

Какая к черту материя?! Говорите по делу! Скажите что-то по поводу безграмотности студентов! По делу, Акакий Эсмеральдович! Не отвлекаемся!

Дубинский кашляет, сморкается в платок на весь зал и начинает повествование.

Дубинский:

Ну, это самое, понимаете ли. Вот было время-то, понимаете ли! Наше, так сказать, к примеру, время, допустим-то! Но я-то что сказать хочу, неграмотность студентов при сдаче зачетов... оээкхэ кхэ... студентов, могу заверить, дикая! Не знают, как банально договориться! Ну, то есть, договорить предложение до конца! Приходится, это самое, подсказывать, что называется, как расстегивать... оээ-кхе-кхэ... расставлять акценты повествования, понимаете ли! Не могут сказать, что такое государство! Вот в наше-то время все знали, к примеру! Я как политолог, то точно могу сказать, допустим! И мой тезис, допустим-то, исходит из того, что, в общем-то, в политику таких допускать нельзя! Вот!

Дубинский поднимает указательный палец вверх, мол «вот, все я сказал» и садится на свое место.

Баян, посидев минуты две и отойдя от всего услышанного, поднимается к микрофону и начинает свою часть.

Баян:

Ваша речь полная... Ой, кхе-кхе, полный привет всем участникам конференции. Я хочу сказать, что в наше время все было действительно другое. У нас не было ЕГЭ, все по благу, по знакомствам, а щас надо еще заполнять что-то, какие-то буквы, цифры. И наглые они все еще какие-то, учить пытаются нас, профессионалов дела, так сказать, людей поживших! Как тот студент, которого я выгнал пять лет назад – Полянский!

Вдруг зал слышит оглушающий взрыв... Пытаясь прийти в себя, люди видят фигуру человека в плаще, стоящего на трибуне. Это Полянский! Исключенный студент. Бессменный страх статичности его фигуры резко сменяет злобный смех, раскатывающийся по всему залу.

Полянский спокойно подходит к ректору Баяну и хватает его за горло. Ректор немеет и вскоре перестает подавать признаки жизни.

Полянский удаляется. Вдруг атмосфера недовольства студентов сменяется на атмосферу страха. Неужели придуманные институты дороже человеческой жизни...

Но все это всплывает в голове Баяна, как только он произносит фамилию Полянского. Он боится его как смерть с тех пор, как исключил. Студент поистине силен и заткнет за пояс и его, и весь педагогический состав университета. Вытерев со лба пот своим платком, он садится на стул и дает слово преподавателю высшей математики – Аркадию Тютюшкину.

Баян:

Аркадий Сергеевич, пожалста, слово вам! Как обстоят дела с математической грамотностью?

Аркадий Сергеевич встает, поправляет свой пиджак, который в плечах на три размера больше, чем он сам, подходит к микрофону и начинает речь.

Тютюшкин:

Ну-с, что сказать, коллеги? Одним словом, слабо. Очень и очень слабо. Писали, значит, недавно у меня первокурсники тут одну задачку. Матрицы считать не умеют! А как без матриц то? Вот без них-то и никуда! Компьютер то выключится – и что будем делать? Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! Общий уровень – низкий! Матрицы-то считать не умеют, это они как работать-то собрались?

Баян:

Да, конечно, это все удручает, Аркадий Сергеевич. Все очень и очень плохо. Ну, а вы что скажете, Василий Васильевич?

Физрук Василий Васильевич Утюгов резко подходит к микрофону.

Утюгов:

Дохляки все! Надо гнать всех на улицу бегать кросс, играть в футбол, а не компьютеры эти все!

Баян:

Это точно!

Тютюшкин:

Точно это, да!

Дубинский:

Верно, верно, эт самое! Так вот и надо это все!

Утюгов:

Ну, и ваши все эти предметы сократить надо! Столько пар на фиг не надо никому!

Дубинский:

Но это уж позвольте! Не соглашусь, к примеру, с вами тут, не-не! Политика – основа жизни!

Тютюшкин:

А без математики-то это ж вообще! Это вообще ж никуда! Везде же, все вокруг – это математика!

Баян:

Да, в самом деле, Василий Васильевич. Все-таки вы перегибаете. Дисциплины нужны.

Утюгов:

Ну и зачем? Ниче это не надо. Я вон как два пальца за че угодно поясню вам по математике и политике. Это все из жизни получают, чисто по жизни двигаясь. А по жизни только спортивно, размеренно и с умом двигаться надо, и все приложится.

Баян:

Ладно, Василий Васильевич, заканчивайте. Оно, конечно, верно, что по жизни, но без математики и политики-то оно и впрямь никуда.

Тютюшкин:

Вообще не правы вы, Василий Васильич! Математика – это и основа спорта!

Дубинский:

Вот, это самое, да! А политика основа всего!

Кажется, что такая мрачная атмосфера должна смениться смирением и договоренностью. Но у Утюгова пылает злость в груди.

Вообще говоря, Утюгов не всегда был физруком. Двадцать лет назад его, дипломированного физика-ядерщика, уволили с работы. В институте же его обучали устаревшим формулам, которые он даже не применял.

Его место занял сопливый подросток, которого пристроили блатные родители. Несмотря на это, работу он делал лучше, потому что голова не была забита мусором. С тех пор Утюгов полностью поменял свое видение жизни, и когда он слышал заявления, подобные тем, что только что делали Тютюшкин и Дубинский, он приходил в ярость.

Утюгов:

Да ваши политики и математики нужны только политикам и математикам! Вы даже не знаете, что и зачем кому надо, просто говорите как попугай. Что такое вообще «надо»? Надо

в туалет, я иду! Что мне в будущем надо, то и надо, а не ваши эти догмы фундаментальные! Мне нужно знать, как устроен фундамент дома, чтоб в нем пиво попить?

Дубинский:

Ну, знаете, скажете-то тоже, эт самое! Вот математика-то она и, может, не нужна с политикой, чтоб пива попить, но вот вы и пейте свое пиво, а по себе тут не судите, понимаешь ли!

Утюгов:

Да вы просто нашли дело, которое вам понравилась, и думаете, что без этого никуда и никому никак не прожить, и уперлись в это, а жизнь-то вокруг разная! Кому-то ваша политика вообще не упала никуда, кто-то больше любит пива выпить. И что тут плохого? Этот кто-то посмотрит и скажет, что ваша политика, господин Дубинский, ненужная бурда, и будет прав! Потому что ему оно не надо, у него свое «надо»!

Дубинский:

Что за вздор! Политика, это самое, основа всего мира!

Тютюшкин:

А математика – это основа основ!

Баян:

Так, ладно, тихо все! Василий Васильевич, ваше мнение интересно, но прошу присесть вас.

Дубинский:

Это вздор, полный вздор! Вот!

Баян:

Акакий Эсмеральдович, вас тоже касается! Тема закрыта на сегодня, собрание окончено!

Тютюшкин:

Ну, так, а каков итог собрания, господин Баян?

Дубинский:

Да, эт самое, хотелось бы знать!

Утюгов:

Да никакого итога, для галочки собрали всех, чтоб потрындеть и все!

Баян:

Господин Утюгов, сядьте и помолчите! Итог такой, что надо искать талантливых студентов и давать им, скажем, все возможности для реализации потенциала! Во! А все остальные на выброс.

Дубинский:

Во, это верно!

Тютюшкин:

Да, это верно!

Утюгов:

Ну, что ж, тогда приступаем?! Вперед, наставим всех студентов и абитуриентов на путь истинный!

Баян:

Вот, Василий Васильевич! Этот настрой уже, так скажем, лучше! Вперед по занятиям, собрание закончено!

Сцена 2. Двор университета

Утюгов нервной походкой выходит из вуза. Ему смешно, что Баян не понял его сарказма, но общая ситуация удручает его.

За ним выходит Тютюшкин. И внезапно им навстречу идет первокурсница. Тютюшкин сразу решает приударить за ней. Он снимает свои очки, оплевывает их и протирает своим засаленным платком из Фикспрайса. Затем он достает из правого ботинка зубочистку и выковыривает из зубов остатки чипсов. Наконец он подходит к мадам.

Тютюшкин:

Право, маркиза, что за чудесная погода нынче на дворе! Как сегодня в лучах утренней зари пылает лысина памятника Ленину! Извольте сопроводить вас до буффета и угостить пластмассовым стаканчиком кофэ?

Девушка проходит мимо, оглядывая идиота Тютюшкина искоса.
Утюгов смеется.

Утюгов:

Эх, господин Тютюшкин. Вам же о матанализе думать надо, а вы чем занимаетесь?

Тютюшкин:

А я и вижу по глазам, особа умная! Господин Баян же сказал, искать умных самых! Вот я и ищу!

Утюгов:

Ну-ну... Жену вам надо, Тютюшкин.

Тютюшкин отмахивается и под смешки Утюгова уходит.

Утюгов, дождавшись, пока Тютюшкин скроется в дверях института, озирается по сторонам и направляется к своей машине на парковке у центрального входа. Он садится в нее, достает телефон и набирает чей-то номер.

Утюгов:

Да, приветствую. Я готов помочь.

Сцена 3. Аудитория 305

Тютюшкин:

Проститутки! Ублюдки! Наркоманы!

В первый раз студенты слышат такие слова в кабинете математики.

Тютюшкин:

Вы ничего не можете, только как пялиться своим тупым видом! Тошнит от вас!

Смиренная аудитория тонет под грузом оскорблений. Каждый чувствует, что это глубоко его касается. Всех одолевает чувство вины. Тютюшкин играет на струнах чувств, в определенные моменты сжимая их. В этот момент всем хочется провалиться под пол. Какая-то дикая безысходность виднеется впереди этого.

Тютюшкин, понимая, что добил студентов, берет разум класса под контроль и начинает, как падалыщик, наслаждаться своей жертвой. Он говорит про изъян каждого, каждого хлещет по совести. Кажется, что это будет продолжаться вечно. И так и есть, время становится бесконечным.

Доходит очередь до студента Елова.

Тютюшкин:

Встать быстро!

Тютюшкин повелевает, ощущая свою безнаказанность. Студент сидит.

Тютюшкин:

Я не понял! А ну-ка встал!

В этот момент Тютюшкин ощущает свою полную беспомощность. Он будто попадает в ловушку, все рушится.

Тютюшкин:

Почему ты не стоишь?

Елов:

Почему вы сидите?

Тютюшкин:

Я тебе двойку поставлю!!!

Елов:

Ставьте!

Тютюшкин:

Ах ты скотина такая! Да я ж тебя отчислю!

Елов:

Давайте прям щас!

Он действительно может отчислить его из-за связей с руководством. Но в этот момент он понимает, что его оружие стало стрелять холостыми. Без всякого напряжения. Все разрушилось. Как и не было. Это ощущение витает в воздухе.

Тютюшкин:

Да я ж тебя отчислю! Ты пойдешь толчки мыть!

Елов:

У меня свой сайт, и он приносит мне прибыль!

Тютюшкин:

Ну, а как ты будешь без образования?

Елов:

Скилбокс закрывать не планируют.

Тютюшкин находится в состоянии агонии. Он понимает, что не может даже студента проучить. То, что он делает, это бессмысленно, никому не надо, это держится только на страхе и обмане. Он начинает сдавать позиции и пытается договориться со студентом.

Тютюшкин:

Скилбокс это хорошо, но нужно и базовые вещи знать.

Елов:

Кому нужно?

Тютюшкин:

Ну как, всем.

Елов:

Зачем? Вы знаете, как грибы собирать?

Тютюшкин:

Ну, не совсем...

Елов:

Не знаете этого, а все же дома едите.

Голос Елова вселяет такую уверенность в его одноклассников, что, они начинают выбираться из оков страха. Вдруг встает еще один студент.

Студент:

Отчисляйте и меня!

Тютюшкин начинает паниковать, лицо его становится похожим на эквадорский закат. Он не знает, что делать, ситуация выходит из-под контроля. Встает одна студентка и задает вопрос Тютюшкину.

Студентка:

Аркадий Сергеевич, а у вас с женщиной вообще что-то было? Почему вы такой злой?

Тютюшкин хочет сгореть на месте и никогда больше ничего не слышать, не чувствовать, ни видеть. Он начинает плакать и убегает восвояси.

Сцена 4. Парк (Воспоминание)

Тютюшкин бежит по парку. Вдруг он видит скамейку. Ту самую, около которой двадцать пять лет назад он сделал выбор всей своей жизни. И вспоминает тот день.

Тютюшкин:

Элоиза! Свет моих очей!

Элоиза:

О, мой милый Аркадий!

Тютюшкин:

Элоиза, у меня для тебя новость!

Элоиза смотрит на Тютюшкина широкими влюбленными глазами и замирает от нетерпения. «Он что же, сделает мне предложение?» – думает она.

Элоиза:

Какая же, Аркадий?

Тютюшкин:

Элоиза... Вчерашняя ночь на пляже под лодкой была незабываемой!

Элоиза:

О да, да!

Тютюшкин:

Даже несмотря на то, что я набил четыре шишки, ударяясь о дно своей светлой головешкой!

Элоиза:

О да, да... Но ничего, это заживет!

Тютюшкин:

Конечно, все будет прекрасно. Но...

Элоиза:

Что это за «но», Аркадий?

Элоиза чувствует неладное. У нее екает сердце.

Тютюшкин:

Мне дают место на кафедре математики.

Элоиза:

Так это же здорово!

Тютюшкин:

Дослушай, Элоиза, прошу! Так вот, дают место. Конечно, в первое время придется мыть башмаки заведующему кафедрой и бегать ему за коньяком в киоск... А кто знает, может быть, и за презервативами... НО зато потом меня ожидает то, о чем я мечтал всю свою жизнь! Понимаешь, я посвящу свою жизнь математике! Лучшей из наук!

Элоиза:

Так, а к чему же ты клонишь, Аркадий?

Тютюшкин тяжело вздыхает.

Тютюшкин:

Элоиза, нам необходимо разорвать отношения!

Элоиза плачет.

Элоиза:

Но как же так, Аркадий?!

Тютюшкин:

Элоиза, я все решил! Я посвящу всю свою жизнь науке, и потому в ней не может быть место женщине!

Элоиза:

Аркадий... А может, ты...

Тютюшкин:

Что?

Элоиза:

Ну... С другой планеты?

Тютюшкин расплывается в идиотской самодовольной улыбке и начинает игриво покачивать головой и подмигивать Элоизе.

Тютюшкин:

Бейби, ты про то, что я гений?

Но внезапно до него доходит.

Тютюшкин:

Или... Что? Фу! Нет, Элоиза! Нет! И вчера, как мне кажется, эта теория была опровергнута! Как ты так можешь обо мне думать?

Элоиза:

Но я тогда не понимаю, почему же ты так со мной поступаешь!

Тютюшкин:

Я тебе уже все объяснил! Довольно этих слез!

Элоиза:

Аркадий, ну прошу, не оставляй меня!

Тютюшкин:

Нет! Я все сказал! Прощай, Элоиза!

Сцена 5. Дом Тютюшкина (Наше время)

Проходя сквозь воспоминание об Элоизе, Тютюшкин, не замечая, уже подбирается к своему дому. Невзрачное серое здание неприветливо скрипит прогнившей дверью, а местный бомж опять не стесняется справить малую нужду на клумбу.

«Опять кнопка лифта не работает! Дебилы! Все дебилы!»

Тютюшкин входит в свою хибару и без раздумий ложится в кровать.

«Что теперь делать? Что делать? Вышел ли этот случай за пределы группы? Может, меня уже уволили?»

Над городом сгущаются тучи, и становится вспыльчивым ветер. В комнату математика уже практически не падает солнечных лучей. Настроение портится.

«Надо как-то снять стресс».

Он наедается жирной пищи, но это помогает ненадолго. Эйфория сразу же уходит. Вдруг его взор ловит хитрая форма подарочного коньяка, стоящего на полочке сверху. Он никогда не пил, потому что не видел в этом смысла и еще немного боялся эффекта опьянения.

Он наливает чарку и высиживает ее взглядом. Организм не хочет спирта, но стресс давит на его психику. Он осиливает глоток и уже расслабляется в ожидании забвения. Вдруг, как из ниоткуда, является фигура Элоизы. Она стоит в белом платье, словно ей 17 и она на выпускном. В ее облике все человечно, кроме взгляда. Взгляд ее являет собой как бы олицетворение страха Тютюшкина. Тютюшкин сидит и не верит своим глазам, он будто ослеп, будто вылез из пещеры на свет.

Элоиза:

Ты трус! Ты слабак! Ты не мужчина!

Тютюшкин не реагирует на эти слова, потому что понимает, что это правда.

Элоиза:

Ты даже не можешь бороться за свое счастье! Я верила в тебя, а ты побоялся моей любви. Ты не мужчина, слышишь, ты НИКТО!

Тютюшкин будто заново учится говорить, это похоже на то, когда новорожденный проносит «мама».

Тютюшкин:

Элоиза! Любовь моя! Ну я же хотел заниматься математикой, она мне нравилась. Мне нравится делить столбиком, когда уже давно все пользуют калькуляторы.

Элоиза:

Ты кормил свою гордость! Математик он! У тебя это легко получилась, а все остальное никак не шло! Вот ты и выбрал математику. Пошел по легкому пути. Если бы тебе легко далась автомеханика, ты бы доказывал с пеной у рта, что это самое важное и важнее нету.

Тютюшкин:

Элоиза! Ты меня бьешь прямо в сердце! Я же любил тебя, зачем ты все это говоришь, милая?

Элоиза:

Ты обменял меня, мою любовь, мои чувства и веру в тебя на тщеславие якобы великого умного человека! Ты даже сейчас не сможешь совершить ПОСТУПОК, ты даже не извинишься перед студентами, которых двадцать пять лет мучаешь, у тебя кишка тонка!

Тютюшкин:

Элоиза, я извинюсь! Я тебе обещаю!

Элоиза испаряется, а Тютюшкин медленно отключается.

Сцена 6. Институт. Кабинет Баяна

Утром Тютюшкин кое-как доползает до вуза в состоянии жесточайшего похмелья.

Тютюшкин решает, что должен извиниться перед Баяном за то, что убежал с пары, а не перед студентами, как сказала ему воображаемая Элоиза.

«Ну, что только на пьяный ум не взбредет», – думает он.

Он доходит до кабинета Баяна, проверяет дыхание и убеждается, что оно просто убийственное, после чего стучится.

Баян:

Да-да, входите! Прошу!

Тютюшкин входит в кабинет и помимо Баяна видит Дубинского.

Тютюшкин:

До-добрый день, коллеги!

Баян:

Доброе, Аркадий Сергеевич! Доброе!

Дубинский:

Доброе, что называется!

Тютюшкин:

Я в общем, это... ну, это самое...

Баян:

Ну, что вы? Говорите смелее.

Тютюшкин:

В общем, пришлось уйти с пары раньше. Хотел бы извиниться за это.

Баян нахмуливает брови.

Баян:

Так, и почему же это, Аркадий Сергеевич?

И тут Тютюшкин уже было хочет рассказать об отвратном поведении своих студентов на паре, но внезапно его что-то останавливает. Как будто бы что-то внутри сковывает его и не дает ему этого сделать. И, к своей собственной неожиданности, он говорит совсем другое.

Тютюшкин:

Да вы знаете... Температура под 40 разыгралась! Вот, уж не смог никак дальше вести предмет.

Баян:

Ну, это что ж, дело-то серьезное. Это конечно. А сейчас-то вы как?

Тютюшкин:

Да сейчас-то вроде неплохо. Вот, спиртом растерся. Может, чувствуете?

Баян:

А, ну да, что-то есть, есть.

Дубинский:

Ну, вы, Аркадий Сергеевич, выздоравливайте, это самое! Болеть-то некогда, надо же серьезными вещами заниматься!

Баян:

Да, Аркадий Сергеевич, выздоравливайте до конца и возвращайтесь.

Тютюшкин:

Понял, ну, спасибо тогда. Пойду, подлечусь.

Баян:

Давайте.

После этого Тютюшкин выходит из кабинета, затем из вуза и идет в магазин за лекарством – минералкой. А Дубинский с Баяном продолжают беседу.

Баян:

Ну так что, господин Дубинский, зачет сегодня у вас, говорите?

Дубинский:

Да, в общем-то. Ну, не надеюсь я на хорошие оценки, в принципе-то. Ничего не жду!

Баян:

Ну, понятно. Инопланетяне же все. Бестолковые. Выгонять штабелями придется.

Дубинский:

Оно да, конечно. Ну, есть пара неплохих ребят. Толковых.

Баян:

Хотя бы так, хотя бы так... Но, Акакий Эсмеральдович, если вам бестолковые что-то предлагают взамен, то вы возьмите... И поделитесь... Ну, вы понимаете, о чем я...

Дубинский:

Конечно, это безусловно, так сказать!

Баян:

Ладно! Тогда за работу, Дубинский!

Дубинский:

Да!

Дубинский уже было собирается уходить, но Баян останавливает его.

Баян:

А слушайте, Дубинский, давайте еще, пока время есть, выйдем, пообщаемся по вопросу одному.

Дубинский:

Да, конечно, эт самое. Давайте.

Дубинский и Баян выходят на улицу на задний двор университета. Баян громко отхаркивается и сморкается на асфальт, достает сигарету и закуривает ее. Дубинский пребывает в напряжении и чувствует, что Баян чем-то недоволен.

Баян:

Слушай, Дубина, ну мне че-то вообще не понравилось, что ты в срок оговоренный забор не доколотил на даче мне!

Дубинский:

Так это самое, Владимир Сергеевич, материалов не хватило просто, надо бы еще купить...

Баян:

Дубина, ну ты, слушай, ваще обленился, я смотрю! Все ему купить, подать, принести... Где энтузиазм твой? Ты ученый или где? Вон, приедешь, у соседа своруешь с участка.

Дубинский:

Так, ну, это...

Баян:

Ну че ты там мямлишь, кашеротый? «Ме» да «ме» все... «Ме, ме, ме», блин... Тебе тут воровать не в падлу, а там в падлу, что ли? Приказ выполняем! Завтра чтоб там поехал и сделал мне все, а то жена мне плешь проест вторую, собака такая... Мы, кстати, с ней помирились вроде как. Я в халупе твоей не кантуюсь больше.

Дубинский хочет было облегченно вздохнуть, но сдерживает себя.

Баян:

Все, давай, Дубок. За работу.

Баян хлопает Дубинского по плечу так, что тот чуть не падает в оставленное им на асфальте, и уходит.

Дубинский, постояв и потупив минуту-две, тоже заходит в институт.

Квартира Дубинского (Пару недель назад)

Дубинский, сидя на кухне, проводил свой вечер как обычно: на его столе находился хлеб с намазанным на него, как масло, картофельным пюре, чай из веток рябины и сахар-песок, насыпанный в пиалу, который он любил есть чайной ложкой. Посередине трапезы, наевшись, он включал свой любимый граммофон, который достался по наследству от отца-коммуниста, и слушал романсы Утесова на затертой пластинке. Соседи, которые ненавидели его за это, постоянно вызывали полицию, но те просто ржали, пинали Дубинского под зад и уходили.

Обыденный вечер прерывает громкий, перебивающий даже звук граммофона, стук в дверь.

Баян:

Дубина, але! Ректор на базе, открывай!

Пьяный Баян ломится в и без того полуразвалившуюся входную дверь Дубинского. Дубинский вскакивает из-за стола и бежит к двери.

Дубинский:

Владимир Сергеевич, это вы?! Что случилось?

Баян:

Мы, мы, Дубина, давай открывай ворота, е-ма! Бухать ща будем!

Дубинский открывает дверь, и Баян вваливается на порог в белой женской шубе, черной шляпе с пером и с бутылкой рома в руке. Дубинский оглядывает его с недоумением. Баян, чуть не клюя носом, гордо выпрямляется перед ним.

Баян:

Дубина, я теперь у тебя живу! Я с женой все!

Дубинский в крайней растерянности пятится назад и не знает, что ответить. Наконец он собирает в кучу все свои мысли.

Дубинский:

Ну так, Владимир Сергеевич... Ну, я не против, конечно, но а что у вас стряслось-то с супругой, это самое? Как-то помириться можно же, например...

Баян:

Не-не-не, Дубок, мне это все надоело! Все, на фиг! Где упасть можно?

Не дожидаясь ответа, Баян в грязных башмаках проходит в спальню напротив, отталкивая Дубинского в сторону. Он зажигает свет и видит покосившуюся ободранную тахту, застеленную желтой простыней, прикроватную облупленную тумбочку и мольберт с холстом посреди комнаты.

Надобно знать, что Дубинский также любил заниматься творчеством. Выбухивая литр самогона, он рисовал в пьяном порыве голых женщин и продавал это на рынке, что и было основной частью его дохода, а не работа в университете, как можно было логично подумать.

Баян оглядывается и, видя художества Дубинского на стенах, начинает неистово ржать.

Баян:

Ну ты, Дубина, Рафаель, е-мое, аха-ха-ха...

Дубинский краснеет и смотрит в пол.

Баян:

Ну че ты, я в натуре же говорю. Я в искусстве-то знаток, если че! У меня друг был из министерства культуры городского – Арнольд Эрастович Шмардковский. Помер уже... Гомик

старый! Ну как и всем художникам положено, че, я не осуждаю... Я про то, Дубок, что я те поясню за искусство любое, е-ма! Я в этом умен, чтобы ты знал, ну, как и во всем.

Баяна вдруг осеняет, на его взгляд, гениальная идея. Пробуханный и содержащий в себе две извилины мозг Баяна не был способен на какие-то идеи, кроме как выпить, пожрать и поспать, но в пьяном состоянии две извилины начинали искриться поистине дикими, опасными и сумасбродными идеями, а самое страшное заключалось в том, что Баян, чувствуя прилив энергии, начинал эти идеи тут же реализовывать.

Баян:

Дубина, я выдумал, выдумал! Я тут гений! Гений!

Баян хватает Дубинского на удушающий.

Баян:

АХА-ХА-ХА-ХА! АХА-ХА-ХА! Ладно, шучу, шучу!

Баян отпускает закашливающегося Дубинского.

Баян:

Короче, Дубина, нарисуй мне Клаву, а я скажу, что это я нарисовал! И она меня простит!

Дубинский:

Владимир Сергеевич, ну это, я не знаю... Ну это как-то, это же ваша жена...

Баян:

Дубина, ну ты че такой лошара-то, а? Душила! Я те мазу предлагаю реальную, я тебе бабла заплачу даже! Сверх твоей полочки!

Дубинский:

Ну, Владимир Сергеевич, я не знаю, я не сумею, простите...

Баян:

Ну ты, Дубинский, вафел, в натуре! Ну давай из того, что есть, куплю картину, на Клаву похожую найду!

Дубинский:

Ну так-то оно если, то можно...

Дубинский открывает свой прогнивший шифоньер у стены, доверху заваленный художествами. Баян начинает рыться в шкафу, разглядывать и небрежно раскидывать картины по полу, наступая на некоторые из них. Наконец, он находит совершенно отвратительную и вульгарную картину с обнаженной женщиной, своим лицом напоминающую гоблина.

Баян:

О! Отлично!

Баян харкает на картину и трет ее рукавом своей белой шубы.

Баян:

То, что нужно, Дубинский! Все, я поехал.

Забыв про свое обещание заплатить, Баян выбегает из квартиры, не закрывая за собой дверь. Дубинский, успев вымолвить только звук «а», плетется к двери, закрывает ее и с досадой произносит: «Деньги...»

Через полчаса Баян выламывает с ноги дверь Дубинского и вваливается к нему с пробитой об голову и висящей на шее картиной.

Еще две недели после этого Баян живет у Дубинского, чуть не сжигает ему по пьяни квартиру, приводит каких-то друзей-алкашей, с которыми громит мебель, и пытается калякать картины, беспардонно расходуя материалы Дубинского...

Сцена 7. Кабинет политологии

Дубинский:

Итак, господа! Вот вы и дожили до светлого дня зачета! Кого-то видел, кого-то трогал... о-э... в смысле, был тронут неподдельным энтузиазмом и интеллектом этих студенток... и студентов, а с кем-то сегодня и познакомимся, так сказать! Что же, посмотрим, кого бы вызвать первым.

Дубинский внимательнейшим образом знакомится с журналом и видит одного студента по фамилии Борматов, который был на его паре всего два раза.

Дубинский:

Итак, первым пойдет у нас... у нас пойдет первым... Борматов! Пожалуйста, выходите к столу, присаживайтесь и тяните билет.

Борматов выходит, не смотря тянет билет и спокойно садится.

Дубинский:

Итак, пишите на листке. Даю пять минут, а потом будем отвечать, так сказать, оценку получать!

В билете вопрос «Содержание классических теорий элит В. Парето, Г. Моски и Р. Михельса».

Проходит всего две минуты, и Борматов уже готов отвечать.

Борматов:

Готов к ответу.

Дубинский:

Ха-ха-ха, уже?! Ну, сейчас и посмотрим, как говорится. Отвечайте на первый вопрос!

Борматов:

Итак, вопрос: «Содержание классических теорий элит Парето, Моски и Михельса». По факту если раскидать, то теория элит, к примеру, гласит, что народ не в состоянии управлять государством и делать это должны аристократы. Ну, типа, кто богаче там, из какого рода там происходит, так сказать, к примеру, и вот.

Ну, Моска считал, что типа доступ в политику должен сопровождаться способностью управлять и понимать менталитет народа, так сказать.

Парето писал, что элиты должны сменяться, потому как, к примеру, рано или поздно «сдуваются», а неэлитарные элементы могут создать достойных преемников элитарным элементам. Потому как дети элиты не всегда выдающиеся личности. Ну, знаете, в семье не без урода, как говорится. Ну, потому вот и необходимо менять эти элиты-то, что прежние элиты теряют энергию.

Михельс говорил о том, что развитие общества приводит к созданию крупных организаций, допустим. И руководство такими организациями не может осуществляться всеми ее членами. Для нормального контроля за ними, за партиями там и тд., требуется иерархия некая, которая приводит к концентрации власти в один аппарат, как бы.

У меня все.

Дубинский:

Ну, конечно, суть более-менее такая, так сказать, но, как вы говорите?

Борматов:

В каком смысле как?

Дубинский:

Ну, допустим, слов много у вас в речи ненужных, к примеру-то.

Борматов:

Так вы же сами так разговариваете. Вот, даже сейчас.

Дубинский внезапно осознает, что действительно употребляет кучу слов-паразитов в своей речи. Раньше ему об этом никто не говорил, но студент Борматов открыл ему глаза и уши.

Дубинский начинает свирепеть от того, что какой-то студент-прогульщик указывает ему на его недостатки речи и еще, как будто бы издеваясь, говорит с ним в такой же манере. Все. Он полон гнева и сейчас взорвется.

Дубинский:

Вы, эт самое, не много ли себе позволяете тут?!

Борматов:

А я что сказал-то?

Дубинский:

Вы хамить тут и учить изволите меня, так сказать, это самое?!

Борматов:

Так а где я хамлю? Вы же правда так разговариваете. А на вопрос я по факту ответ дал.

Дубинский:

Вы не ответили как надо, молодой человек! Вы ничего не понимаете в политологии, понимаешь ли!

Борматов:

Так а мне это зачем? Я на агронома учусь. Вот вы понимаете, как пшеницу сеять?

Дубинский:

Ну, допустим, нет!

Борматов:

Ну, вот. А я понимаю. Вы и занимайтесь тогда своей политологией. У меня предмет в программу вписан, я пришел, ответил по факту. Вопрос в чем?

Дубинский в невероятнейшей ярости.

Дубинский:

Вы, молодой человек, далекий! Политология – основа мира всего! Глупец и неуч, понимаешь ли!

Борматов:

Вы свою политологию на обед есть будете, что ли, вместо хлеба? Тут что по вашим лекциям, что по этим теориям и так все понятно. По жизни растешь, взрослеешь, развиваешься, и понимание само приходит, как все это устроено, по факту. Мне зачем углубляться в детали этого? У меня написано «зачет», я пришел и рассказал, потому что надо прийти и рассказать. А не потому что это мне надо и всем людям.

Дубинский:

А ну-ка вон отсюда! Оценка два! И не пересдадите вы мне ничего, не надейтесь!

Борматов:

Я никуда не уйду! Я ответил и буду ждать!

После этих слов Борматов садится за первую парту и уверенно сидит, не собираясь никуда уходить. Дубинский выкрикивает следующего к ответу.

Дубинский:

Следующий!

Следующим отвечать выходит всезнающий умник по фамилии Подмазюк.

Подмазюк:

Да, вы знаете, Акакий Эсмеральдович, я тоже считаю, что политология нужна всем и без нее никуда!

Борматов, услышав, как Подмазюк явно таким образом подлизывается к преподавателю, да еще и указывает при этом на только что произошедшую ситуацию, вскипает.

Борматов:

Эй, слышь, ты охренел?!

Борматов выкрикивает Подмазюку, но Дубинский думает, что это адресовано ему за отказ ставить оценку.

Дубинский переходит в пограничное состояние и даже теряет свою привычную манеру речи. В нем разбудили настоящего зверя, после чего этот зверь вылез наружу и загрыз предыдущего нелепого и косноязычного Дубинского.

Дубинский:

Ты как себя ведешь, быдлота?!!! Вы че, думаете вам можно все, крутым таким?!!! Пришел тут, учит меня!!! Да я в рот вас всех имел!!! На тебе тройку и проваливай отсюда, чтобы никогда тебя не видел больше!!!

Дубинский ударным движением руки рисует тройку в зачетке Борматова. Борматов как ни в чем не бывало подходит к его столу, берет зачетку и удаляется, хотя внутри, конечно, тоже испытывает шок от такого поистине невероятного перевоплощения Дубинского.

Дубинский же изначально планировал вывести Борматова на разговор о том, что качество ответа неподобающее и зачет надо «что-то еще дать в придачу», но на этот раз все пошло совсем не по его обыденному сценарию.

Так он поступал со всеми студентами-прогульщиками. Этим также объясняется причина его невероятной злости.

Дубинский:

Так, ладно! Подлизюк! Или как там, это самое?

Подмазюк:

Подмазюк!

Дубинский:

Оценка 5 и свободны!

Подмазюк:

Так я же еще ничего не ответил!

Дубинский:

Спорить тоже будем, что ли, с преподавателем?

Подмазюк:

Конечно нет! Вы что?

Дубинский:

Ну, вот и все тогда! Все остальные на пересдачу!

Аудитория возмущенно начинает гудеть.

Дубинский:

Так, чего загудели?! Спорить будем? Все, я сказал, собираетесь и уходите! Все на пересдачу, эт самое!

Все студенты уходят, матеря у себя в голове идиота Дубинского, а Дубинский же неподвижно остается сидеть за столом. Он вспоминает о своих ошибках, совершенных в течение всей жизни, и слезы наворачиваются на его глаза.

Ведь все могло бы быть совсем иначе.

Сцена 8. Квартира Дубинских (Воспоминание)

Только что окончивший школу семнадцатилетний Дубинский обсуждает со своим отцом, куда ему идти дальше.

Дубинский ст.:

Тебе надо нормальную понятную профессию! Вон, иди в ПТУ на плотника. Будет работа, будет зарплата и все как надо, эт самое.

Дубинский мл.:

Да я думал в институт лесной пойти.

Дубинский ст.:

Зачем тебе этот лесной институт? Лесником потом быть, что ли, эт самое? Ерунда какая несерьезная! Да и какой тебе институт, не возьмет тебя туда никто. Сиди и не высовывайся. Вон, поступай на плотника, и все понятно будет! Работа есть и деньги есть, что еще надо!

Дубинский мл.:

Но мне интересно как устроен лес, я бы хотел быть лесничим, а не плотником. Да и чего я не смогу поступить-то? Что значит не высовываться? Надо ж попытаться хоть!

Дубинский старший дает младшему подзатыльник.

Дубинский ст.:

Я тебе тут поговорю еще! Все, завтра идешь, документы в ПТУ относишь!

И не в состоянии юный Дубинский дальше противостоять отцу. Не хватает смелости. Да и отец взрослый, ему виднее, думает он. Да и не хочется его расстраивать. Ведь он же его любит.

Затем Дубинский вспоминает еще один важный поворот в своей жизни.

Сцена 9. Квартира Дубинских (Воспоминание)

Дубинский сидит на кухне с женой Людмилой.

Людмила:

Может, уже найдешь какую-то работу себе другую наконец?! Денег-то совсем нет!

Дубинский:

Так, эт самое, Людочка! Я что найду-то? Ну вон я ж таксовать-то попробовал, к примеру, и что? Эти сволочи доехали докуда им надо и потом просто говорят, мол, давай, папаша, счастливо! И ничего не заплатили!

Людмила:

Да у тебя всегда вот так все! Через одно место! Всю жизнь! Хоть что-то бы нормально сделал!

Дубинский:

Людочка, ну, не сердись! Я же все ради тебя, эт самое, всю жизнь! Я ж тебя люблю!

Людмила:

Да иди ты, всю жизнь испортил! Вон, с тобой учился же в ПТУ этот, Баян? Теперь он ректор института Окопо-Ямского!

Дубинский:

А, так он, эт самое, по связям как-то, по хитрому там пролез. История темная там, так сказать...

Людмила:

Какая разница?! Иди к нему и попросись кем-нибудь!

Дубинский:

Да чего я пойду-то к нему! Мы ж давно не общались, да и не были друзьями-то особо!

Людмила:

Я сказала, пойдешь завтра и попросишься!

И Дубинский соглашается. Ведь он любит жену и хочет, чтобы она была счастлива.

Сцена 10. Кабинет Баяна (Воспоминание)

Дубинский стучится и заходит в кабинет. Баян сидит спиной к нему за столом и что-то читает. Оказывается, порножурнал.

Баян:

Кому че надо?

Дубинский:

Володь, эт самое, привет! Я Акакий, из ПТУ. Помнишь? Дубинский.

Баян захлопывает журнал, с удивлением поворачивается и узнает Дубинского.

Баян:

А, Дубинский! Здравова, заходи! Как сам? Помню, конечно, помню. Заходи, какими судьбами?

Дубинский:

Да, эт самое, все хорошо! Работаю по специальности! Плотником, в школе!

Баян:

А, ну это хорошо, хорошо!

Дубинский:

А ты вот, вижу, тут теперь?

Дубинский оглядывает кабинет.

Баян:

Ну да, да! Так сказать, надо наше образование поднимать!

Дубинский:

Ну, эт да, эт самое! Да... Я чего зашел-то... Слушай, есть, может, по старому, так сказать, знакомству, к примеру, какая-то работенка дополнительная? А то, понимаешь ли, не хватает денег сейчас. Время-то сам видишь какое.

Баян видит возможность. В институте как раз открывается новая кафедра политологии и требуется руководитель. Найти настоящего политолога в этой дыре нереально, а свой человек – идеальный вариант! И наплевать, что Дубинский ни разу не политолог и даже близко.

Направление политологии в вузах совсем еще новое и неизведанное, да и Баяну как раз нужен такой податливый прихвостень, как Дубинский, который сможет еще и собирать со студентов бабки по его приказу.

Баян:

Слушай, да без вопросов вообще! У нас как раз тут новая кафедра открывается! Политология! Хочешь возглавить?

Дубинский:

Ой, эт самое! Серьезно, что ли? Вот это предложение, конечно! Но, я ж не, как его, не политолог!

Баян:

Слушай, да это по шарабану вообще! Это новое какое-то направление, кто там разбираться будет? В общем, предлагаю один раз. Если не хочешь, найдется кто-то другой.

Дубинский:

Не-не, я согласен! Давай!

Баян:

Ну вот, совсем другое дело! Все тогда, работаем вместе! Дипломы там тебе сделаем, законно, естественно. Так сейчас все делают, это нормально, не волнуйся. Книжек вон почи-таешь и сойдешь за политолога. Там я почитал одну. Ну, хрень полнейшая, любой бред несешь и добавляешь слова, с политикой связанные!

Дубинский:

Спасибо, Володь! Большое! Вот жена-то обрадуется!

Баян:

Да, давай, иди обрадуй!

Дубинский радостно бежит до дома, а Баян поворачивается к столу и продолжает изучать свой журнал.

Жена рада, Дубинский становится политологом. Однако со временем Баян начинает его обманывать, не выплачивать часть зарплаты, нагружать лишней работой. Людмиле это не нравится, но Дубинский ничего не может сделать. Всякий раз, когда он пытается высказать какие-то претензии Баяну, тот убеждает его, что ему все кажется и никакого обмана нет. И Дубинский верит. Ведь он же считает Баяна не просто начальником, а еще и другом. И любит его так, как полагается любить друзей.

В итоге Людмила уходит от Дубинского к состоятельному московскому банкиру.

Сцена 11. Квартира Дубинских (Воспоминание)

Людмила:

Хватит валяться на полу! Ты че как маленький?!

Дубинский:

Людочка, ну почему же ты от меня уходишь?! Ну, прошу тебя! Я же люблю тебя!

Людмила:

Мне твоя любовь на фиг не сдалась! Ты ничтожество! Встань с пола, отпусти мои ноги, дай мне обуться!

Людмила отпихивает Дубинского, надевает сапоги, берет чемодан и выходит из квартиры. Дверь захлопывается, и Дубинский остается один.

И после этого Дубинский, что называется, начинает плыть по течению. Ему становится наплевать на всех и вся. Он озлобляется и начинает отыгрываться на студентах, вымогать у них взятки, подкатывать к первокурсницам, а по вечерам пить водку.

Сцена 12. Кабинет политологии (Наше время)

Дубинский сидит и плачет, уткнувшись лицом в стол. Просидев так еще минут десять, он все же встает, берет свой разорванный портфель и, шатаясь, еле переставляя ноги, выходит из кабинета.

Сцена 13. Физкультурный зал

Утюгов ведет секцию тренажерного зала и смотрит, чтобы каждый студент был занят делом, а не прикидывался ветошью.

Утюгов:

Слышь, дохлик! Ты че там лежишь? А ну-ка делай пресс, а не притворяйся! Вы че, пришли тут и думаете, что можно тупо галочки получить? Не-а, ни фиги!

В зал входит Борматов.

Утюгов:

Борматов, че кислый? Как там с политологией?

Борматов:

Да я-то его дожал. Не ушел, пока трояк не поставит.

Утюгов:

Красава!

Борматов:

И этому. Умнику пятерку поставил. А всех остальных выгнал и сказал на пересдачу идти. Чет пипец он разозлился. На меня одноклассники наезжали еще сначала, что я во всем виноват. Но потом как-то подумали и поняли, что он и без этого случая как мразота себя вел. Еще и к девочкам подкатывал.

Утюгов:

Подайте вы жалобу на него уж наконец!

Борматов:

Так а куда? Он же там, по слухам, что-то с Баяном мутит. К Баяну придешь, он пошлет, слушать не станет.

Утюгов:

Конечно, Баяну и не надо. Вы подавайте сразу в министерство. Материала-то там хватит на Дубинского. У него вон, через каждое слово проскакивают оговорки по Фрейду.

Борматов:

Хм. Действительно, можно же в министерство! Хорошо, спасибо. Обсудим тогда сегодня. Василий Васильич, а вы-то чего не уволитесь? Вы ж говорили, что у вас магазин спорттоваров есть? На фиги вам тут работать-то?

Утюгов:

Да понимаешь... Люблю я спортсменов воспитывать из вон таких дохляков, как вон тот, в углу. Я тебе сказал, делаем! А не делаем вид! Да, и советы давать. Кому тут место, а кому нет. Вот тебе, Борматов, доучиться надо и агрономом быть. Эт твоё. А вот твоему однокласснику Понимасову, к примеру, я уже говорил, что надо отчисляться и двигаться в чем-то другом. По

нему видно, что родители заставили сюда идти. Получится потом потраченное зря время. Не своей жизнью живет.

Борматов:

Ну а как понять, что тебе нужно? Я вот знал сразу. А кто-то ведь не знает.

Утюгов:

А сразу и не обязательно знать. Это жизнь покажет. Пока не попробуешь – не поймешь. А надо пробовать разное. И не бояться пробовать, самое главное. Не надо ничего бояться. Надо, конечно, если за что-то взялся и поначалу не получается, идти до конца. Но если ты очень долго и очень упорно чем-то занимаешься, но по итогу совсем никак не идет и приходит понимание, что тебе это и не нравится вовсе, то бросай и бери пробуй другое! Это значит, что не твое это дело. Так и найдешь в итоге свое. Я-то тоже не сразу это понял. Не сразу понял, что не тем занимался. Я же был физиком-ядерщиком.

Борматов:

Серьезно?

Утюгов:

Да. Потом меня уволили и поставили блатного чувака на мое место. Я долго злился, конечно, думал, что это и было мое призвание, а потом понял, что нет. Здесь я счастлив, а там думал, что счастлив. И тоже в универе много чего ненужного учить приходилось. Это увольнение открыло мне глаза, что я вообще не тем занимался. Но вам я зато сейчас это все говорю, чтоб вы хоть как можно раньше это все поняли. Так что подавайте жалобу на Дубинского. Таких, как он, преподавателей быть вообще не должно.

Борматов:

Спасибо вам, Василий Васильевич.

Утюгов:

Да ладно, брось ты.

Борматов и Утюгов жмут руки.

Сцена 14. Скамейка у вуза

Тютюшкин пьет минералку. У него дико кружится голова, его тошнит, но соображает он уже отлично. Обдумав все, что произошло, он приходит к выводу, что был не прав. Необходимо все-таки идти к Баяну и пожаловаться на студентов за то, что они довели его! Он испытывает чувство досады из-за того, что сразу не сказал все Баяну как есть, а придумал всю эту историю с температурой. А все, что ему там почудилось в пьяном бреду, совершенно ничего не значит.

Тютюшкин достает из кармана свой кнопочный телефон с задней крышкой, заклеенной изолентой, и намеревается позвонить ректору Баяну, чтобы поинтересоваться, не занят ли он и можно ли к нему зайти. Он совершает дозвон, Баян принимает вызов и, не смущаясь, ворчит и ругается матом от того, что его отвлекли от важного дела.

Баян:

Алле, кому че надо, я занят!

Тютюшкин:

Алло, Владимир Сергеевич? Это я, Аркадий Сергеевич!

Баян:

А, Тютюшонок, это ты, что ли? Ну че ты там, температуришь еще?

Тютюшкин:

Нет, нет, уже выздоровел.

Тютюшкин слышит на другом конце провода звуки ревущих машин.

Тютюшкин:

Владимир Сергеевич, вы не в вузе, что ли?

Баян:

Ах ты, е-мое... Второй пришел... А? Да в вузе, вузе! Выздоровел, говоришь?

Тютюшкин:

Да-да, Владимир Сергеевич! Все отлично! Подскажите, к вам можно зайти сейчас?

Баян:

Да, заходи, заходи. Это самое, Тютюшкин, в киоск сгоняй за одноразкой еще по-братски!

Тютюшкин:

Да, конечно, конечно, Владимир Сергеевич. Какой вам вкус?

Баян:

Ну ты, Тютюха, лопух, я тебя уже сколько гонял за ними, че, приказы ректора не запоминаем? За такое лишение зарплаты полагается, если че!

Тютюшкин:

Я просто на всякий случай уточ...

Баян:

Че ты там лопочешь, утеночек? Давай, десять минут у тебя. Пока я тут доигрываю... Это... Дописываю! Бумаги... Давай. Одна сопля здесь, другая там.

Тютюшкин:

Уже бегу, Владимир Сергеевич!

Баян:

Давай уже, быстрее там. Эх, Тютюха, как же кайфово с тобой по-нормальному общаться не в стенах вуза, без этого официоза, е-мое...

Тютюшкин:

Владимир Сергеевич, так вы можете общаться всегда со мной так, как вашей душе угодно!

Баян бьет кулаком по столу так громко, что у Тютюшкина захлебывается и чуть не ломается и без того свистящий и хрипящий динамик телефона.

Баян:

Я тебе объяснял, лошара! Новая этика! За нами следят! Они нас везде прослушивают, везде! Хочешь, чтобы они тебя закопали?!

Тютюшкин спрыгивает со скамейки, оглядывается по сторонам и слегка наклоняет шею. Он переходит на шепот.

Тютюшкин:

Владимир Сергеевич, простите... Пожалуйста... Просто вы же так и не объяснили, кто это они... И как следят...

Баян тоже переходит на шепот.

Баян:

Это не твоего ума дело! Слушать меня! Они везде, вокруг, всюду!

Тютюшкин поднимает голову вверх и оглядывает крыши зданий.

Баян:

Конец связи! «Морозного ежика» бери вкус!

Баян бросает трубку.

Тютюшкин, оглядываясь, слегка кружась и чуть не спотыкаясь о мусорное ведро, направляется к киоску.

Сцена 15. Кабинет Баяна

Тютюшкин:

День добрый!

Баян спит, положив ноги на стол. После того как входит Тютюшкин, он резко вскакивает, с него слетают брюки. Нагибаясь за ними, чтобы надеть, он хватается и, разгибаясь, ударяется башкой о стол.

Тютюшкин:

Вам помочь?

Баян:

Да не, все нормально тут... Эх... Принесли, Аркадий Сергеевич?

Тютюшкин:

Да, конечно.

Тютюшкин вручает Баяну одноразку со вкусом «Морозный ежик». Баян плюхается в кресло и начинает жадно ее парить.

Тютюшкин:

Я хотел бы рассказать еще кое о чем, что вчера случилось!

Баяна уже не видно за столом, он находится будто в тумане.

Баян:

Ну что ж. Рассказывайте тогда!

Тютюшкин:

В общем, один студент по фамилии Елов отказывался выполнять требование преподавателя, то есть меня! А потом еще и хамил! И вся группа поддержала его и тоже хамила!

Баян:

Ну, это очень плохо, что тут можно сказать! Что думаете с ними делать?

Тютюшкин:

Я считаю, что их надо отчислить!

Баян:

Ну, видите ли, Аркадий Сергеич, статистика вуза так портится... Сейчас как-то надо по-другому с такими случаями работать. А давайте-ка заставим их чистить территорию института!

Тютюшкин:

Вот, давайте так! Все равно они больше-то ни на что не годны, бестолочи! Так хоть пользу принесут!

Баян:

Ну, вот и решили тогда! Я лично их сюда вызову и все им скажу!

Тютюшкин:

Тогда все, я пошел!

Баян:

Да, давайте! За работу!

Тютюшкин выходит. Баян дезориентируется в «тумане» и чуть не падает вместе с креслом на пол.

Сцена 16. Коридор на первом этаже

Группа АГ-325 обсуждает, подавать ли жалобу на Дубинского в министерство или нет.

Борматов:

О чем разговор вообще? Он домогался до Светы, Кати, Даши и Кристины. Он извращенец старый!

Кристина:

Да! Он ехал за мной до самого моего дома на своей красной копейке. Это при том, что я ехала на маршрутке!

Света:

Мне он предлагал устроить дополнительное занятие на дому! Причем у меня! Типа у него там не убрано!

Катя:

И зачет мне предлагал прошлый сдать таким образом! А у парней он взятки вымогает!

Борматов:

И кто-то считает, что этого не достаточно?

Ложкарев:

Только, ребят, проблема есть. В его домогательствах никогда прямого контакта-то не было. Вы помните такого?

Все задумываются и понимают, что, действительно, Дубинский никогда никого не трогал физически. Мог только преследовать и намекать.

Борматов:

И что ты хочешь сказать?

Ложкарев:

Что домогательства притянуть не получится. Только взятки и превышение полномочий.

Борматов:

Ладно, хрен с ним. И этого хватит.

Подмазюк:

Я считаю, что все это ложь! Акакий Эсмеральдович отличный преподаватель!

Борматов:

Подмазюк, ты вот и вправду Подмазюк же!

Катя:

Да, Подмазюк! Ты же ко всем всегда просто подмазываешься! Вот они и ставят тебе так все оценки! Так и с этим Дубинским! Еще все эти его лекции пишешь, цитируешь. Которые он с интернета тырит!

Даша:

Так мы вчера еще погуглили. Кто-то пишет, кто учился у него когда-то, что у него образование ПТУ плотника! И тут он по блату работает!

Подмазюк:

В общем, я против! И считаю, что Борматов поступил по-свински!

Борматов:

Так, финальный опрос! Кто считает, что не надо подавать жалобу, поднимите руку?

Никто из группы не поднимает руку.

Борматов:

Кто считает, что надо?

Поднимают все.

Борматов:

Единогласно!

После этих слов группа студентов из двадцати человек поднимает несогласного Подмазюка на руки, выносит его на улицу и выбрасывает на замусоренную клумбу.

В этот момент на улице уже как раз убирается группа, наказанная Баяном за хамство в адрес Тютюшкина. Студент Елов подходит к клумбе и видит лежащего в окурках Подмазюка.

Елов:

Эй, ты чего тут?

Подмазюк:

Пфу... Блин! Почему у нас тут так грязно?!

Елов:

Ну, вот и уберу как раз, если встанешь. Ты чего тут забыл?

Подмазюк:

Да одноклассники меня так, видимо, проучили! За то, что я не хочу в министерство жалобу подать на преподавателя политологии Дубинского! Уважаемого человека, между прочим!

Елов:

В министерство? Можно подать в министерство, не Баяну?

Подмазюк:

Да, можно. Им это подсказал этот, физрук, Утюгов который.

Елов:

Интересно, интересно...

Подмазюк:

А вы тут чего убираетесь? Для субботника-то рановато вроде?

Елов:

Да, так... Тоже тут с преподавателем повздорили... С Тютюшкиным, математиком. Знаешь такого?

Подмазюк:

Нет.

Елов:

И хорошо. Слушай, ты давай вставай. На вот тебе метлу, отряхнись. А я сейчас прибегу.

После этих слов Елов бежит к своим одногруппникам, чтобы предложить им подать жалобу на Тютюшкина в министерство.

Сцена 17. Кабинет Баяна

«Ниночка, опять принтер не печатает!» – неистово кричит Баян, забывая, что сегодня она взяла отгул.

«Ну опять эти проблемы! Кто починит этот вонючий ксерокс? Без секретарши как без рук!»

Баян берет ручку, и чернила на злобу дня портят очень важный документ.

«Все, день не задался, можно и не пытаться работать. Отдых, отдых! Блин, статистика эта плохая... Ну че все так криво-косо-то?!»

Атмосфера скуки перемешивается с запахом сигаретного дыма и не выветривается даже окном с улицы. Баян не может себя заставить доделать отчетность и решает пять минут посмотреть «Тик-ток». Он натывается на смешной видос с Даней Милохиным и начинает истерично ржать. Посреди пустыни дневной рутины возникает оазис...

Баян решает, что к работе возвращаться он сегодня точно не намерен, а бумажки он сбавит, как обычно, Тютюшкину. Сейчас же ему очень хочется поиграть в какую-нибудь новую компьютерную игру, и поэтому он достает телефон, чтобы набрать заведующего кафедры программной инженерии Юрия Венедиктовича Пенчека. Читатель может подумать, а при чем здесь заведующий кафедры программной инженерии и компьютерные игры, но противоречий тут никаких нет. В 2006 году Баян познакомился с ним лично на рынке в отделе компьютерных дисков, и Пенчек сразу его узнал: Юрий сам учился в Окопо-Ямском государственном университете в свое время, и после окончания вуза он не мог найти работу по специальности. Сметнув, что Баян может помочь ему в карьере и что это, возможно, его единственный шанс, он пришел к нему лично просить устроить его на кафедру. Баяна не устроила такая наглость, ведь он зашел к нему в понедельник, когда Владимир Сергеевич играет в турнир по солитеру со своим виртуальным другом из Шотландии. Однако в день, когда он пришел на стихийное собеседование, у Баяна сломался монитор, и он попросил юного специалиста о помощи. Тот бился три часа, пока не понял, что шнур монитора не подключен к системному блоку. Несмотря на это, Баяна удивила острота ума Юрия. Он на радостях вызвал секретаршу, как обычно, пристал к ней и приказал: «Таша мне сюда эту бестолочь Арнольда!», имея в виду действующего на тот момент заведующего кафедры Арнольда Викторовича Поланина. Зайдя в кабинет Баяна, Поланин стал свидетелем диалога странного незнакомца и Владимира Сергеевича: «А ты знаешь, как мне установить новую видеокарту?», «А как скачать 64-битную винду?». Баян вскинул взгляд на зав. кафедры и сказал, что он тут больше не работает. Тот еще долго валялся в ногах Баяна, умоляя не увольнять его, ведь он принес очень много денег со взяток, но решение Баяна было непоколебимо, и он взял и назначил Юрия Пенчека новым зав. кафедры, предложив старому вакансии уборщицы. «Пошел вон, бестолочь!» – вскрикнул Баян. Обиженный и униженный зав. кафедры покинул кабинет с повисшей головой.

«Слушай, а ты знаешь, как установить эту... Ну где стрелять надо еще?» – еще раз спросил Баян. Юрий ответил: «Конечно, я могу ее запрограммировать, сегодня же будет у вас на столе». Пенчек знал толк в правильном копировании игр: так у него была уже целая золотая пиратская коллекция. Он принес стопку из 20 дисков Баяну и установил каждую игру. Радости Баяна не было предела, он засел за все игры подряд, изучая мир видеоигр, начав с пиратской модификации GTA «Бандитский гуляш». Начиная с этого момента, Баян всячески поощрял нового работника, то и дело выдавая премии за новую игру. Все было хорошо до того момента, как Баян не удосужился проверить расходование бюджетных средств и обнаружил, что старый зав. кафедры купил оборудования для научных исследований в области проектирования ПЛИС. Баян был очень зол на старого заведующего кафедры, отчего в отчаянии вызвал Юрия

и плакался о своей потере денежных средств. Пенчек предложил гениальную идею: «Давайте продадим все это хламье на Горбухе».

Ночью 9 ноября 2006 года они дожидались, пока охранник сделает последний обход, доест свой пончик и ляжет спать. В этот момент Баян и Пенчек прятались на кафедре программной инженерии. Все нужно было сделать тихо в атмосфере строжайшей секретности, так как задуманный Баяном и Пенчеком план вряд ли бы понравился, а если быть точнее, то сто процентов бы не понравился в те времена первому проректору Сергею Валентиновичу Пожухлому – ответственному и педантичному сотруднику, ближайшему на тот момент соратнику Баяна, с которым у него тем не менее часто возникали разногласия из-за разных подходов к работе. Баян и Пенчек принялись тащить награбленное богатство через задний двор и загружать в кузов грузовика. К утру они завершили дело и выехали по трассе до Москвы. В те два легендарных дня они везли весь этот хлам, проезжая кочки на большой скорости, выкидывая сигареты в окно и успевая знакомиться с местной придорожной едой, от чего их часто доставала диарея. В конце концов они оказались в Москве. На Горбушке они немного потерялись, не понимая, в какой секции нужен им шнырь. Вдруг человек армянской внешности в кепке-хулиганке свистнул, да так свистнул, что Баян аж оторопел. Это был Ашот – главная крыша компьютерного бизнеса. «Эээ, дорогой, как доехали?». После пары приветственных фраз они прошли в комнату, где стали обсуждать сделку. «Да вот один идиот купил эту фигню, деньги потратил, а теперь не вернуть, какие-то там компьютеры из Германии. Руки ему оторвать надо», – сказал Баян. «Не волнуйся, дорогой, все решим сейчас. Вон отправим поездом в Белоруссию твой хлам, там уже заказчик нашелся». «Уже?» – удивленно ответил Баян. Сделка была завершена.

Баян уже подносит палец к значку вызова на экране рядом с номером Пенчека, как вдруг на его патриотичный айфон поступает другой звонок. Этот номер уже неделю мозолит глаза. Звонят из министерства, хотят улучшения показателей. Баян уже был опытен в этом и научился отбиваться от атак бюрократов. Однажды ему позвонила студентка и представилась Аленой Котлетовой из группы АГ-214. Она пожаловалась на гнилые продукты в буфетах института и на коррумпированных преподавателей, на что Баян ответил: «Ну эта проблема не нова, и че?»

Министерство:

Товарищ Баян, что творится с вашими преподавателями?

Баян:

Как что? Все вроде нормально. Идет смена кадров, свежая кровь, так сказать.

Министерство:

Два ваших кадра тут такое чудят, а вы и не знаете даже. На обоих уже заведены уголовные дела, оба под следствием.

Баян:

Не может такого быть, да такого никогда и не было! Может, вы что-то путаете?

Министерство:

Тютюшкин и Дубинский. Оба попали под статью 285 УК РФ. Тютюшкин умудрился и по 133 УК РФ залететь. Увольняйте их задним числом, пока журналюги не налетели, как коршуны.

Баян кладет трубку и сидит с таким видом, будто на него рояль упал. Этот тот случай, когда вообще не знаешь, с чего начать: «Тридцать лет карьеры могут уйти коту под хвост... Ну что же делать?»

Проблемы начинают нарастать комом, и паника охватывает Баяна все больше: «Где они сидят-то хотя бы? Ексель-моксель! Репутации вуза теперь жопа! Как они так спалились-то, е-мое?! Бараны!»

Баян решает позвонить своему другу в прокуратуру и узнать, где сидят его подчиненные. «Да, Вить, это я, тут такое дело...»

Действие второе

Сцена 1. СИЗО «Белая жаба»

Баян заходит в пугающее темное и сырое помещение. Кажется, время тут застыло. В советскую эпоху словно возвращают плакаты и листовки, мирно висящие на стене. Баян ожидает следователя по делу. Капли протекающей крыши отсчитывают пугающие минуты до прихода известий о дальнейшей судьбе этих преподавателей. Под скрипучий визг двери врывается следователь Емелькин Сергей Гонбоевич.

Начинается мучительный диалог.

Емелькин:

Скажите мне, как вы могли столько лет держать извращенца на своей кафедре?

Баян:

Вы знаете, мы вообще ж думали, что он гей, он так и написал в резюме, причем выделил жирным шрифтом. Математик-Гей. Ну мы и вообще подумать не могли. Мы подозревали, что он просто конченный дебил.

Емелькин:

Ну а вы вообще получаете письма от студентов?

Баян:

Да, конечно, вчера вот читал письмо.

Емелькин:

Так у вас даже ящика нет для жалоб.

Баян:

Так я на гугл-картах читаю отзывы, у нас там 4 звезды.

Емелькин:

НУ, ТАК НА ГУГЛ-КАРТАХ НЕ НАПИШУТ, ЧТО ДО МЕНЯ ТЮТЮШКИН ДОМОГАЛСЯ! Мы получили обращения от 7 студенток и ведем экспертизы. Вы можете ходатайствовать по проведению специальных проверок, доказывающих обратное, это ваше право.

Баян:

Я свои права знаю, вы за своими следите. Я требую свидания с Тютюшкиным!

Емелькин:

Может, вам при свечах еще? Запрещено, пока ведется следствие. А вы заинтересованная сторона. Так, мне еще много работы предстоит, можете идти.

На Баяна как-то влияет гнетущая обстановка СИЗО. Он начинает бояться находиться здесь. Он мечтает отмотать время назад, до всех этих событий.

Баян идет по длинному коридору и видит охранника. Тот провожает своими хитрыми глазами. Бывают люди, которые как зеркало своего взгляда. Баян будто рефлекторно пытается дать взятку охраннику, чтоб свидеться с Тютюшкиным. Тот понимает его без слов.

И вот темный подвал, где светится одна лампочка, где сидит изнеможенный преподаватель. «За что так с ним? – думает Баян. – Еще ж ничего не доказано! А вдруг он и вправду это делал? Ну он же точно не скажет правду, если это делал. Может, блефовать, что я все знаю?»

Открывается дверь, и Баян садится напротив Тютюшкина.

Баян:

Я все знаю!

Тютюшкин:

Да? А знаете, что такое интеграл Кичибекова?

Баян:

Да ты совсем debil?! Я знаю, что ты извращуга! Зачем ты все это делал? Это же первокурсницы-второкурсницы, в конце концов! Дети еще! Нельзя так! Ты ставил себя на их место? Объясни, почему? Всех можно понять. Погрузи меня в ситуацию.

Тютюшкин молчит. Весь его вид говорит о том, что он таит в себе секрет, как сейф из галамарта. Такой страшный секрет ни за что не отпустить. Себе дороже.

Баян:

Вот и чего ты добился? Двадцать пять лет гнить в этой тюрьме, ты на что надеешься?

Тютюшкин немеет от эмоционального удара. Это число, похоже, и есть ключ к разгадке его тайны.

Тютюшкин:

Как двадцать пять?! За что двадцать пять?! Я никому ничего не сделал! Ну сделал, но не на 25 же! Мне обещали 5, вот суки! Менты позорные!

Тютюшкин резко подпрыгивает со стула и снимает ремень. Он бежит к трубе, проходящей вдоль камеры, и пытается удавиться. Баян дает ему по роже, и тот теряет сознание. Очнувшись через десять минут, Тютюшкин сидит с таким видом, будто в аду побывал. Его лицо точно напоминает алые тона ада. Оно безжизненное и обесчеловеченное.

Баян достает из-за пазухи магарыч, наливает ему и заставляет выпить. Тютюшкин, выпив, забывает про страх и про какие-либо заботы. Он абсолютно пуст, за него говорят его скрытые тайны.

Баян:

Признайся и покаяйся, если ты мужик! Соверши поступок! Тебе сразу станет легче. Каждый имеет право, чтоб его простили.

Тютюшкин:

Во мне уже все сгорело, я ни о чем уже жалеть не могу, поэтому расскажу все как было. Студенток я воспринимал как мою первую любовь. Я подсознательно искал себе Элоизу, которую сожалел, что потерял. И пытался слепить ее из студенток. Я за ними ухлестывал и видел в них мою первую любовь. Но даже с ними у меня ничего не получалось, так как я боялся идти

далее. Я всегда хотел быть на этапе, когда Элоиза тут рядом, но не заходит дальше. Я пытался побороть свой страх, но всегда меня что-то останавливало. Я всегда орал на студентов только для фальшивого ощущения, что я ничего не боюсь и я весь такой страшный. Я обманывал себя. Я каким был, таким я и остался. Не знаю, может, это мое самое большое наказание.

Баяну становится до невозможности противен сидящий перед ним человек.

«Как вообще такими кончеными становятся?! Зря я его не уволил пять лет назад... С концами! Теперь вот мне проблемы с ним иметь. Да он же debil, еще наговорит про меня что-то! Что же делать...»

Баян:

Ну ты понимаешь, что в ближайшее время тебе тут мужа найдут и сосватают? И даже не спросят. Ты на фига ментам правду говорил? Они тебе развели как лоха! Сидишь дрочишь свою математику, а ни фиги не знаешь о жизни. Ты хочешь до конца жизни ублажать местных амбалов тут?

Тютюшкин:

Нет конечно! Я не знаю что делать, это тупик, нет выхода. Я уже все посчитал.

Баян:

Какой же ты идиот... Значит так, я тебе помогу по старой дружбе, но запомни! Ты сам ничего не делаешь, так как ничего не умеешь. Указания будут приходить через человека из 446-й камеры. Пока сиди тут и иди в отказняк. Будем доказывать, что ты невменяемый. Плюс экспертные проверки были с ошибками, так что будем играть в кошки-мышки со следствием.

«Как же хочется прикончить идиота прям тут. Он может всю карьеру испортить на ровном месте! Ладно, пора идти», – думает Баян.

Сцена 2. Подъезд СИЗО. Мерседес Баяна

На улице идет ливень. Баян выходит из СИЗО и садится в свой Мерседес Brabus. Он думает, кому можно позвонить, какие у него еще остались знакомые. И вот! Ответ готов!

«Точно! Есть же из префектуры, этот. Как его... Братозятков!»

Баян звонит ему.

Братозятков:

Алло, Володя!

Баян:

Эдгар Антонович, день добрый!

Братозятков:

Добрый, добрый, Володя! Но точно ли добрый? Слыхал, что птенцы не в гнезде!

Баян:

Какие птенцы?

Братозятков:

Ну, гнездо разворошено!

Баян:

Гнездо? Вы птиц завели?

Братозятков:

Да ты совсем, что ли, тупорылый?! Я про преподавателей твоих говорю! Что у них проблемы!

Баян:

А-а-а! Ну, да, да.

Братозятков:

Ну, ты как-то вопрос то решаешь?

Баян:

Ну, с одним что-то пошло сейчас. Вот только он него вышел. А вот Дубинского как-то найти надо бы...

Братозятков:

Ага... Ну, понял, понял. Ну, давай с тобой сегодня встретимся в ресторане «Белый кальмар», и ты передашь мне игральные карты, чтобы я решил проблему.

Баян:

Эдгар Антонович, ну, вы играть, конечно, умеете, но вы не выиграете же следака в обмен на Дубинского? Он поди так не согласится...

Братозятков:

Ты совсем баран или да?! Деньги возьми! Чтоб на еду хватило!

Баян:

А-а-а-а... все, понял. Понял.

Братозятков:

Все! В восемь вечера там тогда.

Баян:

До связи!

Сцена 3. Хоздвор СИЗО «Белая жаба»

Тютюшкин попадает в другой мир, который даже в бреду не придумаешь. Тут другие правила, другие люди, все другое. Что на гражданке казалось детским лепетом, тут спрашивается строго.

Тютюшкин ищет осведомителя из 446-й камеры. Он должен подать условный знак, насвистывая песню «5 минут, 5 минут...». Он замечает одиноко стоящего мужчину, будто специально поставленного на это место. Он стоит в месте, куда не доходит солнце, и тень его выделяет.

Тютюшкин робко идет ему навстречу. В толпе, стоящей на пути, Тютюшкин аккуратно пробирается, чтобы никого не задеть. Подойдя к человеку, он видит приятного парня с интеллигентным видом. Его кличка – Соленый.

Соленый:

Это ты тот самый математик?

Тютюшкин:

Вроде да.

Соленый:

Почему вроде? Математики тут нужны. Считать, сколько осталось срока мотать. Компьютеры же отключили, вот и считай. Будешь всем законникам считать, сколько трубить остается.

Тютюшкин:

Так, значит, эн больше равно 154, мы это минус 67 и выходит, что мне...

Соленый:

У тебя с чувством юмора плохо или да? Тяжелый случай... Значит слушай меня сюда. Вне стада тут не выжить, так что сиди тихо и не рыпайся. Будешь в составе мужиков, налажаешь – пройдешь точку невозврата и к петухам. Пойдем поталдычим к буфету, а то есть хочется.

Сцена 4. Тюремная камера

Следующую неделю Соленый дает Тютюшкину консультации, и тот ездит подготовленным на допросы. Тютюшкин вроде уже думает, что все может вернуться на круги своя.

В один из дней он сидит в хате и слушает музыку. Три его соседа делают фарш из цельного куска мяса ножом. Очень трудоемкий процесс, поэтому о Тютюшкине никто даже и не думает. Отвлечением от процесса служит тюремная ММС-ка. Она приходит через сортир с верхнего этажа. Обычно в ней не ждут серьезных новостей. Но на этот раз в ней что-то интересное, текста накалякали больше обычного.

ММС-ка гласит: «В вашей хате живет петух, он домогался до студенток, и поэтому ваша хата объявляется сучьей...»

Прочитав только это, мужики приходят в ярость и начинают колотить Тютюшкина за то, что он не сказал им правду про себя. В него летит зэчий стул и ломает ему ребро. Дальше его окунают в парашу и прыгают на его лице. Мужики бьют его, пока не сбегается охрана и не разнимает стороны конфликта.

Сцена 5. Ресторан «Морской окунь»

Следователь районного отдела Хитродаев идет в ресторан «Морской окунь», с оглядкой он высматривает и запоминает подозрительные лица.

На входе в ресторан его встречает намыленный официант и приглашает к назначенному столу. Ему подают горячие бычьи яйца с огуречным рассолом на второе. Время летит незаметно и пугает своей скоростью.

Следователь ожидает еще час и понимает, что никто не придет. Он начинает вставать из-за стола, как вдруг ему приносят коробку для чаевых. Открыв ее, он обнаруживает записку в конверте, а с ней деньги.

Записка гласит:

В одиночестве дуб стоит
Вольный ворон ему говорит
Беги, дуб, на свободу,
Отрывая от корней воду

Хитродаев сует деньги в карман и бежит домой.

Сцена 6. Дом Хитродаева

Весь вечер он смотрит «Счастливы вместе» по ТНТ и параллельно думает, как бы вытащить этого Дубинского.

«Как бы вытащить этого Дубинского, черт бы его побрал! Набрался я себе забот на голову мою лысую. Еще дело ведет этот Проглядяев поганый! Пришел пятерочник из института с красным дипломом и думает, что самый умный! Носит эти свои конспекты поганые! Он верит конспектам больше, чем мне!»

Сцена 7. Районный отдел

Наутро Хитродаев приходит на работу. Охранник смотрит «Дом 2» по телеку.

Хитродаев:

Выключай свою хренотень! Устроили тут бордель! Ко мне, сука, после обеда зайди! Ты будешь хвосты коровам закручивать! Оборзели совсем!

Плохо начавшееся утро дает отрицательный прогноз на оставшийся день.

Хитродаев заходит в свой кабинет и рефлексивно тянется к выключателю, но свет уже горит. На своем месте уже сидит Проглядяев. Хитродаев про себя думает: «Вот идиот, опять пришел за четыре часа до начала работы!»

Проглядяев снова обложил свой стол пачками конспектов и обращался к ним, даже когда надо было сходить пописать. Он подбегает, чтобы поздороваться с начальником, и сует свою хилую ручку в тиски здорового Хитродаева, отчего почему-то краснеет, как эспандер из гала-марта.

Хитродаев:

Ты сегодня тут ночевал?

Проглядяев:

Да нет, я в три часа ночи заходил в «Перекресток» булочек купить, а потом на улице решил покемарить.

Хитродаев:

Так, давай проходи ко мне, раз ты тут пока один.

Проглядяев направляется в каморку. Он открывает дверь и запинаясь о ковер со всеми своими конспектами. Он падает на стул и катится с ним до окна, а конспекты вылетают на улицу.

Проглядяев:

О нет, мои конспекты!

Хитродаев:

Сука, откуда ты такой взялся вообще?! Иди отсюда, пока ничего не сломал, я соберу твои конспекты поганые!

Хитродаев собирает бумажки и начинает их сортировать. Он добирается до процессуальных действий о мошенничестве и придумывает гениальный план. Он распечатывает бредовые лекции с сайта «Интуит», мнет их, чтоб они выглядели, будто упали вместе со всеми. Затем он возвращает лекции владельцу и говорит, что уволит после очередной такой выходки.

Проходит три дня. Хитродаев сидит в своем кабинете, и к нему заходит Проглядяев с папкой экспертиз по Дубинскому.

Хитродаев:

Ну что, закончил?

Проглядаев:

Так точно, кончил!

Хитродаев:

Кончать ты будешь дома на жену.

Хитродаев смотрит на бумажки. Он начинает дико ржать.

Хитродаев:

Так, то есть я вот правильно тебя понимаю... Вот смотри, прямая передача взятки от взяткодателя студента Староконя к взяточполучателю Дубинскому. Взятка была передана в форме банкнот при трех свидетелях, прошедших очную ставку. Тебе надо было всего лишь доказать, что в конверте были эти деньги, а не что-то другое. И ты решил провести обыск дома этого студента, чтобы найти что?! Ты идиот, это же наш подставной студент, ты должен был отследить путь этих денег! Теперь нас уродит прокурорская проверка. Значит так, ты отпускаешь Дубинского и сам свободен, иначе я тебя сам засажу. Вон отсюда!

Проглядаев покорно и резво выметается восвояси.

Сцена 8 (Сон Тютюшкина)

Лазурные волны нежно гладят берега Франции. Вдали плавают белые точки – корабли, снующие на линии горизонта. Ветер ласково шелестит травой и делится легкой прохладой с отдыхающими. Тютюшкин идет по аллее роз – мекке каждой влюбленной пары. Атмосфера поцелуев смешивается с энергией молодых студентов. Тютюшкин потихоньку подходит к неоновой вывеске продуктового магазина. Он лезет в карман посмотреть, взял ли он наличку, и перед ним падает женщина. Он бежит к ней, берет ее за руку и поднимает. Как во французских фильмах, между ними проскакивает искра. Она держит его в клетке своего безумно красивого взгляда, уводящего его в коматоз. Лицо это настолько прекрасно, что он даже не понимает, что это его первая любовь. Она очень сильно изменилась. Года не украли ее красоту, но придали шарм зрелой женщины.

Неожиданно произносится взрыв. В небе летят штурмовики p51 «Mutang». Элоиза вырывается из его рук и бежит за угол. Тютюшкин пытается ее догнать. Поток напуганных зевак сносит его то в одну сторону, то в другую. Он бежит за ней через лес, не жалея своих дорогих туфель. Ее силуэт кажется таким близким, как эти корабли на берегу, но таким недостижимым. Пробегая маленькое деревце, он понимает, что дальше обрыв. Он кричит: «Элоиза! Стой! Ты упадешь!»

Он останавливается в метре от оврага и видит, что Элоиза падает в жерло вулкана и ее тело уже начинает вскипать и обугливаться. Тютюшкин делает шаг и...

Сцена 9. Палата тюремного госпиталя

Тютюшкин просыпается в госпитале. Перед ним дергается силуэт противной медсестры. Она меняет ему утку. Он находится тут уже не один день. Глубокие раны, порезы и ссадины не хотят заживать, а душевная рана разрывает его на части. Бедный, измученный, бессильный человек лежит на смятой постели и не знает, что делать.

«Как жить дальше, как смириться с тем, что я отсюда не выберусь? Умереть? Так убьют. Здесь с моим сроком долго не живут. Петухов на зоне мало, а над этим умирающим видом всем хочется еще поиздеваться».

Такие мысли крутятся у него в голове все время, пока он тут лежит.

«Слабый я человек, я не хочу себя видеть, чувствовать, я не хочу быть. Почему именно я в этой адской пропасти? Я ж делал все на благо общества, я был законопослушным, а меня вот так вот выкинули. Почему вот те, кто воруют миллионы, сейчас сидят на Лазурном берегу Франции, а я никогда и за границей не был? С детства твердят все эти мысли о справедливости, а где она? Может быть, ее не существует в природе, а это просто мираж, обман. Обмен твоей работоспособности на иллюзии о справедливости. Не хочу быть человеком».

С визгом хлопает стальная дверь, и входит главврач.

Главврач:

Тютюшкин, вы как себя чувствуете?

Тютюшкин:

Да вот, что-то опять под ребром болит...

Главврач:

Так, уже вас надо выписывать, тут много клиентов, вы более-менее здоровы, через два дня освобождаете помещение.

Тютюшкин:

Но мне действительно плохо...

Главврач:

Не мои проблемы.

Следующие два дня Тютюшкин рассуждает о бесконечном. Потому что он знает, что его ждет через два дня. По тюрьме ползут слухи, что Тютюшкин домогался до несовершеннолетних, а таких убивают хорошо и надолго. Он пытается вспомнить, что он вообще делал по жизни.

Об Элоизе он старается не думать, потому что он от этого уже устал. Он вспоминает о математике и со злостью думает, что она ему на хрен не пригодилась. Она никак не поможет в жизни, не спасет от бед и горя разлук, на что надеялся Тютюшкин. Он думал, что эта сила, обладая которой, он может покорять мир. Но нет, миром правят многие вещи, но никак не математика. Тютюшкин в такой ситуации, когда математика не имеет никакого смысла. Тут нужна хватка, сила воли, храбрость, а где их взять? Их просто так-то не считаешь в тетрадке и не получишь.

Тютюшкин начинается смертельно бояться своего выхода из госпиталя, он впадает в такой страх, что первый день падает в обморок и просыпается только утром. Наутро он встает

относительно бодрый и видит, что к нему в палату завезли нового пациента. Тот не знает статью Тютюшкина и общается с ним вежливо.

Зэк по палате:

Сыграем в партейку?

Тютюшкин:

Во что играть будем?

Зэк по палате:

А во что хочешь? Кости, шахматы, карты?

Тютюшкин:

Давай в шахматы.

Зэк по палате:

Любишь думать?

Начинается игра. Она заходит до сложного момента, когда Тютюшкин ставит мат. Он так жадно смотрит на короля, которому осталось жить пару ходов. Он видит, что над ним ладья и два ферзя. Все, бежать некуда. Его пробирает небольшая злость над этой фигурой и эйфория от стоящей впереди победы.

Вдруг зэк делает шаг навстречу одной ладье королевой, Тютюшкин не ожидает такого поворота событий. Он думает, что его товарищ с ума сошел, и переставляет фигуры. Вдруг Тютюшкин сам осознает, что ему теперь мат. Тютюшкин воспринимал резкий ход глупым в контексте своего видения, а этот ход поменял все ситуацию, и игра пошла по правилам этого короля.

Бывают, значит, такие ситуации, когда самый слабый может стать самым сильным. Хотя самым сильным его сделали правила шахмат, не будь правил, он бы никогда этого не добился. В игре без правил выигрывает самый сильный и хитрый. По чьим же правилам живут люди? В тюрьме люди видят друг друга насквозь и настолько тесно взаимодействуют, что в конце концов они могут сжиться, только если живут по правилам, которые в любой тюрьме одни. Есть идеал этих правил, которого все придерживаются. На воле другие правила, у бедных – одни, у богатых – другие. Каждая группка живет по своим правилам.

«Моя жизнь сменила правила игры, не спрашивая меня. Но спросив меня, хочу ли я побыть даже день в тюрьме, я бы не согласился. Может, когда Элоиза ждала от меня шага, я трусил новых правил? Я боялся, что не смогу играть в эту сложную игру. Но без смены правил немыслима любовь, значит, чтобы обрести счастье, нужна смелость принять эти правила и быть готовым к ударам судьбы. Я рад, что у меня хватило смелости признаться, что я всю жизнь трусил. Куда дальше? Есть ли смысл? Завтра меня ждет заточка из-за угла и скоростная смерть. Все. Хватит! Я должен достойно встретить смерть и хотя бы эту ночь спокойно без страха проспать».

Сцена 10

Баян подъезжает к СИЗО за Дубинским. Он паркуется, глушит мотор и ожидает.

Где-то через минуту Дубинский в коричневом плаще, черной шляпе с большими полями и со своим старым полуразвалившимся черным чемоданом в руках выходит из двери изолятора. Он тревожно оглядывается по сторонам в поисках машины Баяна. Баян замечает его и сигналиит.

Баян:

Дубинский! Сюда!

Дубинский:

А, да, да! Это самое, вижу!

Дубинский подбегает и залазает в «Мерседес» на переднее сиденье.

Баян:

Ну че, Дубина? С первой ходкой. Ну ты, конечно, выдал, собака такая. В тюрьме отсидел... Я-то не сидел никогда, тьфу-тьфу, а ты вон че!

Баян стучит кулаком по торпеде.

Дубинский:

С-спасибо, это самое, что помогли, Владимир Сергеич...

Баян:

Ну а че мне делать-то с тобой еще, Дубок? Потому что я лучший начальник, лучший! Ну и кто батрачить на меня будет?

Баян тянется к бардачку, открывает его и достает конфетки.

Баян:

Будешь?

Дубинский:

Н-не, спасибо...

Баян:

Ну смотри, Дубинский, больше не предлагаю. Тебе на такие бабла не хватит, только на сахарок дешманский самый, аха-ха-ха...

Баян заглатывает конфетки.

Баян:

Значит, Дубинский, расклад такой. Значит, сейчас я отвезу тебя домой. И ты месяц сиди дома и никуда не высывайся, пока вся эта история не уляжется. Считай, что это отпуск. Оплаченный, яшень пень.

Дубинский:

П-понял, Владимир Сергеевич! Эт самое, а что с Тютюшкиным?

Баян:

С ним-то... Сложно пока. Но процесс идет. Идет, Дубинский... Мне кто-то мешает...

Баян достает флягу коньяка из внутреннего кармана пиджака, жадно отпивает из нее, а затем громко икает и морщится.

Дубинский с опаской смотрит на Баяна – то ли из-за того, что Баян собирается вести машину в нетрезвом состоянии (хотя это было обычным делом), то ли из-за его слов о том, что ему кто-то мешает.

Баян:

Ладно, Дубинский. Ща тебя отвезу. С забором там забей, так и быть уж, запрягу Рависова с Купяткой, в отпуске доделают как раз. А ты смотри у меня, чтобы ни ногой из дома! Сиди картины малой свои да бухай. Че еще надо-то? Красота! Квартира у тебя лоховская, правда... АХА-ХА-ХА! Ну ладно, я угораю, угораю... Поехали...

Баян довозит Дубинского до дома и напоследок высмеивает его прикид.

Баян:

Ну ты, Дубина, оделся как художник, е-мое. Как гомик этот, Шмардковский... Ну педики одни кругом, никак не пойму этих педиков! Ладно, давай, иди самогонки дерябни да малой картины свои. Привет!

Дубинский выходит из машины.

Дубинский:

Д-до свидания...

Он натягивает шляпу до глаз и бежит до подъезда. Баян давит тапку в пол и несется до дома. По дороге он чувствует нарастающую тревогу. Ему опять кажется, что за ним следят. Он косит взгляд на радиоприемник в страхе, что его могут по нему прослушивать, но остатки здравого смысла подсказывают ему, что это полный бред. Он доезжает до дома, выходит из машины и достает какие-то таблетки из наружного кармана пиджака. Баян вскрывает флакон и заглатывает разом большую горсть, а после этого тащится к подъезду. Он поднимается наверх, его встречает жена Клавдия.

Клава:

Володя, привет. Как ты себя чувствуешь, ты совсем выглядишь плохо что-то... Может, в больницу поедем?

Бледный как полотно Баян вваливается в квартиру и следует на кухню.

Баян:

Никакой больницы! Я в безопасном месте, здесь! Они за нами везде следят, везде!

Баян громко хлопает дверцами, роется по шкафам и, наконец, находит бутылку водки. Клава входит в кухню.

Клава:

Володя, ну сколько можно, тебе нельзя пить! Ты же лечишься!

Клава пытается выхватить бутылку водки, но Баян отпихивает ее, и она слету приземляется на табурет.

Баян:

Слышь, я знаю сам, че надо мне! Понятно?! Это все Пожухлый, проректорошка несчастный... Это он мне мстит, он их засадил!

Клава закатывает глаза.

Клава:

Как ты задолбал... Володя, у тебя паранойя! Ты везде этого Пожухлого видишь уже, успокойся! Уволил ты его и уволил! Твои лопухи Тютюшкин и Дубинский сами лопухи и сами виноваты во всем, у тебя неадекватное восприятие реальности!

Баян не слушает жену и, повернувшись к ней спиной, вскрывает бутылку водки ножом над столешницей.

Клава:

Ну очнись, посмотри на себя! Ну ты же совсем с ума сошел, ты уже несколько лет с ума сходишь! Начиная с того момента, как мы в эту халупу переехали из нашей прекрасной квартиры! В эту гнилую девятиэтажку, потому что тебе казалось, что тебя преследует студент...

Баян резко оборачивается с ножом, Клава подпрыгивает на стуле.

Баян:

Не произноси его имя, не смей, собака! Захлопнись!

Баян прищуривается и замечает на шее у Клавы какой-то незнакомый ему кулон.

Баян:

Это че такое?

Клава:

Где?

Баян:

На шее у тебя.

Клава:

Кулон...

Баян:

Я тебе не дарил такой!

Клава:

Ты дарил, ты не понимаешь просто... На 8 Марта прошлое...

Баян:

Че ты лечишь мне, я помню, че я дарил, а че не дарил! Это камера там у тебя?! Ты на ментов работаешь, собака, заложить меня решила?! Или с Пожухлым этим работаешь, а?! В доме нашем, поди, камер понатыкала уже, пока меня нет, и микрофонов?! А ну сознавайся!

Баян начинает махать ножом в воздухе, Клава с визгом срывается со стула и выбегает в подъезд прямо в домашних тапках и сарафане. Чуть ли не перепрыгивая лестничные проемы, она несется вниз. Баян кидает нож в стену, и тот, оставляя порез на обоях, падает на пол. Баян делает глоток водки, ставит бутылку на столешницу и начинает бегать по квартире в истерике.

Баян:

Сволочи, вы же меня слышите, да?! В люстрах, в моих портретах, поди, микрофонов натыкали, собаки! Я несущу добродетель, я! Я науку в этом городе создал, я! А вы все – никто! НИКТО! А я – все! Я всех вас закопаю!

Баян снимает свои портреты, где он изображен в образе императоров, со стен и рвет их в поисках записывающих устройств. Затем он решает проверить, нет ли каких-то устройств на книжном шкафу под потолком: он приставляет к шифоньеру табуретку, встает на нее, но по неуклюжести спотыкается и падает, ударяясь головой об пол. Баян отключается и лежит с разинутым ртом посреди коридора. Ему на пузо с полка падает книга «Сто великих людей, изменивших мир», на обложке которой изображен он (такое специздание, оформленное на заказ, ему подарил его коллега, ныне первый проректор университета, Никита Юрьевич Рави-сов), но даже такая тяжелая двухсотстраничная книга не будит своим падением Владимира Сергеевича, а просто отпружинивает от его жирного мамона и приземляется на ковер поодаль.

Через несколько минут в квартиру возвращается Клава вместе с санитарями. Они оглядывают с порога лежащего в коридоре Баяна.

Санитар:

Этот умер?

Клава:

Кого умер, с ума сошел, что ли?! В чувства его приводите, давайте, быстрее!

Санитары приводят Баяна в чувство, грузят на носилки и выносят из квартиры.

Через несколько часов Баян просыпается в больнице. Во сне он видел свою мать, которая умерла, когда ему было четыре года, после чего отец отвел его в детский дом. Прекрасный и теплый сон, в котором они с матерью гуляли по красному осеннему лесу, заканчивается, и, открыв глаза, Баян видит треснувший потолок палаты и серые облупленные стены. Он оборачивает голову в окно и видит серое дождливое небо. Он морщится и поворачивается на другой бок, где его взору предстает прогнившая дверь больничной палаты. В последнее время он часто попадал в больницу то из-за запоев, то из-за нервных срывов, а когда и из-за обмороков. «Блин, щас бы водяры!» Баян приподнимается на кровати и оглядывается по сторонам в надежде увидеть на прикроватных тумбочках или где-то еще шкалик с медицинским спиртом, но безуспешно. Он встает с кровати, подходит к каждой тумбочке в палате и перерывает ее, но ничего не находит.

Баян:

Ну е-мое, за че им платят?! Кругом одни идиоты!

Баян с досадой возвращается в кровать и погружается в свои мрачные помыслы: «Ну вот, опять здесь! Опять довели меня, сволочи... Бездарности! Я столько добра сделал! Я этот университет поднял, я главный! Ну ничего, ничего, завистники проклятые...»

Тяга Баяна напиться сильна, его вновь начинают одолевать тревога и чувство, что за ним следят. С другой стороны, ему очень хочется спать, а в пьяном состоянии ему всегда снится полная ахиня, к примеру, читающие рэп и танцующие под фонк лимоны с большими выпученными глазами или преследующие его с молотком недовольные студенты, от которых он бежит по улице, но не может скрыться в зданиях, так как у тех нет дверей и окон на первом этаже, и видеть такие сны для него тоже испытание. Замкнутый круг. Невозможно заснуть из-за тревоги, но если успокоиться и заснуть под воздействием алкоголя, то обязательно приснится тревожный сон. Он решает попытаться успокоиться своими силами и заснуть в надежде, что снова увидит сон, где будет гулять с матерью по осеннему лесу, как вдруг в палату резко входит Клава. Баян вздрагивает.

Баян:

Ты че, собака, попутала совсем?! Еще громче войди!

Клава:

Володя, как ты себя чувствуешь?

Клава подходит и садится на краешек его кровати.

Баян:

Нормально как... Выписывать меня срочно, у меня работа! Я же ректор, если что! И сигарет мне, кента с кнопкой, сигарет мне!

Клава:

Володя, ну какие сигареты, у тебя сердце! Тебе надо лечиться...

Баян:

Я тебя щас вылечу, мне работать нужно! А ну метнулась, вещи мои собрала, едем домой, я сказал! Домой!

Баян встает с кровати и прямо в больничной одежде тащится к выходу. Клава, не в силах противостоять, тяжело вздыхает и следует за ним.

Сцена 11

Тютюшкин действительно засыпает практически сразу и ночью не просыпается. Он скидывает с себя балласт страха и утром встает с легкой душой.

Он встает, выпивает воды и идет с конвоиром. Его странная улыбка контрастирует с мрачными стенами тюрьмы. Проходя через коридор, он чувствует, что это его последний путь, но идет он по нему достойно. Коридор тянется вдаль на 40 окон слева и справа.

Тютюшкина заводят в камеру и освобождают от наручников. Он смотрит на горящие глаза сокамерников абсолютно спокойно. Непозволительно спокойно, это сводит с ума его сокамерников. Они умяляются в его глазах. Вдруг секунды спокойствия прерывает Тютюшкин.

Тютюшкин:

Убивайте меня, я разрешаю.

Тютюшкин говорит это с улыбкой.

Мужики первый раз попадают в такую ситуацию. Они не знают, что делать. Они не могут зарядиться животной энергией, чтобы его убить, но и оставить так это не могут. Самый большой из них бьет Тютюшкина по печени, но тот только улыбается, и это всех раздражает. Мужики начинают думать, что он в связях с администрацией, и боятся его трогать.

На следующее утро весточка проносится по всей тюрьме, и его сокамерников объявляют суками за то, что не расправились с ним. Многие зэки не понимают, что творится, и слагают легенды о неубиваемости Тютюшкина. Тютюшкин же ходит по тюрьме спокойно и никого не боится.

Проходит месяц, и следствие чудесным образом прекращается, все обвинения сняты. Тютюшкина пинком освобождают из тюрьмы. Он приезжает к себе домой, и к нему в гости наведывается ректор Баян.

Баян:

Тук-тук! Кто там, откройте!

Тютюшкин встречает вошедшего на порог Баяна. Баяну в глаза сразу бросаются его болезненный вид и худоба, которую подчеркивают серая водолазка и такого же цвета трико.

Баян:

Да, Тютюшкин... Капец, че они с тобой сделали...

Тютюшкин:

Здравствуйте, Владимир Сергеевич.

Баян:

Здорова, здорова. Фух... Ну, че сказать, устроили вы мне с Дубинским, конечно, запару! Кое-как я вас вытащил...

Тютюшкин:

Спасибо вам, Владимир Сергеевич. Не знаю даже, что вам сказать насчет всего этого... Вы проходите, чаю будете?

Баян:

А, да не, мне по делам надо дальше. Да че ты скажешь тут, Тютюшкин... Живи да радуйся. Ректор все устроил опять! Вы ж мне нужны, кто работать на меня будет?

Тютюшкин нехарактерно для себя усмехается и тупит взгляд куда-то в сторону. Баян замечает странную перемену в его поведении.

Баян:

Гм... Слушай, Тютюшкин, ну я вот тебе деньги принес. Щас ты месяцок посиди дома либо свали из города куда-нибудь, вон, по югу нашему прекрасному попутешествуй. Побухай там, ты же пьешь теперь? Побухай, побухай, ваще помогает! Вот... Да...

Баян достает стопку денег из-за пазухи и вручает Тютюшкину. Тот молча берет ее.

Баян:

Ну все, все понял? Ты в отпуске! Месяц! Я пока буду репутацию восстанавливать института. Ну и ваши с Дубинским, ясно дело!

Тютюшкин:

Да, все понятно, Владимир Сергеевич. Спасибо.

Баян:

Ладно, Тютюшкин... Что-то квелый ты какой-то совсем, давай собирай саквояж и на море дуй. Телочки там, пиво, все дела. Давай, набирайся сил! Все, я погнал...

Баян поднимает на прощание кулак вверх и выходит из квартиры. Тютюшкин молча закрывает за ним дверь. Он решает, что было бы действительно неплохо на недельку-другую отправиться в путешествие по югу, и пакует вещи. На следующий день он отправляется в Сочи, затем в Туапсе, потом в Геленджик, Новороссийск, Анапу... Под конец недели он заезжает в Темрюк – родной город его прошлой возлюбленной Элоизы, где они бывали на свиданиях.

В последний день путешествия он, не зная, что делать, идет к месту, где они провели тот самый вечер с Элоизой. Он садится на песочный пляж и вдыхает прохладный вечерний воздух. По морю плывет красивый прогулочный катер, на нем люди машут тем, кто на берегу. Он видит женщину, которая идет в красивом платье, и с ней рядом шагает ее малолетний сын. Она просит Тютюшкина сфотографировать ее на фоне заката. Тютюшкин глядит в экран телефона и вспоминает все, что было двадцать пять лет назад. Это его первая любовь. Она благодарит его за помощь, но его взгляд не отпускает ее. Она находится в состоянии легкой неловкости от незнакомца, а он жалеет, что она его не узнала.

Он лишь мысленно произносит фразу «Я жил тобой, но для себя. Прости», оборачивается и уходит вдаль.

НОВОСТИ. ДЕСЯТЫЙ КАНАЛ

«Вчера в море был обнаружен утопленник. Мужчина спрыгнул со скалы и разбился о рифы. Ранее он проходил по делу о домогательствах, но следствие прекратило дело. Институт, где он долгое время работал, выражает соболезнования о случившемся».

Действие третье

Сцена 1. Кабинет Баяна

Ректор Баян спит в кресле. Ему очень плохо с похмелья, ведь вчера он был на поминках Тютюшкина.

Внезапно студент Подмазюк стучится в дверь Баяна. Баян подпрыгивает, но голова предательски кружится от паленой водки из киоска, и он чуть не обрушивается на пол. Благо ему помогает то, что он успевает ухватиться за стол. «Да, да! Войдите!» слышится из кабинета.

Подмазюк входит.

Подмазюк:

День добрый, Владимир Сергеевич!

Баян:

Да... Это... Добрый, добрый! А вы у нас кто?

Подмазюк:

А, я Подмазюк!

Баян:

Под чем? А! Понял!

Подмазюк:

Из группы АГ-325. Которая жалобу на профессора Дубинского подала недавно! Но я был единственный против!

Баян:

А, да-да! Понял, понял.

Подмазюк:

Что сейчас с профессором Дубинским?

Баян:

Он в полном порядке и уже скоро вернется в родные стены нашего вуза! Произошла чудовищная ошибка!

Подмазюк:

Я так и знал! А я вот сразу говорил, что профессор Дубинский ни в чем не виноват!

Баян:

И вы были абсолютно правы! Справедливость восторжествовала!

Подмазюк:

Но я вот по какому делу-то зашел! Я знаю, кто посоветовал Борматову подать жалобу на Дубинского!

Баян:

Так, так! А вот это интересно!

Подмазюк:

Это Утюгов! Преподаватель физкультуры!

Баян удивляется и немного начинает нервничать. Раньше он думал, что Утюгов позволяет себе высказывания на собраниях, но не дает никаких советов студентам. Также он полагал, что Утюгов туповат, во всяком случае тупее, чем он сам, и не может знать, что жалобы можно подавать сразу в министерство. А тут вдруг оказывается, что не так-то он и прост.

Баян:

Ну-у-у... Что ж тут скажешь, это неожиданно! Конечно, да, неожиданно! Спасибо вам за информацию, так сказать, Подмазюк! Мы примем меры!

Подмазюк:

Не за что, Владимир Сергеевич! Хорошего дня!

Баян:

И вам, Подмазюк!

Подмазюк уходит. Баян остается в раздумьях: «Так. Ну, придется этого придурка уволить тогда! Что тут еще поделать?»

Баян по голосовой связи обращается к секретарше Ниночке.

Баян:

Ниночка!

Ниночка:

Да-да, Владимир Сергеич!

Баян:

Вызовите-ка мне Утюгова Василия Васильевича, пожалуйста!

Ниночка:

О, а вы знаете, вот он сам подошел! Прямо вот только что! Пропустить?

Баян думает: «Интересно, а че он сам приперся? Да хотя по фигу. Мне же лучше».

Баян:

Надо же! Отлично! Пропускайте, конечно!

Утюгов заходит.

Баян:

Добрый день, Василий Васильевич! Какими судьбами?

Баян хочет поиздеваться над Утюговым. Он уже продумал в голове весь их диалог. Сначала он планирует делать вид, что Подмазюк к нему не заходил и что он ничего не знает, а

потом резко обрушить всю свою мощь и весь свой яростный гнев на жертву, то есть Утюгова. Баян обожал эти моменты проявления власти и полного контроля над подчиненными.

Утюгов:

Я вокруг да около ходить не буду. Вот заявление, я увольняюсь!

И тут Баяна постигают страшнейшее разочарование, злость, обида и ненависть одновременно. Так он, наверное, еще никогда не обламывался. Как же он теперь проявит свою власть? Его начинает приводить в неистовый гнев то, что все так складывается и что Утюгов пришел увольняться сам, а не он сейчас будет решать его судьбу! Но он пытается держать себя в руках.

Баян:

То есть, это как? С какой стати?!

Утюгов:

Слушайте, ну я ж не дурак. Понятное дело, что к вам уже кто-то наверняка приходил или придет из этих, знаете, студентов-стукачей и расскажет, что это я посоветовал подать жалобу на Дубинского. Кстати, да. Если еще не приходили, это был я. Поэтому, вот мое заявление. Подпишите, пожалуйста, и я пойду.

Баяна мучает эта несправедливость! Ведь он так хотел унижить Утюгова, размазать его по стенке, а в итоге это Утюгов размазывает его?! Баян не выдерживает.

Баян:

Ах ты мерзавец! Людей еще подставляешь таких! Да ты просто обозленный кусок говна! Выгнали его, был когда-то физиком-ядерщиком! Фигадерщиком, е-ма! Вот ты взял и потерял работу сейчас, понятно тебе?! Пойдешь в школу теперь вон физруком за копейки!

Утюгов абсолютно спокоен и не меняется в лице.

Утюгов:

Ну, знаете, Владимир Сергеич. Во-первых, разговаривать вас не научили. Но это ладно, опустим. Вы человек уже пожилой, бить вас нельзя. А во-вторых, у меня спортивный магазин свой. Как-нибудь уж справлюсь.

Баян:

Ха! Магазин у него свой! Ну и че ты там в своем магазине зарабатываешь-то?! Щас будешь еще меньше зарабатывать! А был бы как все, взятки бы носил, своих коллег не сдавал и зарабатывал бы до фига!

Утюгов:

Знаете, Владимир Сергеич, я, наверное, меньше зарабатываю, чем вы. Но зато сплю спокойно. И не боюсь, что ко мне придет, к примеру, студент Полянский.

Слыша фамилию Полянского, того самого студента, которого Баян когда-то выгнал из института и которого по какой-то причине страшно боится, Баян весь онемевает и чувствует, как его словно градом обдает. Он с трудом собирается с силами и начинает орать на Утюгова.

Баян:

Проваливай отсюда!!! Скотина такая!!! Шваль подзаборная!!!

Утюгов спокойно разворачивается и покидает кабинет.

Баян еще минуты две кричит ему вслед ругательства и оскорбления. Затем он зачем-то со всей силы бьет правой рукой по столу и еще минуты три орет и ругается матом от боли. Затем он достает из ящика своего стола коньяк и пьет прямо из горла.

«Вот же сволочь! – думает он. – Вот же сволочь!»

Баян более не может находиться в стенах этого кабинета. Он чувствует всю нервозность и накаленность, витающие в воздухе. Дожидаясь десять минут, чтобы точно не встретить Утюгова, он покидает стены вуза, садится пьяным за руль своего «Мерседеса» и едет домой.

Сцена 2. Дом Баяна

Клавдия:

ВОЛОДЯ!!! Ты сегодня очень романтичен!

Звонок в дверь.

Клавдия:

Ой! Кто бы это мог быть?

Володя:

Твой кобель когда приходит-то?

Клавдия нервно смотрит в глазок, и перед ней стоит фигура Рэя, продажного преподавателя ее мужа. Она открывает дверь и резво берет мешок с деньгами.

Клавдия:

Опять его шестерки мешают нам тра...тить драгоценное время, задолбали уже!

Володя:

А ну-ка, дай часть.

Клавдия:

Ага, надо еще заслужить, Володенька.

Володя:

А я сейчас отработаю, иди ко мне!

Проходит пара часов, дело близится к вечеру.

Володя:

Клав, вот ты замужем уже 10 лет, а я твоего мужа даже и не видел, некультурно как-то.

Клавдия:

Да ну тебя!

Звонок в дверь. На этот раз уже более наглый.

Володя:

Опять друзья?

Клавдия:

Ну я им дам!

Володя:

Да ты всем даешь, ахаха!

Клавдия смотрит в глазок и видит картину самых ярких красок. Ее муженек решил вернуться пораньше.

Володька стоит за углом и по выражению лица Клавы сразу все понимает. Он бежит прятаться в шкаф спальни комнаты. Он усаживается на коробку, и она проминается под его весом. В ней лежат горы денег.

Клава открывает мужу дверь. Баян, поцеловав ее, идет в спальную комнату. Он хочет выговориться жене о своем нелегком дне, но при этом не хочет вспоминать эту пренеприятнейшую ситуацию с увольнением Утюгова и потому решает выдумать другую причину столь тяжелого дня.

Баян:

Устал сегодня на работе, опять проблема с этими африковедами, не нравится ли им, видимо, слушать лекции нашей уборщицы, ну пусть отчисляются!

Клавдия:

Милый, тебе надо отдохнуть, ложись, я выключу свет.

Баян:

Подожди меня укладывать, ты выйди из комнаты на секунду.

Клава напрягается, но, чтобы не выдавать себя, выходит из комнаты.

Баян запускает плейлист романтических песен. Он зажигает свечи, которые пахнут ароматом черники, и приглушает свет. Стараясь как можно быстрее снять одежду, он душил себя тройным одеколоном. По всей комнате он бежит, ищет презервативы и решает заглянуть в шкаф. Он открывает дверь и видит перед собой другого нагого мужика. Володя заряжает ему в нос.

Спустя полчаса.

Баян:

Что я тут делаю?

Клавдия:

Ну понимаешь, мы занимались тем самым делом и ты... как тебе сказать... так перестался, что потерял сознание.

Баян:

Да, я такой... Стоять, а почему у меня течет кровь из носа и что я делаю на грязном полу?

Клавдия:

Так ты же с кровати упал, когда ты делал... Ну, это самое...

Баян:

А почему я ничего не помню?

Клавдия:

Я сейчас тебе напомним, что мы делали.

Сцена 3. Крыльцо у дверей вуза

Где-то через час после отъезда Баяна Утюгов и Борматов встречаются у дверей вуза, чтобы попрощаться.

Борматов:

Блин, Василий Васильич. Чет я себя неудобно чувствую перед вами. Это ж из-за меня вы увольняетесь, получается... Да и я этого Подмазюка не прессанул как следует! Чтоб он молчал!

Утюгов:

Борматов, и думать забудь! Ты че? Я сам уйду. А, Подмазюк... Знаешь, за каждым таким Подмазюком не уследишь. Ты все сделал правильно. Хоть этот утырок Баян за Дубинского добазарился как-то и тот скоро вернется... Вроде как уже завтра...

Борматов:

Да...

Пару секунд молчания.

Утюгов:

Ты че раскис-то, Борматов?! Заходи в магазин спортивный как-нибудь! Велик тебе на лето подберем!

Борматов как-то сразу перестает грустить, чувствуя так и льющий заряжающий позитивный настрой Утюгова.

Борматов:

Да, зайду я, Василий Васильич!

Утюгов:

Давай, Борматов! Удачи тебе тут. Ты хороший и порядочный парень.

Борматов и Утюгов жмут руки. Утюгов уходит. Борматов смотрит ему вслед до тех пор, пока тот не садится в свою Ладу Ларгус и не уезжает, при этом два раза посигналив на прощание. После этого Борматов заходит в вуз и направляется на свою пару.

Сцена 4 (Сон Баяна)

Поздняя ночь. Баяну снится мать, но на этот раз она выглядит старушкой, что удивляет его. Ведь мама прожила так мало, как же она может быть старушкой? Мать сидит на кровати в том самом бараке, а он, тоже взрослый, стоит перед ней посередине комнаты. Он смотрит ей в глаза и видит в них тоску и печаль.

Баян:

Мама, что с тобой?

Мама:

Вот, сынок, зашла посмотреть, как ты тут живешь.

Баян:

Ну а как я живу-то, мам? Все у меня чики-пики, ваще!

Мама:

Страдаешь, пьешь, куришь...

Баян:

Мам, я не страдаю! Я вообще не страдаю! Я столько всего полезного сделал! Посмотри на меня, мама! Я ректор! Я таких успехов достиг, ты бы видела... В этом бараке бы не жила больше, вот каким я стал! А мне все завидуют... Доводят меня! Завидуют!

Мама:

Ну а что ты людям полезного сделал? За свои 60 лет... Кем ты себя возомнил? Ты же все украл у всех! Не пытайся меня обмануть и сказать, что это не так... Я вижу, во что ты превратился от жизни такой. Ректор... Ты ПТУ не смог закончить на плотника, тебя со справкой выгнали!

Баян:

Да я столько пользы сделал всем, мама! Я столько пользы дал, университетом кто мудро управляет, по-твоему?! Пушкин? Хрюшкин? Я! Баян!

Мама:

Ты ничего не сделал. Ты все испортил, к чему прикоснулся, и просто бездарно прожил свою жизнь, сынок. Вот и подумай теперь об этом.

Баян:

Мама...

Мама испаряется. Баян начинает бегать по комнате барака в ее поисках, он заглядывает под кровать, открывает тумбочки, лезет в шкаф, а затем замечает, что дверь и окно пропали. Он, как волк из «Ну, погоди!», оказывается замурован в четырех стенах. С криком он бьется головой об стену и... просыпается. Оказывается, что под весом своего свесившегося с кровати мамона он упал на пол и опять ударился головой. От этого слоновьего грохота Клава тут же просыпается и помогает вскарабкаться Баяну назад на лежбище.

Сцена 5. Кабинет Баяна

На следующий день Дубинский возвращается в университет. Первым делом он идет к Баяну. Дубинский стучится и входит в кабинет Баяна, не дождавшись ответа. Баян считает взятки, разложив весь нал на столе, и смачно отпивает виски из своего стакана с надписью «ИМПЕРАТОР».

Баян:

Дубинский! Добрый день! Вот, считаю тут дары первокурсников с того месяца, которые мы с вами заполучили. Но вы в следующий раз-то стучитесь, а то мало ли кто тут зайдет-то.

Дубинский:

Да, эт самое. Уволиться хочу я.

После этих слов Баян аж роняет стопку пятитысячных купюр. Нервный импульс содрогнул все его тело, и что-то кольнуло в подорванном сигаретами и коньяком сердце.

Баян:

Так... Что? Не понял, в каком смысле? Отпуска месячного не хватило после всего этого? Или смерть Тютюшкина вас так расстроила? Я тоже подавлен, Дубинский... Садись сюда, выпьем, давай! А то че-то нет никого, все в отпусках... Ща мы как устроим схему лютую!

Дубинский:

Нет, я просто хочу уволиться! Я понял, что я очнулся и что так больше не могу.

Баян находится в полном смятении. Пожалуй, до этого похожий спектр чувств он испытал лишь однажды, когда обнаружил у своей очередной проститутки кадык. Но ситуация с Дубинским была куда более запредельной, потому что рушилось полностью все.

Ведь Дубинский уволится и будет при этом до конца своих дней знать о всех коррупционных схемах Баяна. Он будет знать, что выделенные на ремонт университета деньги были почти все потрачены на эксклюзивную коллекцию алкоголя, на авторский портрет Баяна на коне во всю стену, который еще был и в позолоченной рамке, но висел при этом на выцветших обоях в советской девятиэтажке 121 серии 1987 года сдачи, на какой-то немислимо дорогой фарфор, пылящийся в серванте, на коллекцию костюмов Армани, висящих в старом югославском шифоньере, которые он так ни разу и не надевал и половину которых уже сожрала моль, на алебарду в немецком стиле XI века, которая висела у него над кроватью и иногда падала ночью на его проплешину и, наконец, на резиновую куклу в виде Памелы Андерсон!

«О, нет! Только не это!»

Баян:

Так, что значит уволиться?! Ты забыл, кто тут бабки тебе платит, кто тебя тут пристроил и из каталажки вытащил недавно?!

Дубинский:

Я понял, что я так не могу больше! Увольте меня! Я всю жизнь занимался не тем, чем хотел сам, а тем, что от меня хотели другие! Потому что слепо верил им и любил их! Не имел своего стержня, чтобы что-то возразить и сделать по-своему! А потом я это понял, но решил сломаться окончательно и поплыть по течению. Но я так больше не хочу! Хочу исполнить свою мечту и стать лесником! Я сегодня же уйду в лес!

Баян:

Лесником?! Ты совсем идиот?! У тебя тут деньги есть, делать ничего не надо, сиди и радуйся!

Дубинский:

Это все неправильно!

Баян:

Знаешь че, «неправильно»?! Ты лох конченный, и всю жизнь тебя все и использовали! Очнуться решил?! Раньше надо было брать все в свои руки, чихать на всех и хапать как можно больше и все, что плохо лежит! Но ты так не можешь, потому что ты баран! Вали отсюда! Уволен!

Дубинский ничего не отвечает, разворачивается и уходит из кабинета.

«Вот гавнюк! – думает Баян. – Ну, ниче, блин. Я своим людям позвоню, они его назад на зону определят! И там его кто-нить пырнет, да и все! Ниче он там никому не ляпнет, если что! Да и кто ему поверит?! Блин, че так сердце-то болит, паскуда?!»

Сцена 6. Коридор

Баян решает проветриться и идет на улицу. И вдруг, как гром среди ясного неба, навстречу ему по коридору идет тот самый отчисленный пять лет назад студент Полянский, которого он боится страшнее, чем положительного теста на гонорею. Он как ошпаренный вскрикивает и отпрыгивает назад.

Баян:

А! Аха-ха! Полянский...

Полянский:

И вам не болеть, Владимир Сергеич!

Но почему же Баян все же так боится бывшего студента Полянского и за что он его когда-то отчислил?

Сцена 7. Кабинет Баяна (Воспоминание)

Баян сидит и играет в PSP. Внезапно, без стука, к нему в кабинет врывается студент Полянский. Баян откидывает приставку в сторону.

Баян:

Это чего такое еще?! Как к ректору заходим?! Стучаться-то забыли?!

Полянский:

Это я тебе сейчас настучу, козел старый!

Баян теряет дар речи и, пытаясь что-то сказать, чуть не давится слюной. Он вскакивает со стула и подходит ближе, в центр кабинета.

Баян:

Эт! Что! Кхе... Кха... Сука! Эт что такое еще?! Ты себе что позволяешь, щенок!

Полянский:

У тебя че преподы к студенткам пристают?! Ты считаешь, нормально таких у себя в вузе держать?!

Баян в гневе. Он решает наорать на Полянского и напугать его до смерти какой-нибудь страшной небылицей.

Баян:

Слышь, борзый до фига? Быдлота позорная! Я в тюрьме сидел когда, вас таких только так гонял! Я ща позвоню куда надо, тебя отсюда на нары заберут!

Полянский бесстрашно подскакивает к Баяну, ударяет его по роже, валит на ковер и заламывает руки сзади, садясь и придавливая его коленями сверху. Баян ничего не может сделать и истошно орет.

Баян:

Отпусти, а-а-а!!! Ну... пожалуйста!!! Больно, а-а-а!!!!

Полянский:

Кого ты лечишь?! В тюрьме он сидел. Ты в тюрьме бы и дня не прожил, брехун позорный!

Баян:

Отчисляю!!! А-а-а!!! Больно, отпусти!!! Тебе не поздоровится, сученыш!! Понял меня?!!!

Полянский:

Это тебе не поздоровится! Значит так, оленевод! Сейчас пишешь заявление об отчислении на меня – Полянского, группа ЭБ-201 и мою девушку – Ирину Кузнецову, группа ЛГ-225, к которой твой конченный препод приставал и которому я нос разбил только что, после чего он заплакал и домой убежал!

Полянский, держа Баяна, дотягивается до стола, берет две бумажки и ручку, после чего освобождает ему правую руку и кладет перед его лицом принадлежности для письма.

Полянский:

Пиши, падла! Я поступлю на налогового инспектора в другой институт, отучусь и приду за тобой! Тебе-то точно есть, что скрывать, жук навозный!

Внезапно в кабинет входит секретарша Баяна.

Секретарша:

Ой, Владимир Сергеич!

Баян:

Ниночка!

Ниночка:

Вы тут опять с мальчиками своими развлекаетесь?! Извините, тогда попозже зайду!

Секретарша Ниночка резко захлопывает дверь и убегает.

Баян:

Да стой ты, д-у-р-а-а тупа-а-а-я!!!

Полянский ударяет Баяна в спину.

Полянский:

Ты написал?!

Баян:

Написал я!!! Написал!!! Отпусти, мерзавец!!!

Полянский отпускает дрыгающегося Баяна и резко встает. Затем берет заявления с пола и кладет их на стол. После чего он молча выходит из кабинета.

«Вот ублюдок малолетний!! Руки мне чуть не сломал! Сука, как больно-то, а!»

Баян кое-как подымает свою тушу с пола и ползет к дивану. Взгромоздившись на него, он судорожно погружается в поток мыслей: «Да кого он там сделает?! Сукин сын! Придет он за мной! Я сам за кем хочешь приду, у меня в налоговой знакомых, как блох у собаки уличной!»

Но на самом деле Баян, конечно, боится. Ведь кадры и в налоговой тоже меняются. И кто его знает, чем черт не шутит...

Сцена 8. Коридор (Наше время)

Полянский:

Что ж вы встали как вкопанный, Владимир Сергеич?

Баян стоит в полном оцепенении. Сердце начинает щемить еще сильнее, холод и дрожь идут по всему телу.

Полянский:

Я же говорил вам, что я вернусь?

Баян:

А? Да... Говорил... что вернетесь...

Полянский:

Баян, скажи, вот серьезно?! Резиновая Памела Андерсон?!

У Баяна душа в пятки уходит. «Откуда... как... как он узнал...»
Он напрягается, чтобы ответить.

Баян:

Ты как... Откуда узнал?!

Полянский:

Да, мы два часа назад в твоей квартире обыск провели!

Баян начинает чувствовать сжимающую боль в груди.

Полянский:

И, кстати, все о твоих коррупционных проделках уже известно.

Баяну становится тяжело дышать. Боль достигает предела и спазматически сдавливает всю грудь, расползаясь при этом и в плечи, и спину, и в левую руку. Он пытается что-то выкрикнуть, но не может. Вдруг наступает состояние полнейшего коллапса.

Баян обрушивается всем телом на пол и... умирает.

Полянский стремглав бросается к нему, чтобы проверить пульс. Убеждается, что пульса нет. Затем он медленно, как бы с сожалением, поднимается на ноги и глубоко вздыхает.

Он оглядывает Баяна, коридор и произносит финальную фразу.

Полянский:

Ну, вот! Вчера тещу похоронил, а сегодня баян порвал!

Семестр в холодильнике...

Сцена 1

Полянский:

Ну вот! Вчера тещу похоронил, а сегодня баян порвал!

Коридор вуза давит на глаза тусклостью полусгоревших ламп на грязном потрескавшемся потолке, зеленые пыльные стены окружают и словно вводят в состояние гипнотического транса своей кривизной и дурновкусием, из которого можно выйти, только найдя взглядом засаленное окошко с кривым стеклопакетом и прогнувшейся треснутой рамой у входа с трехметровой дубовой дверью, а грязный бетонный пол будто бы соревнуется со стенами в вызове у взглянувших на них людей рвотных позывов. Но пол сегодня дает фору стенам, так как на нем лежит ректор этого великого учебного заведения под названием Окопо-Ямский государственный университет, разворовавший его до последней копейки, Владимир Сергеевич Баян. Его сердце, похоже, остановилось, но не отдышалось и снова не пошло, как в той самой песне.

Налоговый инспектор Алексей Алексеевич Полянский, пришедший задерживать Баяна за привычку к чрезмерно роскошной жизни, прощупывает пульс на его шее, брезгливо пробираясь пальцами сквозь его четыре подбородка.

Дубовая дверь с пробивающим до мурашек противным скрипом отворяется, и в нее входит седой мужчина высокого роста, около 60 лет, в грязной спецовке цвета дохлого сизого голубя и контрастирующих с ней блестящих серебристых очках, сидящих на его морщинистом носу. Он, озираясь в открытую за ним дверь и по сторонам, оживленно и с интересом подходит к Полянскому, который делает контрольные замеры пульса Баяна.

Седой старик, вошедший в холл вуза, – Сергей Валентинович Пожухлый. В недалеком прошлом первый проректор этого университета.

Полянский:

Пульса нет, Сергей Валентиныч. Это всё.

Пожухлый:

Всё будет, когда я скажу.

Пожухлый подходит ближе, шаркая заношенными галошами по оплёванному первокурсниками полу, и наклоняется над Баяном, осматривая его ещё раз с головы до ног, сначала серьёзным и сосредоточенным взглядом, а затем таким радостным и смеющимся, будто бы только что выкурил сигарету, содержащую не только табак, что авторы решительно осуждают.

Пожухлый:

Коньячок сделал свое дело. Ты там нормально распорядился же, чтоб насыпали ему?

Полянский:

Ну в бутылку коньяка 30000 % от нормы – это как думаете?

Пожухлый:

Ну, кирдык точно тогда. Можно даже не проверять.

Пожухлый делает удрученный мах ладонью в сторону Баяна и замечает своим боковым минус-семизначным зрением, что за окном кто-то ходит.

Пожухлый:

Блин, да какого ляда?!

Он достает из рабочих штанов, похожих на развевающийся флаг Швеции, только будто засунутый и вынутый из одного места, айфон в золотом чехле и кого-то набирает.

Пожухлый:

Але! Але? Леня! Болван, я тебе сказал следи, чтоб сейчас никто не ходил там. Ну прогони их, значит, скажи, что экзамен отменили. Что, мне учить тебя что ли? Всё, давай. Ну балда...

Полянский настороженно оглядывается по сторонам.

Полянский:

Всё, давайте за дело уже.

Пожухлый кивает и достает из полосатой авоськи за правым плечом брезентуху, кидает ее на пол, растаптывает своими грязными ботинками, и они вместе с Полянским заворачивают в нее тело Баяна.

Пожухлый:

Раз! Два! Катнули! Раз! Два! Завернули!

Полянский:

Раз! Два! Вы спереди, я сзади. Взяли! Погнали!

Пожухлый и Полянский поднимают и тащат 120-килограммовый груз, завернутый в дачный брезент, влево по коридору, прямо к черному входу, который, честно говоря, мало чем отличается от основного и который студенты обычно даже путают с ним.

Неся тяжелый груз и оглядывая полуразвалившийся желтый коридор, Полянский думает только о том, как же он ненавидит ректора Баяна. Он вспоминает, как, будучи студентом, подливал в бензобак «Мерседеса» Баяна рыбные консервы, а Баян думал на зав. кафедры политологии Дубинского, потому что он постоянно ел их даже на работе, но не потому, что любил, а потому, что больше ни на что не хватало, вспоминает, как снял петлю с двери Баяна, а он открыл ее, и дверь грохнулась на него, вспоминает, как звонил Баяну, находящемуся на больничном, а на самом деле лежащему в клинике в белой горячке и ждущему подшивки, и представлялся королем цифровых маскитов, пожирающих мозги через экраны телефонов, от которых не спасет никакая подшивка, а убить заразу поможет только целебный эликсир – водка, о чем потом неистово кричал ректор Баян санитарам, зашивающим ему в мягкое место торпеду.

Пожухлый же думает только о своих старых, иссушенных и дрожащих коленях, о таких же старых и торчащих, как ветки гнилого дерева, руках, которые уже почти отказываются выдерживать ценный груз, о болящем, разваливающемся крючке-позвоночнике и о том, что неплохо было бы сейчас бонда с кнопкой.

Наконец заветная дверь. Пожухлый, кряхтя и матерясь, шваркает ногой, выпинывает дверь и ступает на крыльцо. Полянский идет за ним, но не успевает проскочить, и дверь ударяется об Баяна, выбивая из их рук сто двадцати килограммовую тушку. Тело Баяна резко падает, и Пожухлый, оторопев, начинает лупить Полянского своим башмаком, крича и ругаясь.

Пожухлый:

Сука тупорылая, не видел, что тут дверь, что ли?!

Они опять неохотно хватают его, как помойный мешок, и несут к «Газели», стоящей возле входа. Они также небрежно, но уже специально, швыряют его на забычкованный и заплеванный газон, после отирая пот, стекающий с них рекой.

Пожухлый:

Всё, щенок, теперь дело за тобой, сейчас только вот кое-что доделаю...

Пожухлый залазит в кузов «Газели», опираясь на колени и ворча, сбрасывает робу, достает из кофра, висящего на крючке на стенке, темно-бордовый бархатный костюм, напоминающий обивку гроба, но, видимо, кажущийся Пожухлому очень стильным и эффектным, с белой рубашкой и пестрой бабочкой, и переодевается в него. Он брызгается парфюмом Cobalt Blue и после всего этого в полуприседе, снова ругаясь на больные колени, слазит назад на асфальт.

Он отхаркивается, закуривает сигарету и хлопает Полянского по плечу.

Пожухлый:

Ну всё, давай. У тебя 5 минут.

Пожухлый ковыляет вверх по лестнице ко входу, а Полянский один грузит брезент с ректором в кузов «Газели», садится в машину и уезжает.

Тем временем действующий первый проректор Никита Юрьевич Рависов спит в своем кабинете, оформленном в венецианском стиле, за столом из кокоболо, который он, видимо, хотел попробовать на вкус, иначе нельзя объяснить его высунутый и лежащий на столе язык и следы зубов рядом. У студентов, впрочем, как и у многих преподавателей, при входе в его кабинет создавалось первое ощущение, что они телепортировались в Эрмитаж, но затем они замечали лежащего на своем столе из кокоболо и спящего после очередной попойки с проректором по инновациям Антоном Эдуардовичем Купяткой (который, надо сказать, часто валялся под этим же столом) Никиту Юрьевича Рависова и, к сожалению, понимали, что они все еще здесь, в Окопо-Ямском государственном университете, только в кабинете, в котором действительно можно было увидеть выделенные на ремонт деньги (причем, возможно, их значительную часть) в виде люстр, канделябров, лепнины, штукатурки, вензелей, паркета, столов, зеркал, ни к селу ни к городу стоящего по центру кабинета русского бильярда и прочих вещей элитного качества. К слову, для всех было загадкой, почему первый проректор больше всего времени проводил с проректором по инновациям. Многие думали, что уже долгое время ведётся план по внедрению инновационных реформ, открытию новых институтов, но двум проректорам было просто настолько «в падлу» скрывать свою коррупционную связь, что они могли обсуждать, сколько распилят в новом учебном году прямо при студентах.

Вот и сегодня Никита Юрьевич просыпается после очередной пьянки. Он поднимает свою кипящую, как самовар, голову со стола, бросает тупой и расфокусированный взгляд в зеркало в резной золотистой раме на стене напротив, видя свое распухшее и красное, как помидор, лицо, совершенно ужасающе контрастирующее с его белокурыми волосами, а также с белой рубашкой и черной жилеткой, в которые он был одет, а затем достает из холодильника под столом минералку и делает большой глоток. Мозг его после глотка воды запускается. Он жалеет о том, что снова так напился, и впадает в сильнейшее уныние, понимая, что запросто мог без-

дарно умереть после такого количества алкоголя. В кабинет вваливается проректор по инновациям Антон Эдуардович Купятка, громко открывая и хлопая дверью.

Рависов:

Антоха, ну че шумишь так? Башка как котел и так бурлит.

Купятка:

Вставай быстро, там у ректора какое-то совещание! Сейчас встретил в коридоре Пенчёка, он сказал срочно!

Рависов поворачивает голову в сторону Купятки и, ловя вертолеты, чуть не роняет ее в мусорное ведро справа от своего кресла, словно баскетбольный мяч в корзину.

Рависов:

Блин, ну какое еще собрание-то? А че Баян не мог вчера, что ли, предупредить? Я не пойду никуда.

Купятка:

Никита, вставай быстрее, я тебе сказал! Срочное что-то! Хватит меня выводить из себя!

Рависов:

Ну хорош ты визжать, щас-щас всё решим тут. Щас-щас...

При этих словах Рависов поворачивает «башню крана» к столу, опершись на него руками, и начинает перебирать стоящие перед ним бутылки с алкоголем, но вспоминает про минералку, делает разворот вправо, затем наклон, держась левой рукой за стол, и берет бутылку с пола правой рукой, поднимается в исходное положение и отпивает глоток.

Затем он встает из-за стола и, шатаясь и опираясь на поддерживающего его Купятку, выходит с ним из кабинета.

Они доходят до кабинета ректора, что становится для Рависова настоящим испытанием, сродни морскому круизу по волнам для человека с морской болезнью, только в данном случае это была ходьба по лестничным ступенькам человека, испытывающего абстинентный синдром в его ярчайшей и ужасающей форме. Купятка стучится, открывает дверь и, к своему большому изумлению, они с Рависовым видят перед собой сидящего за столом ректора Баяна бывшего первого проректора Сергея Валентиновича Пожухлого. Справа от него сидит зав кафедры программной инженерии Юрий Венедиктович Пенчёр, по выражению лица тоже не менее удивленный происходящим.

Пожухлый:

Господа, прошу, проходите и садитесь.

Рависов и Купятка тихо проходят и садятся рядом с Пенчёрком. Рависов от неожиданности увиденного словно сходит с корабля под названием «похмелье» на берег и перестает качаться, будто задрипанная шхуна в шторм на волнах.

Пожухлый:

Итак, господа, сразу к делу. В связи со сложившимися в последние несколько месяцев вокруг нашего университета обстоятельствами, а именно арестом и последующим недавним освобождением из тюрьмы наших преподавателей: уже уволившегося сегодня зав. кафедры

политологии Дубинского и покончившего с собой на днях преподавателя математики Тютюшкина, правоохранительные органы, в частности и налоговая инспекция, заинтересовались деятельностью нашего ректора Владимира Сергеевича Баяна, из-за чего он экстренно отъехал... КХЭ-КХЭ!.. уехал из города, договорившись заранее со мной, как с одним из близких соратников, что я возглавлю институт на время его отсутствия. Я хочу разъяснить один момент. Вы все прекрасно знаете, что несколько месяцев назад мы не очень хорошо расстались с Владимиром Сергеевичем, и мне пришлось покинуть стены нашего университета. Но в такой трудный момент он обратился ко мне как к другу и старому товарищу по работе, мы поговорили с ним и решили все возникшие между нами ранее разногласия. Вам, как одним из самых приближенных к Владимиру Сергеевичу людей, я сообщаю эту информацию и настоятельно прошу не распространяться о ней. Я приложу все силы, какие у меня есть, чтобы решить этот вопрос, и Владимир Сергеевич обязательно вернется. Есть ли вопросы, коллеги?

В кабинете воцаряется гробовая тишина. Бордовое лицо Рависова становится совершенно белым. Такому резкому переходу из одного цвета кожи в другой позавидовал бы сам Майкл Джексон. Пенчэк с залезшими на лоб глазами, не моргая, пялится на мушкет Баяна, висящий в шифоньере у стены, а взволнованный Купятка вытирает капающий со лба пот засаленным носовым платком. Его и так кудрявые волосы от влажности начинают виться еще сильнее, а очки начинают соскальзывать с потного носа. Наконец Купятка решается и поднимает свою дрожащую ручонку.

Пожухлый:

Да, Антон Эдуардович, слушаю Вас.

Купятка:

Простите... А когда Дубинский успел уволиться? Я его с утра сегодня видел. С час назад где-то...

Пожухлый:

Вот час назад и приходил как раз. Заявление уже мне передали.

Рависов:

Подождите, а Баян когда уехал-то?

Пожухлый:

Сегодня рано утром. Вчера у него появилась информация, что к нему нагрянут. Мы с ним встретились и всё обсудили.

Рависов:

Почему он нас-то не предупредил тогда?

Пожухлый:

Я не могу точно сказать, но я думаю, что он опасался распространяться об этом. Даже его жена еще не знает ничего, как я понял. Я сейчас к ней поеду. Он никому не сказал, кроме меня.

Пенчэк:

Сергей Валентинович, а как-то с ним связь держать вообще реально будет?

Пожухлый:

Пока что исключено. Он сказал, что номер сменит и чтобы даже я пока ему не звонил. Сейчас это очень опасно.

Пенчѐк:

Если что, можно секретный канал связи сделать! У нас с Владимиром Сергеевичем как раз такой был. В тайне от жены он оставлял мне там заявки на покупку алкоголя, сигар, еды, прости... КХЭ! От простуды, это самое, простудных лекарств! Так подождите... Этот канал же, получается, есть у него! Там никто не спалит...

Пожухлый:

Юрий Венедиктович, они, если им надо, всё спалят. Так что это исключено. То ли дело жена, то ли дело налоговики и полиция. Коллеги, если вопросов больше нет, то приступаем к работе!

Все отвечают, что вопросов нет, и встают со своих мест. Все еще тревожный Купятка резвыми шажочками первым идет до двери, Пенчѐк, тяжело вздыхая, следует за ним и помогает ему открыть дверь, так как Купятка не справляется с этой задачей своими маленькими потными ладошками, Рависов выходит за ними с задумчивым и нахмуренным видом.

Сцена 2

Рависов молча сидит в своем кабинете и с нахмуренным видом пялится на статуэтку альпийского пастушка на своем столе, которой он закрыл то место, что зачем-то пытался прогрызть. Купятка с Пенчёком играют в бильярд. «Еще раз надо набрать». Рависов берет лежащий на столе телефон и звонит Баяну уже четвертый раз, но номер так же недоступен.

Рависов:

Парни, попробуйте еще раз набрать.

Пенчёрк:

Никит, ну уже каждый по четыре раза звонил. Жухлый же сказал, что Баян телефон менять будет. Вот, по ходу, и поменял.

В кабинет кто-то стучится. Купятка и Пенчёрк отходят от бильярда, берут первые попавшиеся бумажки со второго рабочего стола у окна и делают вид, что что-то обсуждают по работе.

Рависов:

Да, войдите!

В кабинет входит студент четвертого курса Микенов Артур. Войдя в кабинет, он сразу же невольно вдыхает страшнейший запах перегара, что, однако, снижает градус напряжения перед предстоящим разговором. Но мы это, конечно, осуждаем.

Он широко улыбается.

Микенов:

Здравствуйте, Никита Юрьевич!

Рависов:

Здравствуйте, что вы хотели?

Микенов:

Да, собственно, по вопросу такому, что... Ну... оценки. Для диплома. Нужен бы красный, но вот незадача-то... Проблема, что, ну, тройки имеются... Как бы, и вот...

Рависов:

Ну, говори прямо уже, е-мое! Оценки для диплома исправить?

Микенов широко улыбается и показывает из-за пазухи бутылку коньяка.

Микенов:

Ну, в общем, да.

Рависов:

Ну так и говори сразу. Ставь на стол и считай, договорились. Свободен.

Микенов:

Благодарю вас, Никита Юрьевич! Благодарю вас!

Микенов, чуть не подпрыгивая до потолка, ставит бутылку на стол и уже будто бы в настоящем прыжке в длину вылетает из кабинета.

Купятка бросает неодобрительный взгляд на улыбающегося дебила-дебилом Рависова и бутылку, которую тот убирает в холодильник.

Купятка:

Никита, ну хватит уже этим промышлять! Пора завязывать! Можно же просто деньгами брать.

Рависов:

Антоха, ну че ты раскукарекался опять?! Я же сказал, я завязываю. Я к психологу уже записался. Как тут не выпить, когда такие новости!

Купятка:

Ну ты посмотри на себя в зеркало! Ну у тебя же, поди, цирроз уже! Ты в 31 год выглядишь на 50!

Рависов гневно хлопает по столу, и альпийский пастушок чуть не совершает с него прыжок.

Рависов:

Так! Антоха, я тебе сказал, захлопнись! Всё под контролем. Бабкиными целебными травами отопьюсь, и всё нормально со мной будет. Вы че, в самом деле?! Такие новости, а играете тут в бильярд как ни в чем не бывало!

Рависов передвигает пастушка на место укуса.

Пенчёк:

Никит, ну мы стресс так снимаем. Мы тоже переживаем очень за Владимира Сергеевича.

Купятка:

Конечно, я себе вообще места не нахожу! Как он там один сейчас скрывается от этих тварей... Всех бы порешал их, всех!

После этих слов Купятка, выкрикивая «НА-НА-НА!», начинает махать шариковой ручкой по воздуху, как саблей, задевая рукава и марая свой белую рубашку чернилами, и в конце концов чуть не заряжает ручкой себе в глаз. Спасают только очки.

Рависов:

Да вы че, по натуре не догоняете, что тут че-то нечисто?! Ну странно это все! Как бы он нам не сказал, что уезжает? Помирились с Пожухлым?! Да они дрались с ним в кабинете в день его ухода, и Баян потом нашу бабку просил, чтобы она порчу на него навела!

Пенчёк:

Ни че се! И че, навела?

Рависов:

Слышь, у нас бабка не колдунья, а знахарка. Она лечит! И таким дерьмом не занимается.

Купятка:

Это правда! Хотя она была не прочь, чтобы Никита поехал на «Битву экстрасенсов» и стал известным колдуном! Никита даже кастинг прошел, но в день поездки ушел в запой.

Пенчѐк начинает неистово ржать и бить ладонью по столу.

Рависов:

Слышь, тятка! Тебя кто это рассказывать просил?! Кто тебя просил это рассказывать?!

Купятка:

Да я это всё опять к твоему алкоголизму, чтобы ты понял уже наконец!

Рависов:

Слышь, а че не расскажешь, как ты тоже заявку подал, но зассал на кастинг поехать, а? Трусиха!

Пенчѐк уже лежит на столе от смеха. Купятка стыдливо пятится назад.

Купятка:

Ну а при чём тут это...

Рависов:

А ни при чем! Захотел и рассказал! К трусости твоей!

Пенчѐк:

Ну вы, конечно, ребята, даете. Два брата-акробата.

Рависов:

Короче, вы как хотите, а я буду выяснять, что здесь творится на самом деле. Всё это какое-то фуфло! Не верю я Пожухлому. Буду допытывать его, где Баян.

Купятка:

Никита! Не надо этого делать! Слышишь? Это всё очень опасно! Сергей Валентинович человек не последний, он всё решит! Не лезь в это дело и не мешай ему, а то они и за нами придут! Ты понимаешь, что тогда будет?! Ты своим сапогом пропитым, который у тебя вместо мозгов, вообще понимаешь это или нет?! Они увидят твой кабинет, они найдут мою коллекцию световых мечей за 10000 долларов и мое лего, посадят нас, посадят, посадят, собаки!!! Мы отсидим и вернемся в свое село ни с чем, могилы опять будем копать! Собаки! Собаки! Собаки!

Купятка в истерике бьѐтся головой об шкаф и рвѐт на себе свой чѐрный, и без того облезлый, школьный костюм, который он носит с 10-го класса. Пенчѐк пытается его успокоить и оттаскивает.

Пенчѐк:

Антоха, ну всё, всё, успокойся!

Рависов:

Ну что ты опять раскудахтался, как петух деревенский, Антоха?! Хватит уже истерить! За мной правда, и я обязан выяснить, где человек, который нам как отец стал. Которого у нас никогда и не было. А если мы ничего делать не будем, то вот тогда нам крышка! Всё, точка!

Рависов хлопает по столу, и альпийский пастушок подпрыгивает уже к самому краю. Рависов заботливо берет его и убирает в сейф.

Рависов:

Всё, валите давайте к себе пока, дайте с мыслями собраться!

Пенчёк выпихивает дерущего на себе волосы и орущего «Посадят-посадят-посадят!» Купятка из кабинета, и Рависов остаётся один. Он передвигает стаканчик с ручками на столе на место со следами своих зубов и подходит к бильярдному столу, чтобы сыграть партию.

(Шестью годами ранее. 2017 год)

Сверкающий в лучах вечернего солнца черный «Мерседес» паркуется на этот раз в необычном для себя месте, а именно у старого бревенчатого домика в селе Верхняя Пыса, что в 30 километрах от города Окопо-Ямское. Из машины, чуть не ступив крокодиловым мокасином в коровью лепешку, вылезает ректор Владимир Сергеевич Баян. Это место для него также достаточно необычное, в деревнях он бывает довольно редко.

Баян проходит в ограду. Заходя в дом, он слышит доносящиеся с огорода звенящие и не совсем трезвые голоса. Баян поворачивает голову, и его глазам предстает следующая картина: двое пацанов в огороде, один из которых белобрысый, здоровый как бык, целится из пневматической винтовки в отпитуемую наполовину бутылку водки на голове у другого, шуплого темненького кудрявого очкарика, стоящего в десяти метрах у дерева.

Баян:

Хе, блин... Шпана сельская... А я б тоже щас так, да все сурьезные...

Баян заходит в сени, где его встречает невысокая худенькая старушка в зеленом платье, бежевой шали, каком-то непонятном кандибобере в виде бобра на голове и в разноцветных носках с лаптями на ногах. На пальцах ее рук много золотых сверкающих колец, а зеленые ногти выглядят будто дачный крашеный забор. Всем своим видом она напоминает куст крапивы, в который выбросили что-то старое и ненужное, а сверху еще докинули немного золота.

Бабка Раиса:

Владимир Сергеевич, здравствуйте.

Баян:

Здрасьте, здрастьте...

Баян, глядя на ее ногти, чуть было не говорит «забор покрасьте», но вовремя спохватывается.

Бабка Раиса:

Прошу вас, проходите.

Баян проходит вслед за бабкой в дом и сразу оказывается в зале, по центру которого стоит кушетка. Стены увешаны листвой и ветками деревьев, головами оленей и медвежьими шкурами, на полках шкафов стоят бутылочки и баночки с различными жидкостями, а также амулетами. Царит благовоние, которое тем не менее кружит Баяну голову и дурманит его. Он замечает завешенный ветками березы кондиционер.

Баян:

А можете включить, пожалуйста?

Бабка Раиса:

Кондиционер? Конечно, могу.

Бабка отодвигает ветки и включает кондиционер.

Бабка Раиса:

Присаживайтесь, пожалуйста, на диван.

Баян проходит к дивану, завешанному какой-то листвой и напоминавшему куст смородины, и, пригибая голову под ветки, садится.

Баяну это всё кажется полнейшей дурью. В какой-то степени даже жутью. Вообще, он уже несколько раз привозил свою жену Клавдию к этой бабке на лечебные сеансы, но никогда не заходил в дом и ждал ее в машине, а на ее предложение зайти к бабке Раисе отвечал: «Эта старая карга тебе мозги пудрит, а ты ведешься! 6000 тыщ за прием, 6000 тыщ! Че мы сюда приперлись, лучше б баклаху пиваса взяли да кино позырили», и прочее в этом духе. Но теперь что-то изменилось, и Владимир Сергеевич тоже решил посетить лечебный сеанс.

Бабка Раиса:

Владимир Сергеевич, значит, это будет ваш первый курс. 10 сеансов. И оплата сразу же, помните?

Баян:

Да-да... Конечно.

Баян достает из внутреннего кармана пиджака стопку денег, перевязанную резинкой, и вручает старушке.

Баян:

Ну и, Раиса Эммануиловна, жена моя также не должна ни о чем знать. Я надеюсь, мы с вами договорились.

Бабка Раиса:

Да, да. Конечно.

Старушка берет деньги, подходит к старой облезлой тумбочке, открывает дверцу, и Баян видит внутри нее сейф. Она вводит код, сейф открывается, и из него высыпаются стопки денег, причем не только рублевых купюр, но и евро, и долларов, и турецких лир.

Бабка Раиса:

Ах ты ж, зараза!

Раиса Эммануиловна запикивает все деньги назад, взяв кочергу у печки и придавив их. Затем закрывает сейф.

«Нормально карга башляет», – думает про себя Баян.

Бабка Раиса:

Ну что же, Владимир Сергеевич, давайте приступим.

Так проходит даже не десять, а целых пятнадцать лечебных сеансов. После последнего сеанса Баян с Раисой Эммануиловной сидят на кухне и пьют чай из самовара.

Бабка Раиса:

Ну а что же, Владимир Сергеевич, не найдется ли для моих внучат работы в вашем институте? Помните, я вам рассказывала-то всё про них.

Баян:

Да, помню, конечно... Вы знаете, Раиса Эммануиловна, сейчас такая возможность наконец будет.

Бабка Раиса:

Ой, счастье-то какое, Владимир Сергеевич!

Баян:

Да, нам нужны молодые специалисты, а потому дорогу им нужно давать! Дело в том, что у нас реорганизация идет. Решили набор лишних и ненужных должностей заменить на всего две должности: проректора по учебной работе и проректора по инновациям. Чтоб бюрократию эту не плодить и всем всё понятно было. Раиса Эмануиловна, я вам очень благодарен за вашу работу. И в том числе, что жена моя об этом всем ничего не знает.

Бабка Раиса:

Ну какое же счастье, Владимир Сергеевич!

Бабка кидается на Баяна и начинает его целовать. На его щеках и лбу, как синяки, остаются следы от ее фиолетовой помады. Такие синяки бывали на лице Баяна, после того как он пьяным врзался в дверные косяки, и потому он начинает переживать, что жена подумает, что он пил, и опять проест ему всю плешь. Баян морщится и отворачивается, легонько похлопывая ее по спине. Она же обнимает ее со всей силы, так, что чай (и у него, и у нее) чуть не поднимается вверх и не выливается назад. Наконец-то она садится на свое место и начинает длинный рассказ про своих любимых внуков, который Баян слушал каждый раз, когда приезжал к ней.

Бабка Раиса:

Никитка-то, который крепенький, это падчерицы моей сын. У нее муж в тюрьму сел. Его еще когда задерживать пришли, он под одеяло с головой залез и лаять начал, как собака. Но не поверили... Никитка еще потом говорил, что вырастет и будет как папа: залазил под одеяло и лалял. А мать загуляла, да в детдом Никитку хотела сдать. А я забрала. Хозяйственный, талантливый! Единственное, что выпить любит... Как в 9 лет мой целебный самогон нашел, так и не остановить. Хулиганистый, конечно! Помню, в 12 лет трактор угнал с огорода, полдеревни снес и в заправку врзался, да взорвалась она! Как они там чудом выскочили... Ну, мальчишки, аха-ха-ха. Ничего, я тогда владельца заправки от подагры вылечила, да от алкоголизма загово-

рила. Боксом Никитка занимался. Потом за пьянство выгнали, правда... Судью отколошматил. Потом пел, группу собрал, выступал на праздниках сельских! Потом ДК разнес, правда... Там тоже я договорилась. Энергии и таланта у него хоть отбавляй!

Баян:

Ну парень что надо, активные нам нужны!

Бабка Раиса:

А второй внучек – Антошка. Моей племянницы сын. Родила от картежника сочинского по дурости в 20 лет. Ну тоже приняла я его. Всегда верещал, когда Никитка что-то отчебучивал. На тракторе-то они вместе тогда ехали с ним. Как на что Никитка его подбоьет, так он за ним и шел всегда. Хозяйственный, ответственный, но трусливый такой, тихоня. Но как выпьет... Никитка впервые напоил его на 16-летие водкой и настойками моими, так они вместе потом катались верхом на коровах, лопатами дрались, весь огород разнесли, а потом и баню сожгли... А Никита утром и говорит: «Так это Антошка всё придумал...» В общем, смелеет, как выпьет! Хорошие они у меня мальчики, хозяйственные. С огородом помогали всегда, со скотиной, по хозяйству. Школу-то закончили, в армию не взяли Никитку: с печенью чегой-то, чуть ли не цирроз! А Антошку – по зрению. Работать пошли: навозом торговали с огорода, могильщиками были, в этом... интернете меня продвигали... Всё делали! МО-ЛОД-ЦЫ!

Баян:

Ну работающие, так это нам вообще нужны! И креативные еще такие, так тем более. С руками и ногами берем!

Бабка Раиса:

Ой, счастье-то какое, счастье-то какое...

(Наши дни)

Пожухлый подъезжает на своем «Бентли» во двор старой выцветшей девятиэтажки 121-й серии. В узком дворе, как обычно вечером, негде припарковаться. Пожухлый маневрирует сквозь ряды машин, то и дело бясь подвеской на кочках и попадая в ямы на старом, не отремонтированном лет десять асфальте. Наконец он находит место у двух мусорных баков, в одном из которых роется бездомный. Делать ничего не остается, и Пожухлый, тяжело вздохнув, паркует машину здесь.

«Ну и дерьмище», – ворчит он, выходя из машины. Он с опаской оглядывается на бак, в котором роется бездомный, и с облегчением замечает, что тот уже уходит. Он ставит машину на сигналку, переходит дорогу, чуть не споткнувшись на яме, и заходит в грязный облупленный подъезд.

Терпя убийственную вонь старой канализации, он поднимается на раздолбанном лифте с деревянной отделкой на восьмой этаж, перед этим долго пытаясь разглядеть в тусклом свете маленькой лампочки на потолке цифру восемь на панели, и в итоге понимая, что восьмерка стерта и вместо нее на кнопке нацарапана нехорошая надпись из трех букв, и звонит в железную резную дверь с гравировкой в виде головы волка посередине. Дверь отворяет жена Баяна – Клава. Она вся в слезах, весь ее макияж растекся, и выглядит она, будто бы ее весь день били по лицу и мазали углем со свеклой.

Клава:

Сереженька, что происходит? Где Володя? Почему он не отвечает, я уже раз сто набрала... Утром приходили, всё здесь перерыли, угрожали...

Пожухлый:

Клава, давай пройдем, я всё расскажу.

Клава возвращается в квартиру и, заливаясь слезами, идет на кухню. Пожухлый снимает туфли в «кармане» и проходит за ней, ненадолго останавливаясь и обращая внимание на перевернутый шкаф в коридоре, валяющуюся на полу картину с Баяном в образе Александра Македонского, резиновую куклу в виде Памеллы Андерсон, при виде которой на лице Пожухлого невольно проступает похотливая улыбка, да такая, что кажется, будто у него сейчас язык на плечо вывалится. Также он видит здесь свинченную голову Баяна с его статуи и кучу разных бумаг на полу. Он приходит в себя и заходит на кухню, где его глаза встречаются с заплаканными, полными волнения, тревоги и жажды услышать, что происходит, глазами Клавы, сидящей за столом.

Пожухлый встает напротив стола.

Пожухлый:

Клава, послушай... Володя сейчас в бегах.

Клава вскрикивает.

Клава:

Как в бегах?! Что это значит?! Что значит в бегах?!

Пожухлый:

Клава, Клава, тихо. Послушай. В общем... После всех этих скандалов с арестами преподавателей недавних... Ну, с Дубинским, Тютюшкиным... Копать под него стали. Seriously копать. И вот налоговики сегодня к тебе приходили, всё вверх дном перевернули тут, как я вижу...

Клава:

Да, они приходили, Сережа... Они забрали все деньги, Сережа... Все до копейки... Они даже мой рояль хотели забрать! Распилить и с окна скинуть по частям! Мой белый рояль! Этот, как его. Их главный... Полянин?

Пожухлый:

Полянский?

Клава:

Да! Он! Он!

Клава бьется головой об стол и пускается в рев. Пожухлый подсакивает, садится рядом с ней и приобнимает ее. Делать он этого, конечно, совсем не хочет, тем более что зареванная Клава в лучшем случае напоминает вокалиста The Cure Роберта Смита в сценическом макияже, да и одета она сегодня в такой же черный балахон, как у него, но он заставляет себя и выкручивает все свои актерские способности на максимум.

Пожухлый:

Клава, послушай меня, с Володей всё хорошо. Он вчера уже знал, что за ним придут. Тебе он специально не сказал, чтобы не впутывать в это и ты никак не пострадала. Он никому не сказал, кроме меня. Мы с ним вчера виделись, помирились, ну, после того случая... И он передал мне пока что управление университетом. И сегодня рано утром он покинул город.

Клава испуганно ахает и закрывает рот ладонью.

Клава:

Серёжа... Куда же он уехал? Скажи, куда?!

Пожухлый:

Клава... Я не знаю. Он не сказал мне.

Клава вновь начинает реветь белугой, Пожухлый обнимает ее еще сильнее и прижимает к себе.

Пожухлый:

Послушай, с ним всё будет хорошо. Это же Володя!

Клава:

Теперь понятно, почему он такой загадочный был вчера... Теперь всё понятно... Он поехал часов в 10 вечера в клуб и не возвращался под утро и даже не звонил... Хотя, конечно, он так делал часто, да что говорить, постоянно! И никогда не звонил, и ночевал в институте, но я чувствовала, что в этот раз что-то не так...

Пожухлый:

Да... Я тоже чувствовал...

Клава:

А когда ты с ним виделся?

Пожухлый:

Ну-у... Как раз вот часов в 11 он мне позвонил, и мы встретились в центре.

Клава:

Что же теперь нам делать, Серёжа?

Пожухлый:

Как я уже сказал, я возглавлю институт и, самое главное, подключу все свои связи, чтобы остановить это преследование. Мы обязательно победим! Слышишь, Клава? Мы победим!

Клава:

Серёжа, а как-то хотя бы можно с ним связаться?

Пожухлый нахмуривается и задумчиво вздыхает.

Пожухлый:

Боюсь, что пока нет. Я и сам не звоню, это же всё опасно сейчас очень...

Клава:

Ну да, понимаю...

Пожухлый:

Но я постараюсь что-то придумать, я тебе обещаю. А сейчас мне уже пора ехать.

Клава:

Да, конечно, Сережа. Так это... Чаю, может, выпьешь?

Пожухлый:

Нет, спасибо большое, но, правда, некогда.

Клава:

Хорошо.

Пожухлый:

Звони мне по любым вопросам. Хоть днём, хоть ночью.

Клава молча кивает.

Пожухлый встает, идет к «карману» и опять невольно бросает похотливый взгляд на куклу Памелу Андерсон, да такой, что кажется, будто у него сейчас «заедут шарики за ролики», язык грохнется на пол, а он сам прыгнет на четвереньки, накинется на нее и загрызет в клочья. Он снова приходит в себя, обувается, обнимает убитую горем Клаву напоследок, вышедшую его проводить, и выходит из квартиры.

Проходит где-то полчаса. Пожухлый подъезжает к большому деревянному дому в густой чаще леса за 30 км от города.

Полянский:

Всё готово, Сергей Валентинович.

Пожухлый спускается за Полянским в тёмный земляной подвал по старой деревянной лестнице. Вокруг крошечная темнота.

Полянский:

Да будет свет!

Полянский нажимает кнопку на пульте в своей руке, и напротив них у стены ярким голубым неоновым светом загорается светодиодная лента, идущая по периметру стеклянной панели огромной морозильной камеры метра три в высоту и два в ширину. Внутри этой камеры лежит... замороженный ректор Баян...

Пожухлый, замерев от восторга и открыв рот, пялится на ледяного ректора Баяна в ярчайшем неоновом свете, словно на переливающийся и сверкающий изумруд. Полянский, видя, что Пожухлый доволен, молча улыбается и кивает головой. Наконец Пожухлый собирается с мыслями, чтобы что-то сказать.

Пожухлый:

Ты знаешь, я чувствую себя Джаббой Хаттом, который заморозил себе Хана Соло в качестве трофея.

Полянский задумчиво подносит руку к подбородку.

Полянский:

Ну знаете, по объему жира на Джаббу Хатта больше похож Баян.

Пожухлый:

ХА-ХА-ХА-ХА!

Полянский:

ХА-ХА-ХА-ХА!

Пожухлый:

АХА-ХА-ХА-ХА!

Полянский:

ХА-ХА-ХА-ХА-ХА!

Пожухлый:

АХА-ХА-ХА-ХА!

Полянский:

АХА-ХА-ХА-КХА-КХА-ХА-ХА!

Пожухлый:

Дай поиграться с пультом!

Полянский протягивает пульт Пожухлому, и тот начинает крутить колесико, меняющее цвет ленты, смеясь и наблюдая бешеными глазами, как замороженный Баян мигает во всех цветах радуги. Всё это уже начинает напоминать дискотеку и наконец-то становится ею, когда Пожухлый находит кнопку с изображением ноты, нажимает ее, и из динамиков снизу на морозильнике начинает играть песня Tony Igy – Astronomia. Пожухлый даже было пускается в пляс, но больные колени предательски напоминают о себе, и он все же решает воздержаться. Он, радостно вздохнув, оборачивается к стоящему справа и молча улыбающемуся Полянскому и отдает ему пульт.

Пожухлый:

Ну высший класс, Полянский, молоток!

Пожухлый хлопает Полянского по плечу, они, смеясь и разговаривая, выключают подсветку и поднимаются вверх.

Сцена 3

Полянский:

Эй, алло! Устрицы где с крабами? И вино! И пиво! Вот болваны...

Поздний вечер. Полянский ужинает со своим подчиненным Леонидом, сидя на огромной террасе своего роскошного особняка, которая, пожалуй, больше, чем центральная площадь города Окопо-Ямское, с видом на виноградник и поле для гольфа. Террасу украшают величественные мраморные колонны 15 метров в высоту.

Суетливый официант выбегает на террасу, чуть не падая и не разбивая всё об мраморный пол, и подносит яства к столу.

Полянский:

Слышь, болван! Че так долго, я не понял? Я тебе за че бабки плачу вообще?

Официант:

Алексей Алексеевич, прошу прощения... Там на кухне что-то...

Полянский:

Че? Че ты там пропищал, комарик? Вина налили быстро нам и свалил отсюда!

Официант ставит кушанья на стол, наливает Полянскому и его гостю вина, в пивные кружки разливает пиво и, вытирая пот со лба, трусой убегает в дом.

Полянский, откинувшись на стуле, мечтательно бросает взгляд на свои владенья, затем на ясное небо и огромную полную луну и звезды. Затем он поворачивается к столу, хватая с тарелки устрицы и начинает пожирать, капая на белую скатерть и свою чёрную атласную рубашку. Прожевав устрицы и запив их бокалом шардоне, он переводит взгляд на своего собеседника, который разделяет краба.

Полянский:

Ну что, Леня... Краб отличный?

Леня:

Да, Алексей Алексеевич, сразу видно. Настоящий!

Леня пробует краба.

Леня:

Ммммм... Изумительный!

Полянский:

Ну так конечно, это тебе не крабовые палочки из «Пятерки»! АХА-ХА-ХА-ХА!

Леня:

АХА-ХА-ХА! Да уж... Это точно...

Полянский:

Ты, Леня, молодец. Ты хорошо сегодня поработал.

Леня кивает, жуя краба и запивая вином. Он внимательно оглядывает свои бежевые штаны и белую рубашку, что он их не заляпал.

Полянский:

Ну что, Леня. Ректора из тебя будущего будем делать?

Леня чуть было не давится крабом и прокашливается.

Леня:

Алексей Алексеевич... Ну, мы же обсуждали уже. Какой я ректор?

Полянский:

Ну какой-какой? Отличный, порядочный, в прошлом налоговый инспектор. Какой еще нужен-то?

Леня:

Алексей Алексеевич, ну я еще раз говорю... Не знаю... Мне вот комфортно вот так работать, как мы работаем. И как-то на этом всё... Вот не знаю, что еще тут...

Полянский:

Знаешь, у тебя на лысине так лунный свет смешно отображается.

Леня не находит, что можно на это ответить лучше, чем «благодарю».

Полянский вновь задумчиво окидывает взглядом свой виноградник, освещаемый луной.

Полянский:

Леня, я рано или поздно эту трость прогнившую под названием Пожухлый Сергей Валентинович все равно сломаю и выкину. Я найду способ, как это сделать, ты мне, конечно, в этом поможешь. Он никто. Лешего, вон, из домовенка Кузи помнишь? Вот это он. Пень трухлявый... И мне нужен будет мой человек в этом институте. Поэтому мы еще вернемся к этому вопросу с тобой. У тебя есть шанс значительно продвинуться по карьерной лестнице. Подумай об этом.

Леня, кивая головой и тупя взгляд, опускает голову в пол. Полянский резко бьет его по плечу.

Полянский:

Лень, ты че загрузился-то?! Ты ж молодец! Давай выпьем за тебя! Давай, давай, давай...

Леня приободряется, из его рта проступает гнилая желтозубая улыбка. Полянский заливается смехом, то ли от вида Лёниных зубов, то ли всё-таки от хорошего настроения, дополнительно поддерживаемого вином, они чокаются и выпивают.

Утром следующего дня Пожухлый с довольным видом ходит по кабинету Баяна со стаканом виски в руке и сигарой в зубах. Походив взад-вперед и уже приметив, что он сегодня отсюда выкинет на помойку и что изменит в интерьере, он включает пластинку Дюка Эллингтона на винтажной аудиосистеме с виниловым проигрывателем, которую притащил сегодня из

дома, садится в кресло-качалку, заглатывает виски и затягивается сигарой, как вдруг в дверь кто-то стучится.

Пожухлый:

КХА-КХА... Епрст... Кто там?!

Рависов:

Сергей Валентинович, это Рависов. Можно войти?

Пожухлый резко дёргается с кресла, роняя сигару на китчевый пёстрый ковёр, купленный Баяном, и прожигая его. Пожухлый испытывает досаду, так как он собирался подарить этот ковёр жене на день рождения, чтобы не ломать себе голову и не тратиться на подарок, а в кабинет купить персидский ковёр за 12000 долларов. Теперь же, к его сожалению, деньги придётся потратить на подарок для супруги.

Пожухлый:

Входите, входите!

«Колхозник», – ворчит Пожухлый, выключая джаз и тащась к столу.

Рависов входит в кабинет и видит, что на месте глобус-бара Баяна стоит акустическая система. Пожухлый сидит за столом и роется в каких-то бумажках, не поднимая голову на Рависова.

Пожухлый:

Я слушаю вас, Никита Юрьевич.

Рависов:

А чего вы вверх ногами документ читаете?

Пожухлый кашляет и замечает оплошность.

Пожухлый:

Кхе... Точно... Ну так давайте же к делу, Никита Юрьевич, еще очень много работы!

Рависов:

Ну вопрос самый главный у меня. Как-то можно все-таки с Владимиром Сергеевичем связаться сейчас? Ну вы поймите, мы же тоже не чужие люди.

Пожухлый:

Я вас прекрасно понимаю, Никита Юрьевич. Прекрасно понимаю. Но поймите, очень опасное у него положение сейчас. Даже я с ним связи не имею.

Рависов:

Ну как, вообще никакой?

Пожухлый:

Вообще никакой. Я виделся с ним вчера ночью до его отъезда. Потом звонил ему один раз, и он сказал, чтобы я больше по этому номеру не звонил. Я пока даже не знаю, где он.

Рависов:

Ну а жена его, может, что-то знает?

Пожухлый:

Это исключено, он ей ничего не сказал. Я сам к ней вчера ездил и ее успокаивал.

Рависов:

Ну для меня странно, что он сказал только вам и не сказал жене.

Пожухлый:

Никита Юрьевич, здесь странного ничего нет, если проанализировать ситуацию. Ну вы же понимаете, что мы все так или иначе связаны с Владимиром Сергеевичем: я, вы, его жена тем более как часть семьи, и, конечно, он решил оградить нас в той или иной от всего этого. Вам вообще не сказал, чтобы не впутывать во все это. А я тот, кто реально могу помочь ему и имею такие же рычаги влияния, как он, вот поэтому я стал для него незаменим в этот момент. Несмотря на все, что между нами было... Мы зарыли топор войны. Но это все, конечно, большая тайна. Я, подойдите ближе...

Пожухлый манит Рависова пальцем к себе. Рависов наклоняется над столом.

Пожухлый:

Я никому не сказал, что знаю, кроме вас. Потому что я вам доверяю и считаю, что вы заслуживаете того, чтобы знать. Больше никто не знает о том, что я встречался с Баяном. Отрабатывается с моей подачи версия, что никто его не видел и не общался с ним перед отъездом. Ну, кроме жены, но это было еще в 10 вечера, до того как он покинул город. Больше пока ничего неизвестно, Никита Юрьевич... Ничего...

Пожухлый произносит всё это шепотом. Рависов поднимается, смотря прямо в глаза Пожухлого.

Рависов:

Хорошо, я вас понял. Больше вопросов не имею.

Пожухлый:

Вот и хорошо. Мне нужно как раз работать, созвониться с людьми, которые могут помочь остановить это преследование.

Рависов:

Не смею задерживать, до свидания.

Пожухлый:

До свидания!

Рависов уходит.

Пожухлый:

Колхозник, е-ма...

Задумчивый и хмурый Рависов идет по коридору. Он чувствует фальшь в словах Пожухлого, и скорее даже не в словах, а в том, с каким чувством он их говорит. «Складно гавкает, собака сутулая. Складно... Педик в пиджаке малиновом».

Его взор падает на доску почета на стене слева, наверху которой висит самый большой портрет – портрет Владимира Сергеевича Баяна.

Рависов:

Власти ты просто хочешь, паскуда, и мутишь че-то...

Он спускается этажом ниже и заходит в свой кабинет, в котором Купятка играет в снукер со своим студентом-дипломником второго курса магистратуры Андреем Руковишниковым за рекомендованную оценку в диплом.

Рависов:

Антоха, ну че тут устроили?

Купятка:

Не мешай нам, у нас ответственный момент! На кону оценка в диплом!

Руковишников:

Здрасьте!

Рависов:

Здрасьте, здрастьте. Антоха, тебе надо свой бильярд поставить в кабинет и там приемы вести.

Студент забивает шар и выигрывает.

Купятка:

Ну ладно, Руковишников. Так и быть. Как договаривались. На пятерку я словечко замолвлю за тебя.

Руковишников:

Спасибо большое, Антон Эдуардович!

Купятка кивает, Руковишников уходит.

Рависов:

Антоха, вообще, ты ж бабками всегда берёшь. Что с тобой стало?

Купятка:

Да ты видел вообще, что в новостях показывают? Уже везде трубят о том, что Баяна преследуют налоговики. Как тут деньги-то брать?! Там этот какой-то главный у них в репортаже выступал, говорил, что Баяна ищут, расследование идет полным ходом. Полянский, кажется.

Рависов:

Полянский? Лёха?

Купятка:

Да, вроде Алексей. А ты откуда знаешь?

Рависов:

Так он же с села нашего, с дома на горушке. Я знаю его, конечно. Да и ты тоже, ты че?

Купятка:

А-а-а, так это он, что ли?! Ничего себе. Он же младше нас.

Рависов:

Ага, лет на шесть. И уже главный налоговый. Хех, нехило пацан поднялся, конечно. Как только? Я что-то не припомню у него таких связей. Батя водитель, мать на рынке торговала, умерла уже. Женился, видать, удачно или еще чего.

Купятка:

Ну а как мы, вон, с моим колледжем педагогическим и твоим образованием 9 классов проректорами стали в 25 лет?

Рависов:

Не, ну мы баловни судьбы.

Купятка усмехается. Рависов задумчиво и не моргая глядит на общее фото на своем столе в серебристой рамке, где запечатлены он, Купятка и Баян.

Рависов:

Мутно это что-то всё... Мутно...

Купятка:

Ну что опять мутно?!

Рависов:

Да всё брехня это какая-то! Щас у Пожухлого был, вон записал, слушай, че плетет.

Рависов проигрывает на своем телефоне диктофонную запись их разговора с Пожухлым.

Рависов:

Ну ты слышишь, как стелит собака? Ну прям заливает!

Купятка:

Никит, ну я не знаю...

Рависов:

Ну я не понимаю просто, я же первый проректор. Почему Баян мне-то не отдал тогда вуз, если подался в бега?! Он же мне доверяет! Что за брехня, что с ним нельзя связаться никак?! И самое главное, я никогда не поверю, что он с Пожухлым помирился. Вот хоть убей, я не поверю! Ты не помнишь, что ли, как он при одном упоминании его фамилии краснел, как рак, срывался и начинал как сумасшедший орать, чтобы мы забыли это имя? Ну не вяжется это всё! Полное фуфло!

Купятка:

Ну и что ты сейчас делать предлагаешь, что, что?!

Рависов:

Мы будем следить за ним после работы.

Настает вечер. Утомленный планированием дизайна своего идеального рабочего кабинета, а также воскурением сигар и прослушиванием джаза, Пожухлый покидает здание университета и садится в свой «Бентли».

Он трогается, выезжает на проспект, стоит минут пять-шесть в пробке, проезжает его и поворачивает налево на дорогу, что ведет к выезду из города. Он включает на полную громкость песню Роя Орбисона «Pretty Woman» и вторит классику рок-н-ролла своим гнусавым прокуренным голосом, не попадая ни в одну ноту, а также выстукивает своими сухими пальцами ритм по рулю, но, к сожалению, не имеющий никакого отношения к ритму и темпу самой песни. С дебильнейшей ухмылкой, как у пьяного американского дровосека, он напевает песню и оглядывает пешеходов, соседние машины и дома по обе стороны дороги.

Машины постепенно рассасываются, и вдруг он случайно замечает в зеркало дальнего вида через несколько машин за собой белый «Рено Логан», что почему-то настораживает его. Он глушит музыку и останавливается на красном светофоре. Пожухлый меняется в лице и с внимательным прищуром следит за «Логаном». Загорается зеленый. Пожухлый трогается и поворачивает направо. Проезжая метров 200, он видит, что «Рено» тоже повернул. Он резко сворачивает направо во дворы домов при первом же попавшемся повороте, проезжает метров 300 и заворачивает за угол дома. Он останавливается, выключает фары и внимательно глядит в зеркала. Завидя свет фар и показавшийся через пару мгновений из-за угла кончик капота «Логана», Пожухлый резко дает газ, объезжает дом и начинает петлять по узким дворам, грохоча подвеску на кочках и матерясь. Дворы еще не полностью заставлены: разгоняться и выделять пируэты еще можно. Проблема лишь в том, что асфальт в этом старом районе города такой же дырявый и кривой, как и во дворе дома Баяна, а впрочем, как и в большей части города, что опять-таки оправдывает его название Окопо-Ямское. Он глядит в зеркала и понимает, что «Логан» давно потерялся. Он выезжает из дворов на дорогу и давит тапку в пол, но едет не к выезду, а в город.

Проходит час. Пожухлый подъезжает к «гробнице Баяна-Хамона», как он сам вчера назвал этот дом в праздной беседе с Полянским после «дисотеки» в подвале, но не на «Бентли», а на белом «Фольксвагене-Поло». Он паркуется у сетчатого забора рядом с черным «Крузаком» Полянского, завидев того на крыльце. Полянский с кем-то говорит по телефону.

Полянский:

Да, бабушка, заеду, как с делами разберусь. Дел тут невпроворот. Ага, ладненько, давай. Да-да, голубцов можно, ага. И беляшей. Пока.

Пожухлый подходит к крыльцу.

Полянский:

Сергей Валентинович, вечер добрый. Подзадержались что-то немного вы, я даже переживать начал. И машину другую взяли, смотрю? Не сразу с вуза, что ли, ехали?

Пожухлый:

Давай в дом зайдем, по порядку всё.

Пожухлый с Полянским заходят в дом. Главная комната, объединенная с кухней, полностью отделана деревом. В зальной зоне справа от входа стоит старый диван, а на полу лежит выцветший палас. Прямо напротив находится та самая дверь в подвал. Слева от входа находится деревянная, покрашенная морилкой лестница на второй этаж. Они проходят в кухонную зону в левую часть комнаты и садятся за стол у печки.

Пожухлый:

Значит так. Колхозники пасли меня, как только отъехал от вуза. Я их скинул, машину поменял, потому задержался. Ко мне сегодня еще этот калдырь Рависов днем приходил в кабинет, про Баяна расспрашивал. Что-то подозревает, собака. Бери его и братца-замухрышку его на контроль.

Полянский:

Понятно всё... Хорошо, наведаюсь я завтра к этим следопытам.

Пожухлый:

Давай. И еще давай проговорим сейчас все от и до. Кто что знает, кто что не знает. Весь план пройдем наш, удостоверимся, что все в порядке.

Полянский:

Ну, давайте тогда с физрука Утюгова начнем: с ним я общался несколько месяцев назад, он очень много рассказал про Дубинского и Тютюшкина, помог осуществить мой план по их задержанию с помощью студентов. О нашем с вами плане и что мы вообще с вами как-то связаны, он ничего не знает и знать не может. Он знает меня только как налогового инспектора и бывшего студента ОЯГУ.

Пожухлый:

Так хорошо. Давай дальше. Дубинский?

Полянский:

Дубинский, как нам известно, знает чуть больше, но про наш текущий план с «саркофагом Баянхамона» и вообще о том, что Баяна больше нет, не знает и знать не может. А о том, что знает и что было в тюрьме, он будет молчать, иначе ему конец. Я думаю, он всё прекрасно понял.

Пожухлый:

Где он сейчас?

Полянский:

Когда мы общались с ним перед его увольнением из института, говорил, что станет лесником и уедет из города. Думаю, так и сделал.

Пожухлый:

Позвони ему и предупреди, что Рависов и Купятка могут пытаться найти его. Чтобы не появлялся на своем адресе.

Полянский:

Ок, наберу ему.

Пожухлый:

Так. Ну, пожалуй, всё тогда. Ладно, бухаря и Тотошку берешь на контроль. Дубинскому позвонишь. На связи. Уезжаем по очереди.

Полянский:

Блин, Сергей Валентиныч, а вам не кажется вообще, что план у нас в целом дырявый всё же? Как долго и к чему это всё идет, я лично так и не понял! И на фига морозить его, как ягоды, было?

Пожухлый:

Слышь, сопля! План идеальный, дальнейшие действия будут осуществляться по ситуации, меня слушать и не спорить! У меня всё под контролем! Лишних вопросов не задавать!

Полянский:

Ладно, ладно, чего... Вам виднее.

Пожухлый встает и идет к выходу.

Полянский:

Так можно я первый поеду? Меня жена ждет.

Пожухлый оборачивается с таким недоуменным и оторопевшим взглядом, будто бы Полянский произнес не это, а, к примеру, предложил заморозить его жену, как Баяна. Впрочем, кто знает, может быть, Пожухлый был бы даже и рад такому предложению.

Пожухлый:

Обойдешься, меня моя тоже ждет.

Полянский:

Ну ё-моё, я и так вас ждал дольше, чем договаривались!

Пожухлый:

Так, ну че, будем спорить еще, что ли, Полянский? По башке щас получишь у меня. Всё, давай. Ты еще пилежку жены нормально переносишь, молодой, нервов больше. А мне уже сложнее, старенький я. Уступать надо старшим. Всё, давай, адьос.

Пожухлый машет Полянскому рукой, уже повернувшись к нему спиной и открывая дверь, и выходит. Дверь захлопывается за ним.

Полянский:

Козел старый...

Утром следующего дня Полянский без стука входит в кабинет Рависова, где также за столом у окна сидит и работает с бумажками Купятка. Рависов резко переводит взгляд с монитора, на котором идет ожесточенная баталия в «Корабли» с Пенчёком, на стоящего перед его столом Полянского и, конечно же, сразу узнает его. Купятка оборачивается и, тоже узнавая Полянского, испуганно ахает и закрывает ладонью рот.

Рависов:

Я вас слушаю, здравствуйте.

Полянский:

Доброе утро, доброе утро...

Полянский, ухмыляясь и причмокивая, оглядывает роскошный кабинет Рависова. В его бытность студентом на полу этого кабинета валялся старый задрипанный линолеум, у стен стояли югославские шифоньеры, посередине стояли два обгрызенных кривых стола и два покосившихся стула, а штукатушки на потолке, кажется, не было вовсе.

Полянский:

Да уж... Как тут всё поменялось! Интересно, конечно, сколько это всё стоит? Да, Никита Юрьевич? Интересно...

Рависов:

Так вы, может, уже представитесь?

Полянский:

Да, конечно, конечно. Полянский Алексей Алексеевич. Налоговый инспектор.

Рависов:

Очень приятно. И по какому вопросу, собственно?

Полянский:

Ну, в общем-то, вы, я думаю, догадываетесь. Но я поясню. Это касается ректора Баяна и его коррупционных схем. Информация поступила, что и вы тоже с этой деятельностью связаны. А тут вот смотрю, еще и кабинет такой у вас... Дорогой! Аха-ха... Так скажем. В общем, я пришел уведомить, что относительно вас планируется провер...

У Купятка душа уходит в пятки. Он, неистово крича, перебивает Полянского.

Купятка:

Это всё неправда! Неправда и клевета! Мы не замешаны ни в чем таком, это всё Сергей Валентинович Пожухлый, он с Баяном воровал! Идите к нему!

Полянский резко поворачивает голову в сторону Купятки и оглядывает его злым взглядом. Рависов делает ему жест рукой, чтобы тот замолк. Купятка приходит в себя и испуганными глазами глядит на Полянского.

Купятка:

Антон Эдуардович, вы валерьяночки, может, бахнете? Или водочки? Вон как ваш братец.

Купятка так и замирает и остается сидеть с открытым ртом.

Рависов:

Это мы уже сами разберемся. А вы лучше-ка, да, идите к Пожухлому и с ним общайтесь. Решения основные не мы принимаем.

Полянский резким движением рук упирается в стол Рависова, ставя левую руку на место следов от зубов, а правую по случайности сначала в пепельницу, обжигаясь об бычок Рависова и слегка вскрикивая, а затем убирая ее оттуда и ставя рядом. Он наклоняется к Рависову.

Полянский:

А это я уже сам решу, к кому идти первым, а к кому не первым. Не ваше дело мне тут указывать. И брата своего научите общаться. Что он у вас как обезьяна-то?

Полянский глазами дикого зверя смотрит в такие же полные гнева глаза Рависова.

Полянский:

Я еще приду к вам, запомните. Колдыри сельские...

Рависов резко встает из-за стола. Полянский от неожиданности пятится назад.

Рависов:

Ну вы, во-первых, тоже стучаться научились бы, Алексей Алексеич. А во-вторых... Слышь, ты че, самый умный, что ли? Ты же такой колхозник. Че, думаешь, мы тебя не узнали. Глист.

Купятка начинает ржать на весь кабинет смехом, похожим на смех Губки Боба. Полянский замирает в оторопи и не находит, что ответить.

Рависов:

Что, не помнишь, как у тебя глисты завелись и наша бабка тебя поила целебным отваром, чтоб вылечить?

Рависов выходит из-за стола и идет на Полянского. Полянский белеет и произносит какие-то нечленораздельные звуки, пятясь к двери.

Полянский:

Слышь... Ты... Сук...

Рависов:

Чё, дорос до должностей больших? Да в 25-то лет? Вас тоже проверить бы, по-моему, не мешало, Алексей Алексеич. Как вы так круто залезли-то? Связи-то у Баяна тоже есть, возьмем да проверим. А теперь давайте-ка, освобождайте помещение.

Они еще несколько секунд стоят у двери и глядят друг на друга таким взглядом, будто сейчас снесут друг другу головы, а затем Полянский оборачивается, открывает дверь и выходит из кабинета.

Рависов:

Хорошего дня, Алексей Алексеевич!

Рависов высовывается из кабинета и кричит ему это вслед. Полянский скрывается за углом коридора. Рависов закрывает дверь и оборачивается со злобным взглядом к Купятка, сидящему и смеющемуся за своим столом. Завидев, что тот недоволен, он перестает смеяться.

Рависов:

Антоха, ну ты совсем с башкой своей не дружишь? Ты чего верещать начал тут? Еще Баяна подставил!

Купятка:

Никита, прости... Я просто испугался... Не знаю...

Рависов:

Ну головой-то надо думать, не? Ладно, проехали.

Взгляд Рависова автоматом падает на холодильник, где стоит водка. Он пытается прогнать эти мысли, но это плохо получается, что злит еще больше.

Рависов:

Еще, блин, Пожухлого вчера упустили! А сегодня этот еще приперся! Козлина!

Рависов не выдерживает, садится за стол, открывает холодильник и достает водку.

Купятка:

Никита, ты с ума сошёл?! Убирай!

Купятка подбегает к нему и хватает бутылку. Рависов одним легким движением отправляет его на пол.

Рависов:

Слушай, не лезь, а? Ты не видишь, ситуация какая? Тут как не выпить?

Купятка:

Давай думать, что можно еще у кого узнать про Баяна! Бухать каждый может, а нам надо вести расследование!

Купятка встает с пола и отряхивается. Его слова как-то останавливают Рависова, и он все-таки убирает водку в холодильник, покрутив и насладившись бедрами нежно сидящей в руке бутылки.

Рависов:

Ну давай думать тогда!

Сцена 4

«Ну вот он, вот он, мой сын!» – кричит на весь дом Полянский-старший, только заведя на пороге сына, вскочив с массажного кресла в коридоре и уронив баклагу кваса на пол, небрежно по ней пройдясь, выдавив несчастные остатки в качестве пищи для тараканов, коих в двухэтажном и некогда по меркам поселка элитном доме было сравни загаженной помойке на отшибе города.

Полянский ст.:

Ну иди хоть сюда, обниму!

Полянский-старший подходит к сыну. С густой и длинной бороды отца валятся остатки чипсов, а также исходит стойкий запах пива, но сына это совсем не смущает. Отец прижимает его к себе всем телом и хлопает жирными от рыбы руками по его оранжевой спортивной куртке Moncler.

Полянский ст.:

Ну ты еще больше растешь, по-моему!

Полянский мл.:

Да ну бать, ты че, я уже, по-моему, вырос давно.

Полянский ст.:

Ну ты давай проходи, че стоишь-то?

Полянский мл.:

Бать, пошли покажу кое-что сначала. Пойдем, пойдем...

Отец следует за сыном на улицу во двор и видит новый припаркованный «Гелик» с салона с белой ленточкой на крыше.

Полянский ст.:

Это что, сына?...

Полянский мл.:

Это, бать, тебе. Ты же всегда мечтал.

Отец замирает от изумления на пару мгновений, затем начинает вертеть головой, смотря то на улыбающегося сына, то на сверкающую машину. Глаза его наполняются слезами счастья. Слезы начинают литься из его глаз по морщинистым щекам, затем падают на его растянутую, заляпанную майонезом и еще не пойми чем серую (хотя изначально белую) майку и шаровары цвета размытого асфальта, на который будто бы дополнительно извергли вишневое пиво перwokурсники, в первый раз сходившие в кабак и сильно «нагрузившиеся».

Он кидается на шею сыну, чуть не душа его и не падая вместе с ним с крыльца в куст крапивы с окурками. Младшему удается удержать его на месте и не упасть самому.

Полянский ст.:

Сынок... Спасибо...

Полянский мл.:

Пожалуйста, бать. Ну ты че растрогался-то?

Полянский ст.:

Я просто горжусь тобой, сын! Я горжусь тобой!

Полянский-младший улыбается и кивает головой.

Полянский ст.:

Давишь этих богачей проклятых! Собаки! Всю жизнь вот работаю, а эти твари вон катаются на «Бентли», а простым работягам ничего! А ты вот давишь их всех, вон какой крутой стал у меня! Какие подарки даришь... Мать бы гордилась, царствие небесное... Загнала себя в могилу, на капиталистов этих проклятых горбясь! Говорил я ей, че тебе все эти деньги-деньги, не слушала меня...

Полянский мл.:

Да, царствие небесное... Всё, бать, всё, как ты учил. Давим этих тварей.

Полянский ст.:

Дома у них, блин, машины... А я работаю всю жизнь, как Папа Карло, на настоящих профессиях, народных – я хлеб возил! Сволочи... Мошенники! Как там, кстати, этого Баяна-то, паскуду, нашли?

Полянский мл.:

Да вот ищем, ищем... Ничего, он не уйдет от меня. Тварь позорная!

Полянский ст.:

Конечно, не уйдет, ворье треклятое!

Полянский мл.:

Бать, а что-то смотрю, участок-то длиннее стал, дальше забора за баней?

Полянский ст.:

А, да. Это я у козла-соседа отхапал. Строится, вон, зараза... Фундамент, вон, заложил длиннющий какой. Хвастался мне тут своим проектом: четыре этажа, бассейны, вся фигня. Только вот что-то бабло-то, по ходу, всё закончилось, уже полгода не строит ни че. На свой крузак, видать, всё слил. Ну я вот и оттяпал там себе. А че, рожа богатая, он даже и не заметит, раз полгода не приезжает. Да и знать, поди, не знает, сколько соток у него там, бабло лишь бы тратить...

Полянский мл.:

Ну и красава! А че, баня-то, смотрю, доделана наконец?

Полянский ст.:

А, ну. Я там кирпичей да досок еще спер у него с участка. Тоже не заметит. Ну а заметит, скажу, вон, гаврики залетные слямзили.

Полянский мл.:

Ну отлично, бать, в баню наконец пойдем!

Полянский ст.:

Да, да... Наконец-то пойдем. Как я рад, сыночка, как же я рад...

Полянский мл:

Ну облицовка у дома нашего до чего ж красивая... Мать еще успела купить.

Полянский ст.:

Ну такая облицовка, знаешь... Ну пойдет, да. Пойдет.

Полянский мл:

Ну ты, бать, за домом внутри тоже следи, а то я что-то заглянул, как-то нечисто.

Полянский ст:

Ну стараюсь, сына, стараюсь. Я вот на «Газели» работаю два через два. И че, когда мне вот это всё...

Отец достает из кармана своих бездонных шаровар, в которые, кажется, уместился бы весь город Окопо-Ямское, жестянку пива, вскрывает ее и отпивает глоток.

Полянский мл.:

Бать, да тебе скоро вообще не надо будет работать.

Полянский ст:

Это вот точно! Ну ты молодец, как же я горжусь... Как же я рад...

Отец вновь обнимает сына, чуть не ломая ему ребра и не выливая полбанки пива ему за воротник.

Полянский ст:

Пошли, выпьем, может?

Полянский мл:

Слушай, да мне ехать же назад надо.

Полянский ст.:

Так оставайся! В баню сходим!

Полянский мл.:

Ну, остаться не смогу, брат, работы много. В другой раз.

Полянский ст.:

Эх, ну ладно... Так ты что, выпить-то можно немного! Ты ж начальник большой, кто тебе че сделает?

Полянский мл.:

А, так погоди. Твою тачку-то мой помощник пригнал. Он сейчас за оградой в моей ждёт. Он отвезет меня, если чё, бахнуть-то можно!

Полянский ст.:

Ну во, молоток! Всё предусмотрел! Щас мы водочку-то, э-х-х-х...

Отец, уже поставив банку с пивом на крыльцо, задорно хлопает в ладоши и потирает их.

Полянский мл.:

Щас позову его ток. Леня! Леня, але! Ле-ня-у!

Леня, храпящий под «Юмор FM» в кружаке Полянского с заказными номерами с надписью «Strawberry fields», просыпается, выходит из машины и резво вваливается в ограду.

Полянский мл.:

Леня, мы сейчас с батей бухнем тут немного, а ты пока там поспи еще. Ну часика два, да поедем.

Леня:

Алексей Алексеич, ну я же говорил, у меня там еще сегодня в четыре...

Полянский мл.:

А? Че ты там лопочешь, пенек облезлый?

Леня:

Я...

Полянский мл.:

Прогнившая доска, е-ма!

Полянский-старший начинает дико гоготать, придерживаясь за свою болящую и словно прыгающую на скакалке печень.

Полянский мл.:

Ты еще чё-то хотел там сказать?!

Леня:

Нет...

Полянский мл.:

Ну всё, свалил тогда с глаз долой! Жди за рулем! Повтори, балбес.

Леня:

Свалить с глаз долой, ждать за рулем...

Полянский мл.:

Выполняй!

Леня, смотря в землю, быстро исчезает за оградой.

Отец Полянского ржет, закидываясь параллельно таблетками от печени и, не найдя воды, запивает из ведра с дождевой водой, взятого со ступенек крыльца.

Полянский ст.:

Ну ты начальник! Ну молодец... Вот так с ними и надо, с подчиненными. Жестко, чтоб! Правильно! Чтоб знали, кто тут главный! Ну горжусь тобой, вот человека воспитал...

Полянский ухмыляется и кивает головой.

Полянский мл.:

Пойдем в дом, бать.

Полянский ст.:

Пойдем, пойдем!

Тем временем первый проректор Никита Юрьевич Рависов находится на первом сеансе у психотерапевта. А если быть точнее, то психотерапевт сама приехала к нему в его университетский кабинет, так как он не удержался и все-таки выпил с утра три стакана виски, отчего чувствует себя теперь отвратительно. С грустным лицом он сидит, уставившись на фоторамку на столе, в которой красуется его с Баяном снимок с рыбалки: голопузый Баян держит огромную щуку в зубах и показывает «галочки» поднятыми вверх руками, а Рависов стоит слева поодаль и жонглирует пятью бутылками водки, одна из которых наполовину отпита, по всей видимости, в процессе трюка.

Молоденькая девушка-психотерапевт, сидящая в кресле напротив стола Рависова, слегка смущена и напугана его угрюмым застывшим видом и не знает, с чего начать разговор. К счастью, Рависов сам прерывает неловкую паузу.

Рависов:

Антонина, садитесь за мой стол, а я на кресло. А то как-то не очень правильно выходит.

Антонина:

Как вам удобно, мне, в общем-то, без разницы, аха-ха...

Рависов:

Садитесь, садитесь.

Рависов уступает психологу место за своим столом, а сам садится в кресло напротив.

Антонина:

Ну что же, Никита Юрьевич. Давайте приступим.

Рависов:

Давайте, Антонина.

Антонина:

Поделитесь, что вас тревожит в данный момент?

Рависов угрюмо смотрит в пол.

Рависов:

Алкоголь... Я зависим от него много лет, и это меня очень беспокоит.

Антонина:

Скажите, как долго вы употребляете алкоголь?

Рависов:

Ну... С 9 лет. Сейчас мне 31. 22 года, выходит.

Антонина:

Скажите, а как так вышло? Ведь вы начали очень рано... В 9 лет...

Рависов:

Ну... Я в детстве такой был, непоседа, дебошир. Активный очень. Ну, бабка у меня знахарка, самогон варила с травами. Да и сейчас варит. Целебный. Ну, я что-то мололся, мололся у нее в комнате, пока ее не было как-то раз, на шкаф залез, нашел эту бутылку, да и выпил. А думал, что целебное же, значит, нормально! В детстве раннем видел, что родители пили постоянно, пока еще с ними жили, ну и думал, а че такого-то? Ну, в общем, всю выдул бутылку, пришел пьяным в школу и разжег в туалете костер.

На лице Рависова проступает ностальгическая улыбка, и он слегка поднимает голову.

Рависов:

Да и потом, а чё делать еще в селе было? У нас ничего там не было тогда, всю деревню объедешь на мопеде, камнями покидаешься в прохожих, да и всё... А еще весь день впереди.

Антонина:

Значит, вам казалось, что это неопасно, потому что бабушка называла самогон целебным, вы также помните, как родители пили алкоголь при вас, и третья причина – вам было скучно?

Рависов:

Думаю, что да. Эти три причины верны.

Антонина:

Поговорим немного о ваших родителях. Конечно, я понимаю, что это тема непростая для вас, но нам необходимо затронуть ваше раннее детство, чтобы понять причины.

Рависов:

Да, конечно, я понимаю. Ну что... Родители. Мать у меня продавщицей была в продуктовом. Продукты часто и сладости воровала для меня разные. А батя... Нигде толком не работал, как бабка говорит, да сидел три раза. Ну в итоге вот его в четвертый посадили, и не видел я его больше. Я тогда с ним был дома, мы играли в «Нинтендо», когда омовцы дверь ломать начали, за ним пришли. А мать меня отдать в детдом хотела после всего этого, но бабка Раиса забрала к себе.

Антонина:

Мне кажется, что, несмотря на такую мрачную обстановку и на то, что родители вас оставили, вам все равно было хорошо вместе, и вы хотели бы вернуться в то время, скажите, так ли это?

Рависов тяжело вздыхает. Его глаза немного становятся мокрыми, и он снова отводит взгляд в пол.

Рависов:

Да... Я думаю, что это так. Хотя я, конечно, и обижен на мать. И на отца, конечно, тоже, но они же это... заботились обо мне. Игрушки покупали. Ну воровали, точнее, но заботились же! Отец играл со мной... Мать тоже. Ну хоть и пили они часто, но при мне они не скандалили, я такого не помню. Были просто веселые. А потом вот это всё кончилось...

Антонина:

Смотрите, как получается. Ваши родители пили алкоголь, вели, скажем честно, не самый лучший образ жизни, но при этом заботились о вас, играли с вами, покупали... Ну, или не покупали, суть не в этом... А в том, что дарили подарки, сладости и всё прочее. В общем, относились к вам с теплотой, как настоящие родители. Как вы думаете, может быть, выпивая алкоголь, вы все эти годы подсознательно хотите вернуться туда, к ним в то время? Вы видели, как они пили, но при этом они были добры с вами, и у вас всё было с ними хорошо. Вот и вы тоже пьете, потому что подсознательно хотите вернуться в те времена, которые так быстро для вас прошли. Вы хотите, чтобы у вас были родители.

Рависов задумывается.

Рависов:

Хм... Ну, знаете, я даже так не думал об этом. Ну, скажем, я не думаю никогда вот так перед тем, как набухаться, ну, выпить, в смысле. Что, мол, вернуться бы в прошлое, поэтому выпью... Просто бухаю, потому что так весело.

Антонина:

Подсознание – очень тонкая вещь.

Рависов:

Это уж точно... Ну я вот я сейчас еще думаю, вспоминаю и понимаю, что, наверное, это может быть так. Я же когда допиваюсь до отключки, порой вижу во сне ту однушку, отца, который приносит Нинтендо. Мать, которая угощает сладостями. Как мы кино на кассетнике и пузатом телевизоре какое-то смотрим. И они пьют пиво, а я газировку.

Антонина:

Во-от. Понимаете теперь?

Рависов:

Да... Вообще, до какой-то поры я даже и не парился. Пока уже совсем здоровье подводить не стало... Да и так вот думаю и понимаю теперь, я столько возможностей упустил из-за этого... Первое: бокс. Большие успехи, соревнования. Напился – избил тренера, выгнали... Второе: рок-группу создал, играли в селе на мероприятиях, позвали на концерт в ДК. Напился – раздолбали весь ДК, всю аппаратуру угрожали, все инструменты, вообще всё... Третье: на «Битву экстрасенсов» прошел кастинг. Ушел в запой и не полетел... Ну и здоровье... К 18 годам так печень уже посадил, что в армию не взяли.

Антонина:

Да, алкоголь разрушает всё. Но у вас сейчас есть возможность это остановить, поняв суть вашей проблемы. Вам нужно жить дальше, прошлого уже не вернешь. Посмотрите, вы проректор в институте, у вас шикарная карьера, вы уважаемый человек. Зачем же вам жить прошлым и пытаться туда вернуться с помощью алкоголя, если вы прекрасно можете наслаждаться настоящим? У вас очень большие возможности и перспективы, так не стоит ли жить здесь и сейчас, в этом моменте, чтобы достигать новых целей и радоваться жизни?

Рависов:

Я с вами согласен. И знаете, когда я только стал проректором, оно так и было. Я перестал пить на какое-то время. Ну, бывало, что именно зависимость давала о себе знать, но я не хотел пить каждый день, мне это было не нужно. Мог на праздниках только сорваться. Ректор Владимир Сергеевич, конечно, мне новую жизнь дал, и я его вообще вторым отцом считаю. Если даже не первым!

Антонина:

Вот, это тоже очень важный момент. Он кардинально изменил вашу жизнь, сделав вас проректором, и вы увидели в нем того, кого вам не хватало, – отца. Вы на какое-то время перестали жить своим прошлым и стали наслаждаться настоящим, и потому перестали много пить. Вам это просто было не нужно. Но со временем человек ко всему привыкает, а старые душевные раны вновь дают о себе знать. Поэтому вы снова начали хотеть вернуться в прошлое, выпивая алкоголь.

Рависов:

Хм... Ну, в общем, я думаю, так и есть, да... Тоже так не думал об этом, интересно. Но Владимир Сергеевич, конечно, выпить тоже любит много. Вот я, может, поэтому еще в последствии опять стал много пить...

Антонина:

Ну, тут, конечно, окружение влияет. Тем более, если у вас уже был такой опыт употребления большой. Вы сорвались, поддавшись привычкам коллег.

Рависов:

Ну да... Верно. В общем, есть мне теперь о чём подумать...

Антонина:

Да, и главное, что всё можно исправить. Пока ещё не поздно. Но Никита Юрьевич, вы должны понять, что одного вот такого разговора со мной недостаточно, чтобы решить проблему. Она требует большой проработки со всех сторон, вам на самом деле нужна реабилитация, понимаете? Здесь не получится как по мановению волшебной палочки всё исправить. Да, какое-то время вы будете воодушевлены этим разговором, вам не будет хотеться пить, но потом всё опять начнет возвращаться, поверьте мне, моему опыту, опыту коллег. Сколько людей опять срывалось тут же... Вы должны понимать, что это проблема сильнее вас, не питайте иллюзий, что вы сами сможете побороть ее, таких случаев практически не бывает – даже возьмите известных людей, стадавших от зависимостей. Кто-то думал, что все – бросил сам и навсегда, а потом умирал...

Рависов:

Фух... Конечно, я это понимаю, Антонина. Я на самом деле понимаю, что всё это надо лечить в комплексе, само ничего не пройдет. И меня на самом деле воодушевил наш разговор.

Но до меня еще дошло наконец, что сейчас у меня появилась и цель очень важная, я весь сконцентрирован на ней. И понимаю, что алкоголем тут дело не исправить.

Антонина:

Радует, что вы понимаете это, и я надеюсь, что искренне. И это очень правильно в такой ситуации поставить в жизни какие-то важные цели и полностью погрузиться в них, это правда помогает. Если не секрет, то какая цель у вас появилась?

Рависов:

Думаю, что это личное. Но связано, скажем так, с помощью близкому человеку. Я просто понимаю, что не могу сейчас думать про кайф, я должен работать.

Антонина:

Отлично, я вас поняла, Никита Юрьевич. Что ж, наш сеанс подходит к концу.

Рависов:

Да. Может быть, хотите чаю или кофе?

Антонина:

Нет, спасибо, я уже побегу, аха-ха...

Рависов:

Благодарю вас!

Рависов провожает психотерапевта.

Через какое-то время в кабинет приходит Купятка, и Рависов делится с ним впечатлениями.

Купятка:

Никит, вот я тебе по сути то же самое говорил всё. Но ты меня не слушал же. Всё в твоём подсознании это. Ты ж, валенок, слов-то таких не знаешь – подсознание. Простейшие она вещи тебе сказала.

Рависов:

Ну так она как сказала-то, е-мое! Как раскидала всё! А ты там чё-то ме-ме, ме-ме... Тяпка, блин. Тебя че слушай, че не слушай. Истеричка. Верещун.

Купятка:

Так ты, может, втюрился в нее? А?

Рависов:

Да ты чё, гонишь, что ли? Мне вообще другие бабы нравятся. Я тебе талдычу, что она объясняет грамотно, с растоновкой расклад выдает.

Купятка:

Ты б, Никита, если почитал каких книг еще в жизни, а не только комиксы про Гарфилда, так, глядишь, и сам бы до всего этого допетрил.

Рависов:

Да, наверное, прав ты, Антоха... Я же че – в натуре осел тупой. Но правда, что-то даже академики спиваются, да философы.

Купятка:

Так это уж другое, Никит. Их не понимают и не принимают...

Рависов:

Слышь, непонятый и неразгаданный? Ты давай тоже из себя не строй тут. Колледж задрипанный закончил, сам не больше меня знаешь и калдыфонил со мной раньше.

Купятка:

Так ты и научил, потому что! Но я увлечен теперь высоким, даже не предлагай мне сивуху свою теперь. Да и я всегда меру знал хоть какую-то.

Рависов:

Ладно, высокий... У нас сейчас важные задачи стоят. И я заряжен на них на все 100. На все 1000! Так что давай за работу, без всей фигни и ненужных удовольствий.

Купятка:

Никита, я только поддерживаю.

Рависов:

Вперед.

Тем временем Сергей Валентинович Пожухлый очень радостно начинает свой день. Он никуда не торопится и все еще находится в своих роскошных апартаментах.

Интерьер в квартире Пожухлого, в отличие, к примеру, от баяновского, который всегда скупился на такие вещи, действительно впечатляет своей роскошью и вкусом. Надо сказать, что Баян редко бывал в гостях у Пожухлого, так как боялся здесь что-то сломать по пьяни, а идти в гости для Баяна всегда было равно выпить. Впрочем, как и для нашего дряхлого пижона Пожухлого, но он всегда мог себя контролировать.

Прихожая встречает нас светлыми тонами: однотонные светло-голубые обои, белый натяжной потолок с плинтусами, большая люстра по центру и лаконичные белые шкафы с узорами. Пол из натурального камня и большое зеркало слева от входа дополняют картину. Напротив зеркала стоит пуфик с бежевым сиденьем из велюра, а слева от зеркала – модная корзинка с дорогими зонтами, которые Пожухлый торговал у лондонского барыги за полцены.

Из прихожей мы попадаем в огромный зал, украшенный четырьмя люстрами в стиле канделябров. На стенах с такими же обоями, как в прихожей, висят картины в роскошных багетных рамах. Здесь же раньше висел и их общий с Баяном и всем руководящим составом фото-портрет, но в последние несколько месяцев он валяется на балконе и загрязняется выхлопными газами проезжающих под окнами машин. На полках, приставленных к стенам под картинами, стоят дорогие вазы. На соседней стене между двумя окнами располагаются большие темно-коричневые напольные часы с маятником ручной работы. Пол застелен дорогим коричневым паркетом елочкой, как у Баяна, но, в отличие от него, не старым советским, наполовину рассохшимся и прогнившим, а изысканным и новым.

В центре комнаты стоит светлый диван в шелковой обивке с узорами и коричневое замшевое кресло. На полу перед диваном лежит бежевый ковер. В стене напротив дивана располагается искусственный камин, выполненный из настоящего камня, над которым висит боль-

шое зеркало в золотой рамке. Ближе к арке, ведущей на кухню, стоит круглый деревянный коричневый столик и стулья.

Кухня оформлена в светлых тонах: белый гарнитур со встроенной техникой, узорная барная стойка с деревянной столешницей и стулья с кожаными кремовыми сиденьями. Над барной стойкой висят фонари в старинном стиле. На окне стоят цветы.

Но вернемся же к старому прощелыге. Пожухлый стоит по центру зала перед диваном, на котором сидит юная девица, годящаяся ему, седовласому и уже наполовину развалившемуся, иссохшемуся и напоминающему мумию, которую забыли вовремя вынести, хрычу, в дочери. Она смеется и хлопает в ладоши, а Пожухлый играет на флейте и слегка пританцовывает. Не лишним будет упомянуть, что в свое время Пожухлый окончил музыкальную школу и отличался большим талантом. Но не в музыке, как можно было логично подумать, а в обольщении женщин. Играл он довольно-таки гадко, а музыкальную школу окончил только потому, что директором была его тетка, но ему тем не менее удавалось растопить женские сердца, с позволения сказать, играя на флейте, а на деле издавая мерзкие визжащие звуки, от которых хотелось отойти по делу и от которых создатель флейты, вероятнее всего, «счастливо» покоем в своей могиле.

Идиллию прерывает вошедшая в квартиру жена Пожухлого – Агриппина. Завидев ее с дивана, смущенная и напуганная девушка резко встает и прячется за Пожухлого, а стоящий к ней лицом Пожухлый не сразу понимает, в чем дело. Он, не переставая играть, поворачивается лицом ко входу в зал и, видя свою жену, издает финальный аккорд.

Вообще говоря, жена Пожухлого, конечно же, прекрасно знала о похождениях мужа. Ей достаточно было понять, что он из себя представляет, еще когда незадолго до их свадьбы его уволили из гуманитарного института за «научные» исследования с пятью студентками на кафедре марксизма. Но тогда, решив, что это всё в прошлом, она вышла за него замуж. Всю их совместную жизнь Агриппина пыталась закрыть глаза на происходящее, и всё это, в общем-то, стало для нее нормой, ровно как и для их детей: старшего сына Евгения, поверх кассеты со свадьбой которого Пожухлый как-то раз записал порнографию, и дочери Катерины, которая помнила один эпизод еще из детства, когда Пожухлый, в отсутствии жены, привел двух чернокожих мадам в дом на День знаний и сказал, что это теперь две наши новые дополнительные мамы. Катерина в тот момент поверила, ведь была ещё совсем маленькой.

Агриппина так и стоит на входе в зал и с каменным лицом смотрит на Пожухлого и его мадам. Пожухлый наконец решает что-то сказать.

Пожухлый:

Это... Агриппинушка. Дорогая... Ты раньше вернулась? В смысле, а чего бы тебе и не вернуться-то раньше? Хорошо, что вернулась раньше!

Агриппина:

Ну-ну...

Пожухлый:

А это вот, значит, секретарша новая у меня! Собеседование провожу.

Агриппина:

С дудкой?

Пожухлый:

Ну-у, так это... Ну-у-у...

Агриппина:

Ну понятно.

Лицо Агриппины расплывается в широчайшей улыбке, да в такой, что Пожухлому кажется, будто бы ее ярко-красные губы сейчас лопнут. Агриппина проходит в зал, проходит мимо Пожухлого к испуганной даме и, к большому изумлению Пожухлого и самой дамы, обнимает ее.

Агриппина:

Я вас поздравляю с новой должностью!

Агриппина поворачивается и идёт в кухню. Юная дама хватается сумку с дивана и убегает из квартиры.

Пожухлый, озираясь по сторонам, проходит в кухню вслед за женой.

Пожухлый:

Да, и вправду, слушай, хороший она кандидат. Лучшее собеседование.

Агриппина варит кофе и не поворачивается в сторону Пожухлого, который садится за стол.

Агриппина:

Ну, такая, каких ты любишь.

Пожухлый:

Люблю? Ну такая, да, она ответственная. Всё как мне надо, да.

Агриппина ничего не отвечает и продолжает варить кофе. Пожухлый берет со стола газету и читает в ней очередную статью про поиски ректора Баяна. Агриппина, повернувшись к столу, чтобы взять чашку, заглядывает краем глаза в газету.

Агриппина:

Ну известно что-то про Баяна? Где он хотя бы?

Пожухлый:

Володя-то... Володя далеко. Далеко...

Пожухлый задумчив. Агриппина вздыхает.

Агриппина:

Ой, не знаю, Серёж. Всё это до добра не доведет.

Пожухлый бросает резкий и колючий взгляд ей в спину.

Пожухлый:

Что ты имеешь в виду?

Агриппина:

Всю эту ситуацию. Не надо было Баяну уезжать никуда, всё это опасно, все эти тайны, секреты... Еще хуже сделаете. Да и вообще...

Агриппина переходит на шепот и поворачивается к Пожухлому лицом.

Агриппина:

Вы, конечно, с ним накуролесили... Ну за вас же если возьмутся, то такого нароют...

Пожухлый лишь усмехается. Агриппина вновь отворачивается к плите.

Пожухлый:

Не возьмутся. А куролесил Баян только, а за ним все косяки исправлял и исправляю. Ко мне не подкопаться.

Агриппина:

Да и вообще, Серёжа, я, конечно, рада за тебя. Ты сейчас обязанности ректора выполняешь, но ты справишься с такой ответственностью? Это ведь нелегко.

Пожухлого будто кипятком ошпаривает. Он весь краснеет, как рак, и бьет своей сухой и худой, как у скелета, ладошкой по столу.

Пожухлый:

А ты с чего взяла, что я слабый?! А? Отвечай!

Агриппина абсолютно спокойна и даже не оборачивается в сторону Пожухлого, так как привыкла к таким истерикам мужа.

Агриппина:

Серез, я не говорила, что ты слабый. Но ты же никогда не был главным.

Пожухлый подскакивает с места, будто бы сидел на плите.

Пожухлый:

Не был главным я?! Не был я главным?! Да это я, я эту помойку поднимал! Баян бы без меня ниче не сделал, всё бы потерял: и деньги, и власть, и карьеру! Это я мозг! А он свинья тупая! Шнырь детдомовский!

Агриппина, не реагируя на вопли Пожухлого, моет посуду.

Пожухлый:

Никто без меня они все! Уроды, отребье с помойки! Я поднял статус ОЯГУ! Только я!

Пожухлый бьет себя правым кулаком в грудь и сразу же хватается за нее левой ладонью от боли.

Агриппина:

Серез, так я же с этим не спорю. Ты большой молодец.

Пожухлый:

Тридцать лет этой помойке, тридцать лет отдал! А этот индюк жирный мне говорит: «Ваши идеи не актуальны, покиньте помещение». Болван тупорылый! Козел! Удот! Бухарь бездарный!

Агриппина не выдерживает.

Агриппина:

Серёжа, ну всё, успокойся уже! Сколько можно?! Вы же помирились, что опять-то ты начал это всё?

Пожухлый, весь трясясь от нервов, садится за стол, берет блюдце с вареньем и неосторожным движением руки заляпывает им брюки своего бежевого костюма.

Пожухлый:

Ну е-мое, блин! Агриппина, ты постирала мне костюмы другие?

Агриппина:

Да, выглаженные в гардеробе висят. Сереж, а скажи, они что, у тебя в земле были все? Ты будто по грядкам в них ходил.

Пожухлый:

Ну че, че... Припарковался какой-то имбецил у института так, что пришлось переться через клумбу до входа.

Агриппина:

Не, ну там земли, будто ты в поле работал и картошку копал.

Пожухлый:

Ну там дождь был, земли много... Агриппина, всё, отстань от меня! У меня много дел.

Пожухлый встает и идет в ванную. Он снимает свои брюки и кидает их в корзину для белья. В семейных трусах с бэтманами, голубой рубашке и бежевом пиджаке сверху он заходит в личную гардеробную за новым костюмом. Надо сказать, что личная гардеробная с обилием различных пиджаков, брюк, рубашек, запонок, галстуков, жилеток, костюмов, носков и обуви была именно у Пожухлого, тогда как его жена довольствовалась лишь двумя шкафами в спальне и шкафом для обуви в прихожей. Такому обилию костюмов, как у Пожухлого, мог бы позавидовать сам Сол Гудман.

Пожухлый заходит в гардеробную, берет со специальной подставки на косяке у входа пульт, нажимает на нем кнопку, и костюмы начинают двигаться перед ним на специальном конвейере. Он внимательно оглядывает каждый, конвейерная система крутит все костюмы уже четвертый раз подряд, и на пятый раз он наконец-то останавливает конвейер и делает свой выбор на сером костюме с красной клеткой. К нему он подбирает красный галстук, такого же цвета платок, белую рубашку и коричневые лакированные туфли. Пожухлый натягивает на себя одеяние и выходит из гардеробной.

Он идет в ванную, причесывает свои седые жиденькие волосики средней длины, делая пробор слева. Причесываясь, он смотрит в зеркало на свои глубокие морщины под глазами и на лбу. «Опять надо ботокс колоть», – думает он. Он также замечает, что тон его кожи стал бледным.

Пожухлый:
Агриппина!

Пожухлый высовывается из ванной.

Агриппина:
Что?

Пожухлый:
Запиши меня в солярий на завтра!

«Уже как не пойми кто выгляжу», – думает Пожухлый, глядясь в зеркало. Впрочем, со своим фирменным загаром он выглядел в точности как мумия фараона Рамзеса Второго, но ему, видимо, казалось, что так он Ален Делон.

Пожухлый застёгивает ремень посвободнее, так как замечает, что он слегка давит. Сказывается его вечная паранойя, что он толстеет, когда в действительности он худой как спичка. «Опять надо на липосакцию записаться», – думает он, а затем наконец выходит из ванной и идёт к выходу из квартиры.

Пожухлый:
Я ушел.

Агриппина:
Ага.

Агриппина сидит за столом на кухне спиной в коридор, ест и не оборачивается на Пожухлого. Пожухлый выходит из квартиры.

(Шестью месяцами ранее)

В ректорате царит скандал. Баян орет на Пожухлого. На этот раз он орет так громко, что секретарша Ниночка в страхе сначала прячется под столом, а затем и вовсе убегает с этажа.

Баян:

Это всё из-за тебя! Я говорил, что твоя кафедра феминизма – это хрень полнейшая! Говорил я тебе, что добром это не кончится! И сейчас эти активистки пишут, что я эксплуататор женщин, харассер и абьюзер, они снимают с дронов мою дачу и как я гоняюсь за Клавой с лопатой, и постят это всё в интернет, ты этого хотел, собака сутулая?! Репутацию мою уничтожить?!

Пожухлый:

Ты сам свою репутацию похоронил, урод ты больной! Ты ректор университета, ты должен вещи простые понимать и вести себя как подобает!

Баян:

Да, ты прав, ты прав... Я ректор... Поэтому я тебя увольняю! Всё, пошёл вон отсюда! Чтобы я тебя не видел...

Пожухлый в шоке чуть было не сворачивается, будто гармошка, прямо в пол.

Пожухлый:

Увольняешь, да?! Ну ты тварь неблагодарная... Да я эту помойку поднял со дна самого! Мы могли быть международным вузом, если бы ты меня слушал! И не пришлось бы идти на авантюры. Я говорил тебе, надо потерпеть: успеем навариться... Но ты же не терпишь, тебе в моменте денег надо! Всё разрушил! Ничего не сделал, понанимал всяких дегенератов, пока я тут как уж на сковородке вертелся, новые идеи выдумывал тебе! Пока я пары китайского и французского вёл, потому что ты алкашей нанял с подъезда своего преподами! А че, мол, кто там поймет, че они лопочут?! Идиот!

Баян ровняется с Пожухлым вплотную.

Баян:

Ты, собака вертлявая, под меня давно копаешь, еще когда я в больницу слег и ты рулил тут, понабрал своих людей, из-за которых вот это всё сейчас! Власть у меня хотел отнять, паскуда?!

Пожухлый:

Я вуз поднимал, урод ты конченый! Пока ты после укуса тайской гадюки в коме валялся! Потому что набухался, как обычно, и натворил фигни, идиот!

Баян:

Заткнись! Кто тут ректор, кто тут ректор?! Правильно: я тут ректор, я ректор тут! Ты закончился, Пожухлый, вали отсюда!

Баян указывает в сторону двери.

Пожухлый:

Да оставайся со своими калдырями сельскими, со своим больным на голову Тютюшкиным и тупорылым Дубинским. У тебя больше никого не осталось и нифига не будет: Холодец, ментяра твой, и тот подход. Тоже тот еще дегенерат. Все вы дегенераты: шваль помойная. Отребе...

Баян хватает Пожухлого за воротник бежевого пиджака Gucci, чтобы повалить на пол, но Пожухлый вырывается и со всего размаха бьет Баяна в солнечное сплетение, а затем по лицу. Баян валится сначала на колени, а потом падает всем телом на пол.

Баян:

Охрана... Охра-на!

Ниночка, которая уже на всякий случай всё же вернулась, нажимает кнопку охраны. В кабинет врываются двое бодигардов.

Баян:

Взять его! Вон... отсюда...

Задыхающийся Баян тянет руку вверх и указывает на стоящего над ним Пожухлого.

Охранники, скрутив Пожухлого в бараний рог и запихав в мусорный мешок, выносят его из кабинета.

Пожухлый:

Ты еще ответишь за это, ублюдок! Слова мои попомни... Ответишь еще!

Охранники уносят дрыгающегося в пакете и ругающегося Пожухлого к лифту. Ниночка вызывает скорую, а сама бежит к Баяну в кабинет со стаканом воды.

(Наши дни)

Купятка и Рависов прибывают к дому Дубинского. Старый подъезд девятиэтажки 97-й серии встречает их запахом плесени и сырости. Они поднимаются на восьмой этаж и подходят к деревянной резной двери. Рависов зажимает треснутую кнопку звонка. Звонок издает мелодию «Времена года» Вивальди.

Рависов:

Ха, приколы.

Рависов отпускает кнопку, а затем зажимает ее еще раз. Начинает играть «Лунная соната».

Рависов:

Ха-ха-ха...

Рависов нажимает и отпускает кнопку еще раза четыре, и каждый раз играют разные классические мелодии.

Купятка:

Никит, ну весело, конечно, но мы тут по делу.

Рависов:

Ну так ты, дятел, не понял еще, что Дубинского дома нет? Я уж раз восемь позвонил.

Купятка чешет затылок.

Купятка:

Давай тогда спрашивать у соседей, когда он тут был в последний раз.

Купятка звонит в дверь справа. Ему открывает обычный мужик лет сорока в белой майке и синих трениках.

Купятка:

Здравствуйте. Подскажите, а сосед ваш, вот тут который, давно дома был? Мы его коллеги по работе, вот ищем.

Мужик:

Здрасьте. Да, слушай, пару дней назад видал его. С баулами вещей спускался, на копейку свою грузил. И всё, потом вроде и не возвращался даже, не видел его.

Рависов:

А он не говорил, куда поехал?

Мужик:

Нет, я возвращался с магазина, вот тут в коридоре поздоровались просто и всё. Ничего не говорил, да и я не спрашивал.

Купятка:

Понятно. Ну а если появится, сможете сообщить нам? Вот мой номер, если что.

Купятка протягивает мужику бумажку со своим номером.

Мужик:

Да не вопрос. Позвоню.

Купятка:

Спасибо вам большое.

Мужик:

Да не за что.

Рависов:

До свидания.

Мужик:

До свидания.

Мужик закрывает дверь. Рависов с Купятка заходят в лифт.

Купятка:

Ну и что получается? Дубинский как уволился, куда-то уехал сразу?

Рависов:

Ну выходит, что так. Чего он телефон-то сменил, я понять не могу? Вот я же говорю тебе, это всё странно... Дичь какая-то...

«КОЗ АМ ТИ ЭН ТИ, АМ ДАЙНОМАЙТ» – орет за рулем во всю свою прокуренную «Корсаром» глотку Пожухлый, решивший сегодня ударить по классике рока. Он подъезжает к дому жены Баяна – Клавы. Минут на этот раз все ямы и колдобины, он, к своей радости, даже находит место не у помойки.

Пожухлый паркуется, но не выходит, а набирает Полянского. Он ждет дозвона дольше обычного.

Пожухлый:

Ну, шкет, давай трубку бери уже.

Полянский:

А-л-о-о! Ик! Ой...

Пожухлый:

Але... Ты че там, бухой, что ли, сорванец?

Полянский:

Ну, Сергей Валентиныч, чё, с отцом увиделись, вот. Как не выпить-то?

Пожухлый:

Как-как, легко. Понятно всё с тобой. У тебя телефон тот запасной при тебе? Всё по плану?

Полянский:

Да-да, всё по плану, Сергей Валентиныч-чи-чи-ыч... В... Всё по плану. План, правда, на мой взгляд, полное фуфло. Мне иногда кажется, что вы старый спятивший му...

Пожухлый:

Так, а ну-ка не барзей, свинота похмельная! Всё, я на месте. Работаем.

Пожухлый кладёт трубку.

Пожухлый:

Алкашня, е-ма...

Пожухлый выходит из машины, задерживает дыхание, уже готовясь снова пройти эту муку, именуемую подъезд, и идет к дому. Он преодолевает этот кошмар и звонит в дверь Клавы. Она открывает буквально за секунду, будто бы следила за Пожухлым и поджидала у двери.

Клава:

Сереженька!

Клава бросается Пожухлому на шею, а тот хочет ее спихнуть, но, конечно, сдерживается.

Пожухлый:

Да, Клавушка, да... Привет... Да...

Пожухлый, учуяв запах ее духов, напоминающий ему самый дешманский освежитель для туалета с запахом сирени, вновь задерживает свое дыхание и мечтает поскорее со всем этим разобраться и побыстрее свалить.

Пожухлый:

Давай пройдем... У меня есть для тебя новости.

Пожухлый и Клава проходят в квартиру и идут на кухню.

Пожухлый:

В общем, Клава. С Володей есть связь. Но, во-первых, только для тебя, никому ты не должна его номер давать, а во-вторых, общаться с ним можно только раз в неделю. По пятницам. Держи его телефон.

Пожухлый достает из кармана пиджака и протягивает Клаве бумажечку с телефоном. Клава ахает от счастья.

Клава:

Сереженька! Сережа!

Она опять кидается на него, и Пожухлый еле сдерживается, чтобы не отойти в сторону, чтобы Клава врезалась в стену и грохнулась на пол. Она целует его, и на его щеках остаются яркие следы от ее помады, а он сдерживается, чтобы его не вырвало. Пожухлый представляет себе запах своих любимых сигарет, чтобы хоть как-то отвлечься от запаха Клавиных духов, а вместо самой Клавы – свою утреннюю юную особу.

Пожухлый:

Всё, всё, Клава... Аха-ха-ха-ха.

Клава берет бумажку с телефоном и свой телефон, чтобы записать туда номер.

Пожухлый:

Да, и еще, Клава. Очень важный момент. Общаться с ним можно только смс-ками. По связи могут прослушивать! Очень опасно.

Клаву расстраивает этот факт, и она с грустью глядит на Пожухлого.

Клава:

Что ж, это жаль... Значит, только смс и всего один раз в неделю?

Пожухлый:

Да, Клава. Только так. Пойми, очень опасно.

Пожухлый наклоняется над столом, за которым сидит Клава, и переходит на шепот.

Пожухлый:

У них же везде уши...

Клава тоже переходит на шепот.

Клава:

А когда Володя сможет вернуться?

Пожухлый наклоняет голову к ней, чтобы прошептать на ушко.

Пожухлый:

Я не знаю... Пойми, тут всё зависит от того, как скоро всё уляжется. Я работаю над этим, скоро эти твари отвалятся, мы их дожмём.

Клава:

Я тебя поняла.

Пожухлый встает прямо и поправляет галстук. Он демонстративно глядит на свои «Ролексы».

Пожухлый:

Ну что ж, Клава, мне пора идти. Еще дела! Работа! Чай даже не предлагай, совсем некогда.

Клава:

Да, конечно, конечно, Сережа. Спасибо тебе еще раз за то, что предоставил этот номер. Я так рада...

Пожухлый расплывается в широкой улыбке.

Пожухлый:

Да, Клава... Какие проблемы?

Пожухлый делает большое усилие и раскидывает руки для объятий, причем усилие это оказывается как моральным, так и физическим. Они обнимаются, и Клава провожает Пожухлого.

Выйдя из подъезда, Пожухлый переходит дорогу, садится в свой автомобиль и сразу набирает Полянского.

Пожухлый:

Але, бухарь? Шоу начинается.

Полянский:

Шоу? Какое шоу? Новый выпуск «Случайной свадьбы»? Он же вроде в 10...

Пожухлый:

Какой свадьбы, ты совсем там надрался? Наше с тобой шоу!

Полянский:

А-а-а, да я так и понял!

Пожухлый:

Да-да, конечно... Давай, трезвей до завтра... У нас много работы.

Пьяный Полянский что-то бормочет в трубку на прощание и сбрасывает. Пожухлый заводит автомобиль и трогается.

Вернувшись домой и поднявшись в квартиру, он проходит в свой рабочий кабинет, по пути здороваясь с женой, которая сидит на диване в гостиной и смотрит телевизор. Он включает джазовую пластинку и решает прилечь на диван. Сладкие звуки джаза убаюкивают его, и ему снится сон...

(Сон Пожухлого)

Во сне Пожухлого возникает картина из прошлого. Он видит себя маленьким мальчиком, стоящим у стены, а его отец, находящийся в центре комнаты, направляет на него ружьё.

Пожухлый ст.:

Скотина такая! Я тебя застрелю сейчас!

Пожухлый плачет и закрывает лицо руками. Он весь дрожит и еле стоит на ногах.

Пожухлый ст.:

Ну что ты ревьешь? Слабак! Ничтожество! Чего ты добьешься? Урод! Я тебе сказал, хватит реветь!

Маленький Пожухлый пытается перестать, но у него не получается. Отец не выдерживает, взводит ружьё, целится в кричащего от ужаса Пожухлого и...

(Кабинет Пожухлого)

Пожухлый в панике просыпается. Он падает с дивана и, задыхаясь, ползет к окну. Он поднимается к подоконнику, открывает окно и высовывается в него. Летний вечерний ветерок приводит его в чувство. Постояв пару минут, он закрывает окно, садится за стол и решает поработать с бумагами. «Спать сегодня не стоит... Нет, надо работать, спать не стоит сегодня...»

Сцена 5

Рависов:

Антоха, ну Дубину мы не найдем по ходу. Как сквозь землю горох!

Купятка:

Чего? Какой горох? Ты поговорки перепутал, горох он об стенку. А тут как сквозь землю провалился...

Рависов:

Ну чё ты разумничался опять, а? Ну понял же, что я имел в виду? Ну вот и всё, давай думать, что делать.

Купятка с Рависовым играют в бильярд в его кабинете. Рависов попутно курит трубку, а Купятка ест какой-то заветренный салат из пластикового контейнера, который он купил в буфете на первом этаже у туалета.

Рависов:

Антоха, что ты жрешь? Ты большой человек, купил бы себе нормальной еды.

Купятка:

Это вкус юности... Когда в колледже учился, брал такие салаты.

Рависов:

Вкус юности... Вкус фигни!

Купятка:

Да тебе-то не понять! Я пока учился, ты на печи пьяный спал.

Рависов:

Ну и кто из нас первый проректор?

Купятка чуть не давится картошкой из салата.

Рависов встает в линию и забивает свояка в центральную лузу.

Рависов:

Вот так-то!

Купятка доскрябывает пластиковой вилкой оставшийся салат, отправляет его в свой маленький рот и выкидывает контейнер в урну под столом.

Купятка:

Ну, вариант один у нас, и вполне реальный. Это жена Баяна! Надо общаться с ней. Уж кто-кто, а жена-то должна знать что-то о муже. Даже если он в бегах.

Рависов промахивается и не забивает следующий шар в лузу. Он приподнимается и почесывает рукой, испачканной мелом, затылок.

Рависов:

Хм... Ну... Вообще, да. Но-о-о...

Купятка:

Ну что «но»?

Рависов:

Ну стремно чё-то, не знаю я!

Рависов отходит от стола и затягивается трубкой. Купятка бьет и забивает шар в дальнюю лузу.

Купятка:

Ну а чего стремно?

Рависов:

Ну, блин... Ну, типа, жена, эти личные вопросы какие-то... Не знаю. Да и ты думаешь, ей вот легко это обсуждать будет? Я сомневаюсь...

Купятка:

Ну а что ты предлагаешь? Варики какие?

Рависов:

Да, блин, никаких!

Купятка промахивается и не забивает чужака. Он с досадой поднимается и резко оборачивается к Рависову.

Купятка:

Слушай, а дочь Баяна внебрачная? Может, нам с ней пообщаться?

Рависов:

Пффф... Гелик? Да ты гонишь? Ты забыл, какой у нее характер?

Купятка:

Ну да...

(Два года назад. 2021 год)

В кабинет к утонувшему в своем кресле и храпящему ректору Баяну с ноги залетает девушка-брюнетка 18-ти лет в спортивках «Адидас».

Баян тут же просыпается.

Баян:

А! А! Что, опять?! А... Слышь, ты кто такая, на фиг?! Как, блин, к ректору заходим, какой курс?!

Ангелина:

Батяня, дочь не узнаешь родную?! Ты че, блин?

Баян даже надевает очки, которыми обычно пренебрегает, чтобы «не выглядеть как лошара», и внимательно рассматривает забежавшую девушку.

Баян:

А, это ты, что ли?! Ты не моя дочь, я уже всё сказал тебе и мамке твоей!

Ангелина разводит руками и выпучивает глаза.

Ангелина:

Да ты че, блин, я твоя дочь!

Баян:

Слышь, то, что я с твоей мамкой в разливухе закутил тогда, это еще не значит, что я твой батя, поняла?

Ангелина:

Да ты обалдел совсем, свинота?! Чего ты год жил тогда с нами?!

Баян:

Не было такого!

Ангелина:

Мать, говорит, было! Я фотки видела! Я дочь, дочь!

Баян:

Я ректор, ректор тут, а ну вали отсюда! Дочь она... Гены не те, не ректорские!

Ангелина:

Не те гены, говоришь?

Происходящее далее лучше всего описывает пословица «яблоко от яблони...». Ангелина оглядывает сервант с коньяком.

Ангелина:

Спорим, я тебя перебухаю?

Баян:

Пфффф... Че? Кого?

Ангелина:

Перебухаю тебя! У меня ДР сегодня, отпразднуем заодно!

Баян:

Ну ты, соплячка, борзая. Давай разливай, на слабо ректора взять решила?

Баян спихивает все бумаги со стола и достает рюмки. Ангелина берет из серванта коньяк и разливает его.

Спустя несколько часов в кабинет входит Пожухлый, и его взгляду предстают сидящий в кресле в покосившемся жёлтом праздничном колпачке на голове и со свистулькой во рту Баян, а также сидящая напротив и допивающая остатки коньяка Ангелина.

Пожухлый:

Володя... Ты... Идиот! У нас гости из министерства приезжают сегодня, ты че устроил, а? Ты че, блин! Свинья!

Баян:

А ну-ка, Жухлик, роток на замок! У меня у дочери день рождения!

Пожухлый оглядывает Ангелину.

Пожухлый:

Володя, свинота, че ты меня опять позоришь, а?! Ну это позор, просто позор... Опять выкручиваться... Ты когда уже перестанешь бухать, а? Я за тебя работаю постоянно!

Ангелина:

Слышь, шпала, хлебло завали и сгоняй нам за кониной еще.

Пожухлый с ненавистью оборачивается на Ангелину. Баян заливается гомерическим хохотом.

Пожухлый:

Я тебе припомню это, козлина...

Пожухлый выходит из кабинета.

Баян, успокоившись, обращается к дочери.

Баян:

Ну гены те, те. Признаю... Перебухала!

Ангелина (расплываясь в улыбке):

Ну так, батя, я ж говорю, я твоя дочь, твоя!

Баян:

Эх, Гелик, Гелик... А че с твоей мамкой-то развелся, я и не помню...

Ангелина:

Так ты и не женился... Козлина ты, аха-ха-ха...

Баян:

АХА-ХА-ХА-ХА!

Ангелина сплёвывает шелуху от семечек в стакан с карандашами.

Баян:

Знаешь, я вот тоже так думал к батю своему прийти... Да... На 18 лет, дверь с ноги выбить, да забухать.

Ангелина:

Хах... А чего не пришел?

Баян отмахивается рукой.

Баян:

А... Не простил, паскуду! Мать померла, а он меня в детдом. Я мог прийти, знал, где живет, но... Не смог. А потом он уж и помер. Так что опаздывать нельзя, нельзя! Давай выпьем за тебя!

Баян наливает уже водку в рюмки.

Баян:

Гелик, ну с днем рождения тебя... С днем рождения... Эх, 18 лет, что ж тебе подарить-то... О! Так смотри, смотри!

Баян показывает двумя пальцами на свои глаза, Ангелина внимательно смотрит в них.

Баян:

Я подарю тебе гелик! Гелик для Гелика, е-мае, ну выкупила, да?!

Ангелина:

А-а-а-а, батяня, от души, от души, я поняла!

Баян:

А-а-а-а, доча!

Баян выходит из-за стола, подхватывает дочь на руки и, встав посреди кабинета, начинает подкидывать ее вверх. Она же, в свою очередь, помогает себе, отталкиваясь ногами от его жирного мамона.

Ангелина и Баян в унисон:

УРА! УРА!

(Наши дни)

Купятка:

Ну, думаешь, совсем никак?

Рависов:

Да, конечно, нет, ну ты че? Она наглухо отбитая! Ее ж Баян один раз заведующей кафедры взял, так она там драку устроила, за волосы преподашу оттащила. В первый же день! Она ж тебя била, ты че, забыл что ли? Ты ей там что-то цветочки подарить пытался.

Купятка:

Ну да, да, не напоминай!

Рависов:

С ней вообще не поговорить нормально... Хех, а меня ж Баян еще сосватать с ней хотел. Мол, давай с моей дочерью замути... Ну и че в итоге, катал я ее на десятке, а она мне: «Четы, лох, тачку круче купить не мог? У меня вон гелик, гелик! Я дочь ректора, дочь ректора!» Дурында, е-мое...

Купятка:

Да, помню, помню... Слушай, а она вообще чем занимается сейчас?

Рависов:

Не, ну карьера-то у нее в гору пошла ваще знатно. Она же пошла в клубный бизнес. К этому нашему-то главному по клубам в городе и стрипухам.

Купятка:

К Мамед-Оглы, что ли?

Рависов:

Да-да, к Святославу Мамед-Оглы, точно. Ну и потом она, короче, как-то поднялась, ну, я думаю, батяня помог, и вообще стала владеть борделями всеми в городе, в эту сферу руководить пошла.

Купятка:

Ничего себе, я даже не слышал. Прикол, конечно.

Рависов:

Да я с Баяном когда на посиделках был, он рассказывал. Слушай, так а чего мы тупим? Сын Баяна от первого брака же есть! Он точно адекватный. Да и с пацаном по-любому проще общаться!

Купятка:

Да. Да, только вот Баян его терпеть не может, а сын – его. Я не уверен, что они вообще общались в последние несколько лет... А с дочерью у них отношения хорошие...

Рависов:

Ну, Антох, с ней не пообщаешься, ну это просто нереально. А думаешь, сын может даже не знать, что происходит сейчас?

Купятка:

Ну вполне вероятно, так оно и есть. Да не, всё-таки к жене надо ехать! Вариантов нет.

Рависов:

Погоди, а у него же еще есть сын! Внебрачный тоже. Адель, кажется, звать...

Купятка:

Да, но он точно не поможет. Баян его привозил тогда, ты в отпуске был, а я был тут и был свидетелем их общения. Во-первых, они виделись два раза всего. Во-вторых, Баян ему предлагал с нами работать, рулить финансами... А, кстати, я вспомнил, он ему тоже тему про клубы задвигал, что вот, мол, возглавишь, познакомлю с людьми.

Рависов:

Ну и он чё?

Купятка:

Да ничего. Он сказал: «Да мне лень, бать, я в компы играю, дома лежу. Аниме смотрю. Дай денег на сиги, ягер». Челу 22 года. Никогда нигде не работал и вообще не собирается, учебу закинул, в родном городе у мамки на шее сидит, играет в компы, да в бутылку ссыт, потому что лень до туалета. Задвигает еще, что не будет работать в капиталистическом аду этом! Короче, квёлый, одним словом.

Рависов:

Пипец, е-мое... Мы с тобой с детства работали, вон. Хоть что-то делали в деревне. Баян, наверное, пипец как расстроился.

Купятка:

Да, очень сильно. У него с тем сыном не сложилось, так он на этого надеялся.

Рависов:

А он у него от кого вообще?

Купятка:

Я не знаю точно, знаю, что Баян что-то говорил, был в командировке раз в Набережных Челнах и с кем-то загулял там. Вот и родился сын.

Рависов:

Ясно. Ну давай все же первому сыну звякнем, чтоб он знал хоть, что отец в бегах. Ну отец же все-таки, должен сын знать, что с отцом. Ну и он же вроде какой-то крутой у него в Москве? Может, связи какие есть, поможет бате чем-то.

Купятка:

Да он биолог вроде... Или химик... Не знаю. Но знаю, что довольно успешен. Ну давай, в инете есть его статьи, доклады. Телефон вроде тоже на сайтах каких-то вузов и компаний был.

Рависов:

Ну вот, Баян, какого сына родил... Профессора...

Купятка:

Ага... И дочь, кхм, гопницу... И сына еще одного – бездельника.

Купятка и Рависов находят в интернете номер первого сына Баяна – Александра, и набирают его. Купятка выводит звонок на громкую связь.

Александр Баян:

Алло.

Купятка:

Алло, здравствуйте!

Александр Баян:

Здравствуйте, слушаю вас.

Купятка:

Да... Меня зовут Купятка Антон Эдуардович. Я проректор по инновациям Окопоямского государственного университета. Я звоню по поводу вашего отца... Дело в том, что вы, может, знаете, а может, и нет, но Владимир Сергеевич пропал... Нам кажется, ему может угрожать опасность. Вы не знаете случайно, где он может быть?

Александр Баян:

Ничем не могу помочь. До свидания.

Рависов внезапно для Купятки встречается в разговор.

Рависов:

Ну как это, это отец же ваш! Это... Здравствуйте, я Никита Юрьевич Рависов. Первый проректор.

Александр Баян:

Здравствуйте, Никита Юрьевич. Понимаете, вы не знаете о том, какие у нас отношения.

Рависов:

Ну вы же сын и отец!

Александр Баян:

Это правда, Никита Юрьевич. Но мой отец звонил мне на день рождения в последний раз 12 лет назад и пожелал смерти. Моей матери, то есть своей бывшей жене, он желал того же неоднократно и несколько раз чуть не убил ее, пока они еще были женаты. А как-то раз он поставил на кон в казино меня, мою маму и нашу квартиру и, конечно же, проиграл бандитам. Нас чудом смогли спасти.

Рависов и Купятка замолкают и не знают, что ответить. Наконец, Купятка собирается с мыслями.

Купятка:

Александр, я тоже вырос в не самых лучших условиях... Поверьте, я могу это представить. Как и Никита Юрьевич. Дело в том, что мы сводные братья. Это правда ужасно... Не то, что мы братья! А... Ну, короче, вы поняли! Конечно, может, это не сравнится с вашей ситуацией, но мой папа был карточным шулером и брал меня в сочинское казино в детстве, где я ползал под столами у бандитов, и ситуации бывали, я думаю, там разные, меня вполне могли убить, наверное, либо мог сам убиться, так как часто под столами находил пистолеты... А еще папа меня совсем не любил, и думаю, он тоже мог меня поставить на кон... У Никиты Юрьевича отца прямо на глазах вязали, квартиру штурмовали, он был вором... Но поймите еще, что Владимир Сергеевич, ваш отец, многое для нас сделал. И мы правда переживаем за него. Скажите, пожалуйста, не пытался ли он вам позвонить? Может, у вас есть хотя бы какая-то возможность постараться его найти? Может, вы можете хотя бы сказать, когда видели его в последний раз? Нам правда нужна помощь... Ну, он ведь пропал. Его нет...

Александр Баян:

Антон Эдуардович, я искренне сочувствую вашим с Никитой Юрьевичем семейным драмам. Действительно, у нас много общего, и я могу это представить. Но поймите: для меня мой отец пропал, пожалуй, двадцать лет назад. И я, честно сказать, вздохнул с облегчением. Я оставил это в прошлом, и я думаю, что вы тоже оставили неприятные семейные воспоминания в прошлом, ну разве не так? По крайней мере, я считаю, что это единственный возможный и верный вариант. Но да, я его действительно видел, своего отца, относительно не так давно. Два года назад. Он прилетел в Москву и, напившись до пороссячьего визга, пришел к моему сыну на утренник в детский сад в костюме Дюймовочки.

Рависов начинает неистово беззвучно ржать и чуть не падает под стол. Купятка толкает его в локоть, чтобы тот угомонился.

Александр Баян:

Да, Никита Юрьевич, я понимаю. Это и вправду смешно со слов...

Рависов в моменте перестает смеяться, ошарашенный тем, как Александр понял, что он смеется, ведь он не издал ни звука.

Александр Баян:

Но поверьте, на моем месте вы бы испытали просто душераздирающее чувство стыда... Перед своим ребенком... Перед другими детьми и их родителями... Перед воспитателями... Да в конце концов, перед продавщицей карнавальных костюмов, которая подбирала моему бухому отцу этот костюм Дюймовочки! Вы даже этого представить себе не можете... До свидания...

Александр кладет трубку. Рависов и Купятка в глубочайшем ауте дослушивают гудки.

Рависов:

Вариант с сыном отпадает...

Купятка:

Похоже, да. Надо ехать к жене...

Рависов:

Ты болван, ты че начал не то спрашивать-то? Когда видел в последний раз... То да се... Надо было так чисто и сказать, что может помочь связи подрубить какие-то!

Купятка:

Да я пытался на жалость надавить, болван ты тупорылый! Сам взял тут и начал орать, в разговор влез! Да и какие у него связи, он микробиолог, блин! Что он тебе, его под микроскопом искать будет? Не общаются они много лет, дохлый это номер! Сразу было понятно...

Рависов:

Ладно, очкарик, к жене, значит, поехали его нынешней!

(Двадцать лет назад. 2003 год)

Баян:

Ну что ж, Сергей Валентинович. Официальная часть закончена, так сказать. Поэтому теперь вот чисто уже в неформальной обстановке хочу тебя, Серега, поздравить с новой должностью первого проректора! Давай, дерзай, выдумывай там своим мозгом новые идеи, руби нам бабки, и мы будем первыми.

Еще совсем не толстый, без проплешины на макушке и не такой пропитый на лицо ректор Баян поздравляет с новой должностью еще не напоминающего скелет из кабинета биологии, на которой в полный рост натянули презерватив, черноволосого и действительно похожего на молодого Алена Делона Пожухлого.

Пожухлый:

Спасибо, Володя, спасибо. Будем работать. Идей много, первыми будем точно.

Баян затягивается «Мальборо», отхаркиваясь вправо прямо на ковер.

Баян:

Ах ты ж, блин! Урна-то не там... Ну что, в клуб вечером сегодня тогда? Отметим твое назначение и мою свободу. Всё! Развод подписали официально. Лидка, гудбай, о-о-о!

Пожухлый:

Ну и чё ты, хату отдал вашу?

Баян машет рукой в клубах дыма.

Баян:

Да... Отдал.

Пожухлый:

Так ты еще и бабок там отстегнул что-то много, да?

Баян:

Да пусть хоть подавится там! Я себе таких квартир еще хоть 10 куплю, у меня бабла этого океаны. Я сам океан! Баянитый океан я, во! Вторая хата есть у меня, еще потом возьму.

Пожухлый:

А сын что у тебя, как там?

Баян:

А у меня, Серега, нет больше сына... Эх, Сашка, Сашка... Вот так вот... Она ж мне с ним общаться запретила. Да она из него воспитала какого-то ботаника, дура! Он там в Москву собрался поступать, ля-ля-ля... Наукой заниматься он решил... НАД НАУКОЙ БЫТЬ НАДО, А НЕ ЗАНИМАТЬСЯ ЕЙ! Лошье! Ну и пусть в свою Москву валят, скатертью дорога...

Пожухлый:

А как она запретила общаться, через суд, что ли?

Баян:

Да у нее один суд – метлой по голове.

Пожухлый смеется, закуривая сигарету.

Баян:

Да дура. Привел сыну проститутку на 15 лет, а она шваброй отпинала меня. «Всё – никакого общения! Пошел отсюда!» Больная! Мне б отец привел, если б я знал его, да я бы рад был и благодарен ему всю жизнь!

Пожухлый:

Аха-ха-ха, ты реально проститутку сыну вызвал?

Баян:

Ну взял с собой в клубешник-то этот наш. Он, прикинь, и не бухал еще ни разу! Я ему говорю: «Ты там на своей химии че делаешь-то в школе, я там водяру пил в твоём возрасте!» Ну напоил его чуть-чуть, потом подозвал там одну девичку. А эта дура, Лидка, вычислила, что мы там, приехала! Должна ж была к трещетке этой оципанной своей свалить в гости.

Пожухлый:

Это к кому?

Баян:

К мамке своей, кому, теще этой моей! К крокодилу этому. Я потом еще, блин, пол-лимона на ремонт отвалил этого клуба, после того как она все там разнесла.

Пожухлый:

Ну семейка у вас, я не могу...

Баян:

Да это кошмар наяву, Серега. Не загулять, не забухать, ничего не сделать! Всё – на фиг. Окончено. Я это, как его там... Диск очистил. Всё! А Сашка что... Какой он мне сын? Презик лопнул, да и всё. Да и кто ее знает, Лидку, нагуляла, поди, раз лох какой-то вырос!

Пожухлый:

Ладно, Володь, это дела твои уже там.

Баян:

Да фиг с ними. Серег, ты ответь вот. Я удивляюсь, как у тебя в семье так гладко всё? Гуляешь налево и направо, ни одной юбки не пропускаешь, уже полстраны детей внебрачных, двое в браке... И вообще жена не палит! Как?!

Пожухлый ухмыляется.

Пожухлый:

Ну уж не полстраны детей, так и у тебя-то тоже сын еще один есть, уж года два. Тоже не палился, получается.

Баян:

Ой, да мы уж не жили вместе тогда, там по фиг было... До официального развода просто всё руки не шли. А сын-то этот второй – ну да, родился там, в Челнах, когда ездил в 2001-м в командировку. Надо хоть заехать как-нибудь, поглядеть.

Пожухлый:

Ну а так, Володь, что тебе ответить на вопрос, как мне так удастся? Грамотно всё надо делать, вот и всё.

Баян:

Ой-ой! Грамотей нашелся! Рожа у тебя просто как у актера из Голливуда, околдовываешь ей всех... Прощелыга фигов. Че... Эт че?

Баян приподнимается из-за стола и тянется к Пожухлому.

Баян:

У тебя, вон, бровки что ли выщипаны? Аха-ха-ха-ха... Аха-ха-ха...

Пожухлый:

Володь, за собой следить надо. Мы все-таки люди видные. Тебе бы вон тоже не помешало выщипать.

Баян:

Слышь, я тебе че, гомосек, что ли? Еще накраситься бы предложил мне. Гомик, е-мое... Аха-ха-ха...

Пожухлый качает головой.

Баян:

Всё, давай, голубая кровь, е-ма-е. Аха-ха... За работу. До вечера.

Баян кидает сигарету в цветок на подоконнике и погружается в документы.

(Наши дни)

Полянский едет по городу. Голова его всё ещё кружится после вчерашней синьки с отцом. Он едет по центральной улице города, и его взгляд падает на здание ОЯГУ. Это ему не нравится, он начинает бурчать под нос матерные слова, как вдруг замечает справа у магазина велосипедов его хозяина – бывшего физрука ОЯГУ Василия Васильевича Утюгова. Полянский сразу приободряется и тормозит рядом.

Полянский:

Василий Васильич, здравствуйте!

Светловолосый подкачанный мужик среднего роста в синих джинсах и синей спортивной футболке, заносающий какие-то большие коробки в магазин, оглядывается и приветливо улыбается Полянскому, приветствующему его через окно машины.

Полянский выходит.

Утюгов:

Полянский! Здорова, здорова!

Полянский:

Давайте подсоблю вам.

Полянский берет коробку и тащит ее в магазин. Вместе они управляются минут за пять.

Утюгов:

Ну, слушай, спасибо тебе!

Полянский:

Фух... Да какие вопросы, Василий Васильевич... Фух...

Они жмут друг другу руки, стоя у магазина. Полянский пытается быстрее отдышаться. Дает о себе знать привычка выкуривать по две пачки в день. Утюгов же будто совсем не устал, а лишь размялся.

Утюгов:

Как ты сам-то? Как там Баян? Вообще жость, взял и убежал...

Полянский:

Да, Василий Васильич, и не говорите... Ну как, вот ищем его, ищем. Но вам вот, конечно, еще раз огромное спасибо! Если бы вы нам не помогли это всё проверить, вывести этих гадов на чистую воду, то всё бы это так долго и продолжалось!

Утюгов:

Рад служить!

Полянский:

Ваши показания столько всего дали нам. Баян-то почти был на крючке... Эх. Ну, деньги ворованные зато нашлись!

Утюгов:

Это да... Но только там Пожухлый этот теперь в институте... Его ты сможешь взять?

Полянский:

Его-то... Нужно время. Время. Сложный, собака... Ну ничего, разберемся и с ним!

Утюгов:

Вот на него я бы что-то знал, так тоже бы вам рассказал. А он такой скользкий, скрытный, не подкопаешься...

Полянский:

Он-то да. Ну сложный, сложный, говорю же. Как у вас-то дела?

Утюгов:

Да у нас-то хорошо. Торговля идет, вот велики новые закупили. Всё как надо.

Полянский:

Ну и отлично, отлично! Ну ладно, я поеду тогда, Василий Васильевич. Дела еще!

Утюгов:

Ну ладно, ты заходи еще! Обращайся, может, еще чем помогу.

Полянский:

Да, если надо будет, то конечно!

Утюгов:

Спасибо еще раз!

Полянский:

Да никаких проблем!

Утюгов и Полянский жмут руки на прощание, Утюгов заходит в магазин. Полянский залазит в свой крузак и трогается, широко улыбаясь.

Полянский:

Эх, вот настоящий мужик! Наш! Даже жаль, что приходится его тоже за нос водить...

Его восторг перебивает звонок от Пожухлого. Полянский сразу меняется в лице.

Полянский:

Клюка старая, блин...

Полянский снимает трубку.

Полянский:

Алло, Сергей Валентинович!

Пожухлый:

Але, але, алконавтам. Ну че, набухался там?

Полянский:

Ну так я еще вчера. Так особо сильно-то и не пил.

Пожухлый:

Ты двух слов не мог связать, балбес. Ладно, сейчас не об этом. Я переживаю, что наши колхозники могут попытаться найти Дубинского, чтобы что-то узнать...

Полянский:

Зря вы переживаете, Сергей Валентинович. Они его никак не найдут. Дубинский как сквозь землю провалился. Для всех. Только мы знаем, где он.

Пожухлый:

Да, но ты ему говорил, что придурки могут его искать? Пусть будет настороже, не суется в город лишний раз. Позвони ему еще раз и предупреди. Просто на всякий пожарный.

Полянский:

Ладно, я сделаю. Нет проблем.

Пожухлый:

Всё, давай.

Полянский набирает по памяти номер и совершает дозвон.

Лес. Деревянная сторожка, окружённая густыми деревьями. Внутри неё спит мужчина 60-ти лет в камуфляжном костюме, лежа на диване. Он слегка вскрикивает во сне, словно переживая какой-то кошмар. Наконец он вскакивает с дивана, услышав вибрацию своего Nokia 3310 на столике поодаль. Тяжело дыша, он отвечает на звонок.

Полянский:

Але, Дубинский?

Мужчина в сторожке – Акакий Эсмеральдович Дубинский. В прошлом заведующий кафедры политологии Окопо-Ямского государственного университета, а с совсем недавнего времени – лесник.

Дубинский:

А-але. Да...

Полянский:

Чё ты бубнишь там? Жопой трубку снял, что ли?

Дубинский:

Э-это связь, наверное, связь...

Полянский:

Короче, Дубок, слушай важную информацию и указания: Купятка с Рависовым могут попытаться тебя найти. Лишний раз не вздумай соваться в город. Вообще не суйся. Месяц точно. Дальше я уже вопрос решу. Если они тебе каким-то образом дозвонятся, что, я думаю, вряд ли произойдет, т. к. ты сменил телефон и его знаем только мы с Сергеем Валентиновичем, то сразу скидывай и ничего им не рассказывай. Усек?

Дубинский:

Д-да...

Полянский:

Ну вот и молодец. А если ты что-то расскажешь вдруг... Ты сам уже знаешь, что тогда с тобой будет.

Дубинский:

Д-да... Никому!

Полянский:

Ну всё тогда, давай там дроздов корми.

Дубинский:

П-погодите... А что сейчас с Баяном?

Полянский:

Не твоё дело.

Полянский сбрасывает. Дубинский остаётся сидеть в напряжении. Он, весь дрожа, кое-как поднимается со стула и опять ложится на диван, накрываясь одеялом с головой.

(Несколькими месяцами ранее)

Дубинский, одетый в тюремную робу, сидит в камере для свиданий. Он томительно чего-то ожидает, сам не зная чего. Он находится здесь, в тюрьме, уже несколько недель и надеется, что сейчас за ним придет ректор Баян и освободит его, своего подчиненного, которого уличили в превышении должностных полномочий. Он стучит зубами от волнения, по лбу его течет пот, а сам он непрерывно дрожит, будто вибрирующая электрическая щетка.

Лязгает железный засов. Открывается тяжелая дверь, и Дубинский надеется увидеть входящего Владимира Сергеевича Баяна, но... В камеру входит Полянский, а за ним... Пожухлый. Их Дубинский увидеть совсем не ожидал. Он замирает столбом и не моргая смотрит на них.

Полянский одет в черный спортивный костюм, а Пожухлый напялил на себя бирюзовые пиджак и брюки, красную рубашку, повязанный вокруг шеи белый платок и белые туфли с красными в крапинку носками. Если бы Пожухлый случайно перепутал камеру, то... Впрочем, даже думать не хочется.

Полянский, широко улыбаясь и смотря сидящему за столом Дубинскому прямо в его испуганные глаза, наигранной медленной походкой подходит к нему.

Полянский:

Дубина... Дубинка... Дубинушка...

Полянский достает из-за спины дубинку.

Дубинский в ужасе начинает чуть ли не прыгать на стуле. Он не в силах даже издать маломальский крик.

Полянский заходит ему за спину.

Дубинский:

Чт... чт... что, что вам нужно?! Что?!

Полянский похлопывает его правой рукой по плечу, от чего Дубинский чуть было не расплывается на пол, как кисель.

Полянский резво оббегает его, садится за стол напротив и закатывается смехом. Пожухлый с грозным видом всё так же стоит у двери.

Полянский:

Дубинский, ну ты че, блин? Расслабься, е-мое! Сидишь такой сурьезный, прям эх! Прямух!

Полянский замечает, что Дубинский не сводит глаз с дубинки, которую Полянский швырнул на стол.

Полянский:

А ты че, этого что ли испугался? Да расслабься! Это я взял с собой так просто, в тюрьме ж опасно!

Пожухлый:

Хорош клоуничать, приступай к делу.

Полянский оборачивается на Пожухлого, и ему так и хочется сказать в ответ на его внешний вид, кто тут на самом деле клоуничают, но он, конечно, сдерживается, поворачивает голову в сторону Дубинского и переходит на серьезный тон.

Полянский:

Значит, так. Меня, я думаю, вы помните. Полянский. Тот самый студент... Пять лет назад... Да все помнят. Теперь же я главный налоговый инспектор. Ну и, конечно, Сергея Валентиновича вы тоже знаете, до недавнего времени первого проректора нашего чудесного института. Из которого вы и Тютюшкин на ныри недавно загремели. Да еще на какие... Ну вы-то еще ничего. Кхе-кхе. Так вот... Акакий Эсмеральдович... Вы, наверное, ждали ректора Баяна? Не так ли?

Дубинский молча смотрит на Полянского и трясущимися губами пытается вымолвить хоть одно слово.

Полянский:

Ну да... Будем считать, что вы мне ответили. Ректор Баян придет. Ведь он же ваш друг! А друзья всегда приходят в беде! Так что даже не переживайте... Но теперь у вас есть вопрос: а чего же мы-то с Сергеем Валентиновичем к вам наведались сегодня? Какая тут вообще связь? Какая нам от того выгода и какая вам?

У Дубинского от страха всё плывет в глазах.

Полянский:

Отвечаю: это ровно в ваших же интересах. Сейчас вы расскажете нам про нашего славного ректора Баяна всё, что мы спросим. Расскажите и забудете, что рассказали это, забудете, что мы вообще к вам приходили. И вы обязательно выйдете отсюда, это я вам обещаю. Ректору Баяну удастся вас вытащить... Ну а если потом хоть кто-то о нашем приходе и разговоре случайно узнает... А в первую очередь сам ректор Баян...

Полянский приподнимается и, опершись руками в стол, наклоняется к Дубинскому.

Полянский:

Ты тут навсегда останешься. Я договорюсь, и на тебя еще десять дел повесят, понял? И убийства, и разбои, да всё, что захочу! Это в лучшем случае. В худшем – заточка из-за угла. Собак стравлю на тебя! Я доступно изъясняюсь?

Дубинский в ужасе кивает и начинает плакать. Полянский откидывается назад на стул.

Полянский:

Акакий Эсмеральдович, а что такое? Мы же с вами договорились, всё расскажете нам, и всё будет хорошо! Выйдете отсюда, начнете жизнь с чистого листа!

Дубинский продолжает в слезах кивать головой.

Полянский кивает Пожухлому, встает со стула, уступая ему место, а сам подходит к двери.

Пожухлый садится и спокойным тоном начинает вести «допрос»...

(Наше время)

Пожухлый заходит в дачный дом с «ледяным саркофагом», держа в руках крафтовый пакет с зелеными яблоками. Скинув свои мокасины с набивками и пройдя к кухонному столу, он кладет пакет на стол, а сам подходит к зеркалу у двери и любит себя своим загаром.

Пожухлый:

Ну красота, ну красота!

В это время к дому подъезжает Полянский. Пожухлый, не слыша его, бежит в центр комнаты и пускается в пляс, щелкая своими сухими пальцами и напевая под нос какую-то птичью английскую бурду. С него слетают штаны, и он скачет в одних розовых гамашах. В творческом порыве он срывает с себя пиджак.

Полянский заходит в дом и видит это пляшущее и размахивающее пиджаком на пальце чудо. Пожухлый оборачивается и, подскользя на ковре, чуть не разваливается на части и не падает на пол.

Пожухлый:

Кха! Е-ма... Чё меня палят все в последнее время?

Полянский:

Вручение дипломов репетируете?

Пожухлый:

Умно, умно... Для тебя-то уж точно. Проходи давай и сразу к делу, без фигни.

Полянский видит пакет с яблоками на столе, подходит и берет одно.

Пожухлый:

Слышь, много там не бери! Мне витамины надо!

Полянский, уже откусив яблоко, садится за столом и бросает колючий взгляд на Пожухлого, который в это время напяливает свой бордовый пиджак. Пожухлый поправляет свои желтые брюки, расчесывает на пробор свои седые и похожие на сопли волосы, которым он безуспешно попытался вчера придать волнистость с помощью биозавивки, и садится напротив Полянского.

Пожухлый:

Ну что? С Дубинским поговорил?

Полянский:

Да, конечно. Он ничего не скажет, никто его не найдет. Все сто процентов с ним, вы зря переживаете.

Пожухлый:

Я зря никогда не переживаю! Всё надо проверять, все варианты!

Пожухлый своим несдержанным выкриком оплевывает лицо Полянского. Полянский тут же хватает со стола салфетку и вытирает лицо.

Полянский:

Ну а что вас беспокоит? План хоть, повторюсь, как по мне, не идеальный, но все же как по маслу идет. Эти колдыри-кретины? Да забудьте вы про них, ну, пытаются они там что-то, но ничего не найдут. Они же тупые. Все мозги пропиты!

Пожухлый, вздыхая, задумчиво отворачивает голову в сторону.

Полянский:

Пушай ходят к кому хотят. К жене его, к Утюгову если придут, тот даже разговаривать с ними не станет. Видел его, кстати, сегодня. Никто не знает ничего. Дубину никогда не найдут... Так и он тоже же ничего не знает!

Пожухлый бросает взгляд на Полянского.

Пожухлый:

Подожди, Утюгова видел?

Полянский:

Ну да. Помог коробки разгрузить. Ну так, поболтали, естественно, ничего я не выдал, если вы сейчас опять запаникуете. И потом как раз вы звонили.

Пожухлый:

Понятно, понятно... Да... Слушай, а че там с Клавой переписываешься от его лица?

Полянский начинает ржать.

Полянский:

А то как же! Она, дура, каждые полчаса что-то присылает. Ну я не отвечаю на каждое сообщение, уговор был по пятницам только же. Легенду я не рушу. Кстати, пятница же сегодня... Надо будет ответить.

Пожухлый:

А чё, покажи, чё пишет?

Полянский достает из-за пазухи телефон. Пожухлый с идиотской улыбкой пододвигается ближе к Полянскому и поправляет свои тоненькие золотистые очки.

Полянский начинает читать смс-ки, изображая голос Клавы.

Полянский:

«Володя, прошу тебя, не переживай, мы тебя все очень любим, и всё будет хорошо!»
«Володенька, только не пей с горя. У тебя уже десятая торпеда, Володя! Побереги себя!»
«Володя, ты так внезапно уехал и даже забыл свой дорожный талисман удачи – бычок от твоей первой выкуренной сигареты!»

Пожухлый заливается смехом и бьет ладонью об стол, так что яблоки чуть не выпрыгивают из пакета.

Полянский:

«Володя, прошу, отвечай мне чаще, я очень за тебя волнуюсь. Твой Клавесинчик». Ну ладно, много тут сообщений... По фигу...

Пожухлый:

Ну подожди, давай еще почитаем! Аха-ха-ха-ха, аха-ха-ха-ха...

Полянский:

Ну вот мои ответы: «Не валнуйся клавиша, всё будет харашо». В стиле Баяна?

Пожухлый:

Более чем, более чем. Этот валенок ничего без ошибок не написал в своей жизни.

Пожухлый вытирает слезы смеха своим желтым платочком.

Пожухлый:

Повеселил ты меня. Ладно, всё нормально. Так и продолжай. На сегодня расход. Мне надо готовится ко вручению дипломов завтрашнему. День ответственный!

Полянский:

Да. Хорошо. Ну я мимо, если проезжать буду, то посмотрю там.

Пожухлый:

Да... Эх, как хорошо, что всё пройдет в этот раз по-нормальному, а не как обычно... Это просто незабываемо... Искать ректора в день вручения дипломов по всем городским паркам, в итоге узнать, что прошлым вечером он, накушавшись водки, решил полететь в Бургундию пробовать элитные сорта винограда, но, уже будучи в аэропорту, выдул купленный в дютике одеколон, из-за чего не был пущен на борт самолета и увезен в неадекватном состоянии в наркологичку. Это я тебе только про выпуск 2019 года говорю.

Полянский молча откусывает свое яблоко.

Пожухлый:

А я жил так двадцать с фигом лет! Ладно, с этим всё... Дуй в город, я следом...

Тем временем в городе Купятка и Рависов приезжают к жене Баяна, предварительно договорившись с ней по телефону.

Купятка звонит в звонок, Рависов поправляет букет цветных роз в своих руках. Клавдия открывает.

Клава:

Здравствуйте, Никита Юрьевич, Антон Эдуардович... Ой, это что, мне?

Рависов:

Здравствуйте, Клавдия Викторовна. Да, вот...

Клава:

Проходите, проходите...

Купятка с Рависовым проходят в квартиру, Клава ставит цветы в вазу на кухне и заваривает чай. Купятка проходит в ванную комнату, открывает золотой кран и моет руки, боясь случайно задеть локтями стены маленькой ванной комнатухи, обитые старой отслаивающейся голубой плиткой. Рависов проходит тем временем в зал и оглядывает полуразвалившийся югославский шифоньер, контрастирующий с лепным потолком. Он решает подойти к окну, отгороженному пузырьковой панелью и массажным креслом поодаль, и наступает в какое-то липкое пятно на выцветшем коричневом линолеуме, ни то от пива, ни то от чего еще.

Клава:

Пойдемте за стол!

Купятка идет по коридору и с воодушевлением глядит на портреты Баяна в образе императоров, коими увешаны стены. Рависов выходит из зала и тоже направляется в кухню. Они садятся за стол и начинают пить чай.

Рависов:

Клавдия Викторовна, давно мы у вас не были, конечно.

Клава:

Да, мне кажется, наверное, год.

Рависов:

Да, когда Владимир Сергеевич звал на день рождения в прошлом году...

ГЕНИАЛЬНЫЙ ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ГЕНИАЛЬНЕЙШЕГО РЕКТОРА (Год назад. 19 июня 2022 г.)

В самой богемной квартире советской девятиэтажки на улице Атамана Ямсака – великого основателя города Окопо-Ямское, сегодня празднуется день рождения самого великого ректора не то что города, а всего мира – Владимира Сергеевича Баяна. Так он искренне полагает сам и, разумеется, считает нужным всем об этом заявить, начиная от продавщицы из «КБ-эхи», на которую он с утра наорал со словами: «Я тут ректор, я тут ректор! День рождения!», доказывая тем самым, что он имеет право взять эти четыре ящика водки бесплатно, и заканчивая нарушением всех существующих правил дорожного движения за весь сегодняшний день и трехэтажными матами, произносимыми им в окно его «Мерседеса» на жалких, ничего не понимающих, едущих на своих стареньких машинках людишек. Праздник в самом разгаре. Картины с кривейшим фотошопом Баяна в царских одеждах пляшут на стенах от грохота шансона из старого хрипящего музыкального центра, стоящего в зале на полу. По центру зала стоит огромный стол, который даже немного выпирает в коридор. На столе в грязных башмаках, сбивая все закуски, салаты, спиртосодержащие напитки и прочие явства, с ножом в зубах танцует вусмерть пьяный Рависов. Рядом с ним на столе, в обнимку с золотым самоваром, валяется Купятка. Он крутит краник, подставляя под него язык, но водки в самоваре уже нет. От злости он швыряет его на пол, чуть не попадая в левую колонку. Виновник торжества стоит, опершись на стол одной рукой, а другой беспорядочно махая в воздухе, видимо, пытаясь попасть в такт музыке. На диване за столом сидит политолог Дубинский. Он пытается хотя бы немного поесть среди всего этого хаоса, но в его тарелку с салатом то и дело постоянно прилетают комья грязи с набоек туфель Рависова, то и дело Баян обращает на него внимание и, отпуская какую-нибудь шутку по типу «Дубинский, ты че, уж срать пора, а ты еще не ел», бьет его по плечу со всего размаха, то и дело Купятка, развалившийся на столе, пинает его тарелку и опрокидывает весь салат, который только что наложил себе Дубинский, ему на брюки, и так уже четвертый раз.

Баян:

Слышь, Дубина, кончай жрать уже, толстый будешь! Это вообще-то бабла всё стоит, понятно, на?! Ха-ха-ха-ха-ха. Да шучу, шучу...

Баян бьет Дубинского по плечу, и тот чуть не давится салатом.

Баян:

Братан, стоняй нам за пивком, по-братски!

Рависов прыгает на люстру и, срывая ее с потолка, падает на стол, ломая его пополам. Баян даже не оборачивается в его сторону, будто ничего не случилось, а лишь слегка посмеивается. Купятка уже лежит где-то у входной двери зала. Дубинский от страха замирает и смотрит на развалившийся напололам стол, не моргая.

Дубинский:

Пивка... Хорошо, эт самое...

Баян:

Всё, давай, давай, по-быстрому! Одна рука здесь, другая бровь там! 30 бутылок, бутылок нам! Я тут ректор, ректор, сука!

Баян дает подзатыльник Дубинскому, и тот, словно пуля, вылетает из квартиры. В этот момент Купятка резко поднимается с пола и, кружась в танце под музыку, падает в сервант, разбивая стекла в его дверках. Рависов садится за белый рояль у окна и начинает бить по клавишам, что есть дури. В зал из кухни вбегает разъяренная жена Баяна – Клава.

Клава:

Вы совсем офигели, рояль мой оставил быстро, алкаш!

Баян освистывает жену.

Баян:

Фьюить! Слышь, жинка, салата еще метнись-ка нам шинк-шинк!

Клава берет с пола башмак Купятка, который тот потерял в порыве танца. Она размахивается и кидает его прямо в проплешину Баяна, который тем временем стоит и дирижирует сигарами насилующему рояль Рависову. Баян вскрикивает, оборачивается к столу, берет с него краба и кидает в Клаву. Она уворачивается.

Баян:

Ты чё, собака, попутала?!

Клава:

Я тебя просто ненавижу, утырок!

Баян:

Я тут главная звезда! Я! Я ректор!

Баян поднимает обе руки вверх, упирается своим мамоном в стол, и его будто пружиной откидывает в диван. Он ударяется башкой в стену, и висящий сверху портрет с ним в образе Петра I падает вниз.

Баян:

Ай, ё-моё! Опять по башке, это всё из-за тебя, дура!

Клава уже оборачивается и, матеря Баяна и проклиная его пьяных коллег, уходит в кухню.

Купятка, найдя в себе силы, поднимает свое щупленькое тельце воробушка из серванта, попутно роняя из него и разбивая всю посуду, поправляет мизинцем свои роговые очки и поднимает руки вверх.

Купятка (подобно птичке-невеличке):

Выпить! Выпить!

Рависов вскакивает из-за рояля и двигается к столу.

Баян:

Во! Верно, выпить за меня! За гения науки! Науки гения, сука!

Дубинский возвращается в квартиру с авоськой пива. В коридоре его ловит Клава и забирает у него из сумки бутылок десять. Дубинский заходит в зал.

Баян:

О, Дубок приперся! Давай пивка, пивка!

Баян подходит к Дубинскому, отнимает авоську и ставит бутылки на стол. Дубинский садится на свое место с краю дивана, в то время как Баян разваливается на нем всей своей тушей.

Проходит полчаса. Баян решает, что пора отправляться в экспедицию.

Баян:

Схождение сейчас делать будем, схождение! Великое!

Купятка:

Это как?

Баян:

А это, Тяпка, вот так.

Баян отпихивает ногой остатки стола, окончательно превращая его в рухлядь, и командует всем идти за ним в ванную.

Коллеги заваливаются вчетвером в ванную комнату, с трудом умещаясь в узком пространстве. Купятка даже приходится взгромоздиться на стиральную машину.

Баян:

Короче, ща надо придумать, как ванную сорвать с креплений, на.

Дубинский:

Так а зачем...?

Баян:

Дубина, ты че, тупой, что ли?! Ему больше не наливать.

Баян выходит из ванной комнаты и встречается в коридоре с уже подвыпившей Клавой.

Клава:

Вы чё делать собрались, идиоты?

Баян:

Ща ванную сорвем с петель.

Клава:

Зачем??? С ума что ли сошли?

Баян:

Ну тебе она всё равно ж чё-то не нравилась, завтра новую поставим.

Клава, отмахиваясь, мол, делайте, что хотите, уходит в кухню. Баян тащится на балкон, находит трос и возвращается в ванную.

Баян:

Давай трос цепляем за ножки и вырываем на фиг.

Рависов с Дубинским крепят трос на ножки ванной.

Баян:

Ну всё, погнали. Купятка за Никитку, Никитка за Дубину, Дубина за Баяна, Баян за ванну!

Коллеги становятся в установленном командором порядке и начинают тянуть ванную.

Щуплый Купятка в хвосте резво шурудит своими маленькими ножками, проскальзывая по полу, крепкий и плечистый Рависов старается так, что то и дело бьется башкой об дверной проем, инициируя облупливание старой выцветшей голубой плитки внутри ванной комнаты, Дубинскому не остается пространства для маневра из-за жирной спины Баяна впереди и рвущегося сзади и задевающего его Рависова, и потому он просто стоит как столб, слегка потягивая трос и пытаясь хоть немного крутить головой, чтобы увернуться от падающей плитки и сыплющейся ему за шиворот штукатурки, Баян же пыжится как только можно, пытаясь встать таким образом, чтобы его мамон не мешал ему вытянуть руки, отхаркиваясь во все стороны и приговаривая: «Давай, давай!»

Наконец ванная поддается. Она слетает с креплений и ударяется в стиральную машину, а та, в свою очередь, бьется об стенку, с которой в одночасье обваливается вся голубая плитка. Купятка улетает в коридор в лужу разлитого пива.

Баян:

Ура!

Под командованием великого ректора коллеги, взгромоздив ванную на себя, тащат ее по коридору к выходу из квартиры, шатаясь и сбивая ею бюсты Баяна с постаментов у стен. Баян идет впереди и открывает им дверь в подъезд.

Баян:

Давай, давай, сюда к лестнице! Ща как с 8-го, 8-го этажа спуск оформим, оформим! Журавель отдыхает, е-ма!

Купятка:

Кто, Владимир Сергеевич?

Баян:

Ну ты, Тяпка, тупой совсем, что ли? А ну ты же нищеброд, ты таких курортов и не видал никогда...

Дубинский:

Куршевель.

Баян бросает злостный взгляд на Дубинского, помогающего Купятку и Рависову выносить ванную на лестничную клетку спереди.

Баян:

Слышь, Дубина, раз умный самый, то первый и поедешь!

Дубинский от страха подпрыгивает, и Купятка с Рависовым чуть не роняют ванную на бетонный пол.

Дубинский:

Владимир Сергеевич, ну это са...

Баян:

Всё, давай это, без базара! На исходную.

Деятели науки ставят ванну к спуску. Баян оглядывает ее и перила лестницы.

Баян:

Перила б еще, блин, снести, чтоб поинтереснее.

Баян начинает пинать накренившиеся перила. Восьмой пинок оказывается неудачным.

Баян:

АААААЙ! Е-мое! Не, на фиг. Так поедем.

На лестничную клетку выбегает уже вдрызг пьяная Клава.

Клава:

Э, а че, я ехать хочу!

Баян:

Опа-на! Ну так давай, вперед! Вон с Дубиной! Ща такой бобслей тут устроим!

Рависов и Купятка усаживают в заднюю часть ванной уже смирившегося и дрожащего Дубинского, Клава садится в переднюю часть.

Баян:

Всё, без фигни, поехали!

Баян со всей силы пинает ванну той же ногой, которой бил перила, и матюкается от боли. Ванна с орущими от ужаса на весь подъезд Дубинским и Клавой несется вниз по лестнице и под конец переворачивается, чуть не придавив их. Баян, Купятка и Рависов ржут как кони и сбегают к ним. Все вместе они переворачивают ванну, ставят ее к следующей лестнице, залезают в нее уже так же все вместе и отталкиваются от перил. Ванна летит вниз, под конец крепится вправо, проминая перила, и выкидывает всех на лестничную клетку. Истерика и хохот стоят на весь подъезд.

Баян:

Вот у нас в России чё есть! А вы говорите, еще за границу ехать... Кругом одни идиоты!

Чередуясь по одному и меняясь парами, они продолжают эту вакханалию до первого этажа.

Честь выехать из подъезда на крыльцо предоставляется великому имениннику. Баян залазит в ванную, попутно отпивая пивка, Купятка и Рависов запускают снаряд, и тот вылетает из подъезда, съезжает с крыльца, проезжает через дорогу и врежется в заборчик детской площадки, ломая его.

Баян, шатаясь, поднимается в ванной на ноги, тянет руки вверх и орёт на весь двор.

Баян:

А-А-А-А-А-Р-Р-Р-Р-Р-Р-А-Р-Р-Р-А-А-А!!! Я – ГЛАВНЫЙ! Я – ГЛАВНЫЙ!

Купятка и Рависов выбегают из подъезда, залазят в ванну и начинают обниматься и прыгать в ней с Баяном. Они переворачиваются и падают в детскую песочницу рядом.

Дубинский и Клава тихо выходят из подъезда. Клава смеется, а Дубинский, которому под конец даже понравилось «схождение», слегка улыбается, отпивая из баклахи и смакуя «Охотку крепкую».

Баян:

Так, ну че, я коньяк не разбил, накатим давайте!

Купятка, Рависов и Баян накатывают и решают, что ванную нужно переть наверх, чтобы повторить схождение.

Баян:

Э, Дубок, Кла-а! Сюда дуйте, ванну сейчас потащим!

Ванна бьется о входную дверь, немного приоткрывая ее, и валится на бок. Баян, придавивший своим весом печень Дубинского, отчего она становится навсегда плоской, пытается встать и падает уже на Клаву, оставляя ей фингал синий, как слива, под глазом. Купятка и Рависов не понимают, что происходит: они так набухались, что думают, что доехали до деревни

своей бабки. Дубинский, поправив свою печень, встает, поднимает дрожащую от 3 литров пива руку вверх, чтобы сказать.

Дубинский:

Ну теперь наверх надо...

Баян:

Лифт вызывай, е-ма! Профессор он!

Дубинский подходит к лифту и, забывая, как его вызвать, начинает раздвигать дверцы силой и попутно поет песню «Нас не догонят». Все остальные лежат в ванной и пытаются встать. Кто-то приезжает на первый этаж, и Дубинский проваливается под своим же весом в кабину. Он поднимает голову и видит изумленную старушку.

Дубинский:

Ой! Здрастье...

Старушка:

Здрастье...

Старушка выходит из лифта и видит поднявшихся и берущих ванну Баяна, Рависова, Купятка и Клаву.

Старушка:

Ой, Клабочка, Володя! Ванну, что ли, новую взяли?

Клава:

Да, Авдотья Васильевна!

Баян:

Да, лучшую! Как я!

Старушка смеется и оглядывает еле стоящих на ногах Рависова и Купятка.

Старушка:

А это что, детки ваши?

Баян:

Да не, тьфу-тьфу-тьфу! Коллеги с работы.

Старушка:

А-а-а, ну ладненько, ладненько, пойду я.

Старушка спускается по лестнице и выходит из подъезда. Дубинский выходит из лифта.

Баян:

Блин, мне в падлу переть ванную эту!

Клава:

Ну в смысле, ты че, образина, попутал?

Баян:

Да мы завтра новую купим, а эту давай вон выкинем, и всё.

Купятка:

А да-а-йте ракету построим из нее и запустим!

Баян, закуривая сигарету прямо в подъезде, начинает ржать.

Баян:

Давай, в натуре! О, я придумал! Тащите петарды мне, петарды!

Рависов:

А где е-ма...?

Баян:

В моем багажнике, сгоняй.

Баян швыряет ключи от машины к подъездной двери. Рависов поднимает их и бежит к машине. Через минуту он возвращается со связкой петард.

Баян:

Огненный лифт! Кидаем петарду, и кто проедет с первого этажа до 10-го, тот победил!

Рависов с Купятка восторженно ликуют. Клава кладет руку на лицо, а Дубинский мгновенно трезвеет и начинает паниковать.

Клава:

Так фитиль-то секунд пять горит, идиот!

Баян:

Слышь, я тут ректор, понятно! Я НАУКА! Это игра для смелых мужчин, я победю!

Клава:

Володя, ну ты с ума сошел?! Не надо!

Баян:

А ну-ка, женщина, рот прихлопнула!

Баян достает из охапки специально заготовленную им петарду-муляж (он намеренно хотел попонтоваться перед всеми и подготовил этот трюк заранее, до дня рождения) и прется к лифту. Он открывает его, достает спички и, поджигая одну спичку, роняет ее себе случайно в передний карман пиджака. Пиджак загорается.

Баян:

А-А-А-А! А-А-А-А! А-А-А-А!

Баян в истерике начинает бегать по кругу.

Клава:

Володя!!!

Клава подбегает к Баяну, срывает с него горящий пиджак. Подбежавший к ним Рависов повторно нажимает на кнопку лифта, выхватывает пиджак у Клавы и кидает его в кабину. Баян кидает петарду в лифт. Лифт закрывается.

Клава:

Щас же рванет! Отходим! К лестнице!

Баян, зная, что петарда ненастоящая, спокоен как удав и стоит напротив лифта, но затем он обращает внимание на охапку петард на полу и, видя, что отмеченная зеленым маркером муляжная петарда там, понимает, что в лифте настоящая...

Баян:

Ща рванет, ложись!!! Ложись!!!

Баян прибывает своей тушей всех к лестнице. Раздаётся оглушающий взрыв. Двери кабины лифта вылетают наружу и врезаются в почтовые ящики.

Все подрываются и в панике выбегают из подъезда. Рависов срывает стоящую у ступенек мусорку и бежит к песочнице набирать песок, чтобы потушить лифт. Баян стоит у крыльца и в полном изумлении оглядывается по сторонам, прижимая к себе испуганную Клаву. Купятка в истерике бегает туда-сюда, пока не спотыкается на яме и не клюет носом в асфальт. Дубинский набирает землю в пустую баклаху из-под пива. Вместе с набравшим ведро песка Рависовым они бегут к кабине и высыпают всё туда. Огонь почти удаётся потушить, они ещё раз бегут к песочнице – Рависов загребаёт песок мусоркой, Дубинский – лопаткой в стоящее рядом детское ведерко. Прибежав к лифту, они высыпают всё в кабину и предотвращают пожар.

Уставший Баян лежит на крыльце пузом вверх. Клава помогает подняться Купятка и найти его слетевшие очки. Рависов и Дубинский выходят из подъезда.

Рависов:

Пожар, на, ликвидирован!

Дубинский:

Да, эт самое!

Баян слегка приподнимает голову.

Баян:

Красава! Ой! Ик... Пфу... Теперь игры с огнем только во дворе...

Баян встает на ноги с помощью Дубинского и Рависова. Клава с Купятка наконец находят его очки и подходят к ним.

Клава:

Володя, ты полный дегенерат! Иди ты вообще подальше!

Баян:

Ты че, обалдела, что ли, я всех спас!

Клава:

Кого ты спас, ты чуть не угробил всех, скотина!

Баян:

Слышь, за базаром следи, крестьянка! Я дворянин!

Клава бьет Баяна по щеке, и тот падает на крыльцо, ударяясь и снося доску объявлений со стены у входа в подъезд.

Клава:

Всё, я домой пошла! Сейчас еще пешком переться, небось?

Баян:

Я откуда знаю, работает там ща или не работает мура эта? Ну вали, значит, че.

Разозленная Клава уходит.

Баян:

Так. Ну че, за пивом тогда до КБэхи, а потом строить ракету!

Купятка:

Ракета! Ракета!

Все встают в круг и дружно подхватывают «Ракета!», прыгая на месте, а Дубинкий стоит рядом с полными ужаса глазами и криво улыбается.

Сбежав за пивом, а также взяв мяса для жарки, деятели науки приступают к строительству шаттла имени великого ректора современности Баяна В.С. Коллеги выносят из подъезда ванну и дотаскивают ее до забора у детской площадки. Они закрепляют ванну вертикально, привязывая ее к мусорке, и сажают в нее Купятка. Клава унесла петарды с собой в квартиру, и Баян, не хотевший связываться с ней в этот момент, решает использовать альтернативное топливо. Дубинский с Рависовым под руководством командора нарывают ветки с близстоящего дерева и запихивают ими доверху мусорку. Насупленный Баян, руки в боки, ходит рядом и, наклоняясь так и этак, смотрит на мусорку с ветками.

Баян:

Так! Значит, сейчас готовим топливо!

Баян выплевывает зажженную сигарету из своих зубов на ветки.

Баян:

Решетку с мясом, Рависов, решетку с мясом!

Ветки разгораются. Баян машет над ними пиджаком Дубинского.

Баян:

Дубина, угольку, угольку!

Дубинский высыпает на прогоревшие ветки полпакета угля. Купятка уже вылезает из ванной от невозможности дышать дымом и помогает Рависову запихивать мясо в решетку, разложив всё это на багажнике стоящего рядом «Мерса» Баяна.

Баян раздувает угли, берет у коллег решетку с мясом и ставит на мусорку.

Баян:

Идем за гаражи и выпиваем! Дубина, за старшего, мы щас придем.

Дубинский покорно остается следить за мясом, засекая время. Проходит двадцать минут. Купятка, Баян и Рависов наконец-то приходят.

Баян:

Дубина, красава, готово, считай!

Баян берет решетку в руки.

Баян:

Куда бы скинуть?

Баян замечает лежащий на багажнике «Мерса» пиджак Дубинского.

Баян:

Отлично!

Он хватается за него, не обращая внимания на что-то пытающегося возразить Дубинского, и вываливает всё мясо туда. Он кладёт его на багажник.

Баян:

К столу! К столу!

Купятка:

Так давайте вон в теремок на детской площадке!

Баян:

Точно! Молодец, Купятка! Ща костер надо только для ракеты, ракеты для посильнее разжечь!

Баян накидывает еще одну охапку веток в мусорку, а одна из веток оказывается очень большой и падает другим концом на багажник его «Мерса». Баян поливает ветки водкой, кидает в мусорку зажигалку, пачку сигарет, разжигает всё спичками, и они с коллегами уходят в теремок дегустировать мясо.

Мусорка тем временем разгорается, и пламя по касающейся автомобиля ветке плавно переходит на него. Автомобиль вспыхивает и взрывается, разбрасывая искры по всему двору. От оглушающего взрыва окна домов слегка сотрясаются, на весь двор начинают орать сигналки автомобилей, а теремок, в котором трапезничают деятели науки, будто бы косится куда-то влево. Люди тревожно выглядывают из окон, выбегают из подъездов. Баян и компания бегут к машине. Глядя на вздымающийся в небо столб огня, Купятка во весь голос рыдает, Рависов и Дубинский воодушевленно глядят на величественный огонь, Клава что-то кричит и

машет кулаками Баяну с 8-го этажа, а Баян с надменным выражением лица произносит: «Один «Мерс» на Луну отправил, и еще таких двадцать куплю!»

(Наше время)

Клава:

Да... Хороший был праздник!

Купятка:

Кхм... Да. Так вот, Клавдия Викторовна. Мы очень волнуемся за Владимира Сергеевича и, собственно, хотим у вас спросить. Есть ли с ним какая-то связь, вы же наверняка общаетесь?

Клава:

Да, у меня есть его номер. А вам что, Сергей Валентинович его не давал?

Купятка с Рависом удивлённо переглядываются.

Рависов:

Не-е-ет...

Клава:

Хм, странно. Может быть, он забыл. Он заезжал ко мне на днях и дал номер, по которому можно только писать раз в неделю. Звонить очень опасно!

Рависов:

Вот оно че, Михалыч... А можете показать?

Клава:

Да, конечно!

Клава достает телефон и показывает им переписку.

Клава:

Вот я ему пишу. Я, конечно, ему чаще пишу, не раз в неделю... Очень переживаю, потому что...

Рависов и Купятка внимательно смотрят. «Ну да. Отвечает как Баян», – думает Рависов.

Купятка:

Клавдия Викторовна, понимаете, Пожухлый очень странно себя ведет. На все наши с Никитой попытки что-то узнать про Владимира Сергеевича он отмахивается, уходит от ответа, либо вообще в штыки все ставит.

Клава:

Да? Странно... Ко мне он сам приезжал, утешал меня...

Купятка:

Да... И потому у нас есть некоторые подозрения по поводу того, что это правда его номер.

Клава:

Вы что... Вы думаете, это может быть не он? Я точно уверена, что это он, я же знаю, как он отвечает и общается.

Рависов:

Антох, ну я тоже вот смотрю, это он. Один в один.

Купятка:

Ну стиль общения можно скопировать... А давайте сейчас напишем ему, сегодня же как раз пятница! Но напишем проверочное сообщение. Вот то, что может знать только он и вы, Клавдия Викторовна.

Клава:

Хм... Ну, к примеру, что?

Купятка:

Ну что-то личное, какой-то, может, намек или кодовое слово, или еще что-то... Попробуйте вспомнить.

Клава:

Да, я поняла. Сейчас...

Полянский ест бургер, сидя в своем «Лендкрузере» напротив «БК». Он жрет сочный бургер с удовлетворенной улыбкой и не столько от самого бургера, сколько от чувства своей величия от того, как он мастерски наорал на кассиршу, спросившую, нет ли у него денег меньше чем 5000, которые он специально сунул ей за вшивый 200-рублевый бургер, чтобы затем публично наорать на нее отборным матом, размахивая бабками и показывая пальцем на крузак, припаркованный прямо на клумбу у входа. Он по своей неаккуратности заляпывает свой спортивный костюм Гуччи соусом, но, заметив это, решает, что по фигу, и жадно пожирает бургер дальше.

«Блин, сегодня ж пятница», – вспоминает он. – «Писать опять жене свиноты...»

Полянский достает последнюю сигарету, открывает окно и выкидывает пачку на траву, а сам закуривает, смачно отхаркиваясь на ту же траву. Затем он выкидывает салфетки и обертку от бургера к остальному мусору.

Он достает свой второй телефон и открывает диалог с Клавой. Он пишет: «Превед клава как дила што делоишь?» Клава печатает что-то в ответ. Полянский затягивает сигу, оплевывая в окно цветочки на клумбе, как вдруг вибрация телефона в его левой руке сигнализирует о том, что пришло новое сообщение. Полянский глядит в экран и читает: «Постельный клоп». Он не может понять смысла странного сообщения и понимает, что сейчас придется опять брать второй телефон, открывать заметки со шпаргалками дряхлого Пожухлого и смотреть, что это может значить, чего делать ему, конечно же, лень, и он решает не париться. Полянский кидает окурок прямо на лютик, закрывает окно машины и отвечает Клаве: «Клапы завились или че?»

Клава, Купятка и Рависов получают ответ от Лжебаяна. Клава замирает.

Купятка:

Ну что?

Клава:

Он... Не ответил...

Рависов:

А что вы написали? Постельный клоп... А что это значит?

Клава:

Это кодовая фраза, означающая этого Полянского... Володя же его очень боялся, вы, наверное, знаете... Он боялся, что тот когда-то в его отсутствии может прийти с обыском домой, и чтобы я могла быстро сообщить ему об этом в виде сообщения, он придумал шифр. И не зря, как выяснялось...

Рависов:

Подождите, так а когда он пришел в этот раз, вы что, Баяну не сообщили?

Клава:

Я не смогла... У меня от страха всё поплыло, и я вообще забыла напрочь, а потом еще этот Полянский угрожал, ходил, орал тут на весь дом и всё переворачивал... Я не смогла... Не успела...

Клава заливается слезами, Рависов утешает ее, прижимая к себе.

Купятка:

Ничего, ничего, Клавдия Викторовна. Всё хорошо. Владимир Сергеич-то уже всё знал и уехал заранее. Так что ничего...

Клава:

А потом, уже когда Пожухлый дал мне его номер этот, я просто писала ему о произошедшем как есть, без шифров, да и вообще больше я спрашивала, где он и как сам, потому что он и так же знает, что творится, что его ищут...

Рависов:

А теперь он шифр-то не понял... Реакция не та.

Купятка:

Ну может, он реально просто не сообразил?

Рависов:

Да ты дятел или чё? Если это шифр и всё продумывалось заранее, он точно бы сообразил. Не он это!

Клава впадает в истерику. Она сносит со стола хлебницу и начинает бить по поверхности кулаками со всей дури.

Клава:

Ну а кто тогда?! Кто?! Кто?!

Рависов хватается за нее и пытается сдержать. Купятка судорожно бежит по кухне, прячет ножи и поднимает хлебницу на стол.

Рависов:

Всё, тихо, тихо! Мне кажется, я знаю, кто! Купятка, набери номер сейчас! Пусть собака понервничает.

Купятка дрожащими руками берет телефон и делает звонок.

Полянский в этот момент рамсит с каким-то наглым пацаном, который вздумал указывать ему, где парковаться. Молодой человек примерно как и Полянский лет 25-26-и, бело-волосый и коротко стриженный под ёжик, чем-то похожий на Брэда Питта в молодости, одетый в белую кофту с капюшоном, синие джинсы и белые кеды. С виду он достаточно спортивен. Он стоит на клумбе и смотрит злобными голубыми глазами на брызжущего слюной и сидящего в машине Полянского.

Полянский:

Слышь, сопля! Ты знаешь, кто я ваще?!

Пацан:

Ну кто ты?

Полянский в бешенстве выходит из машины и подлетает к наглецу. Тот даже не дергается.

Полянский:

Ты чё, вша, тебя наглухо шваркнуть?! Тебя чё, наглухо тут закопать?

Пацан:

Говорить научись. И парковаться.

От такой наглости Полянский краснеет, как сопло двигателя самолёта на сверхзвуке, у него заканчивается и без того скудный, как у самого последнего сельского забулдыги, коим, в общем-то, он по натуре и являлся, запас слов, и он уже было хочет ударить наглеца, но вдруг звонит телефон. Полянский было думает, что это его основной телефон, но оказывается, что это второй, тот самый, с которого он играет роль Баяна. Оторопевший Полянский достает телефон из кармана, смотрит в экран и видит входящий вызов от Клавы. Потупив несколько секунд, он прыгает в машину и резко сдаёт назад, сбивая знак. Затем он выезжает на дорогу и едет сам не зная куда.

Оппонент смотрит на всё это с изумлением, а как только Полянский скрывается, начинает ржать. Вдруг кто-то зовет его из гранты поодаль: «Радик, давай сюда уже».

Молодой человек подходит к «Гранте» и садится на переднее пассажирское сиденье.

Виктор:

Ну че ты устроил? Пофиг на этого дебила.

Радислав:

Да че-то взбесил меня.

Виктор:

Ну че ты бесишься лишний раз? Нам внимание и так не нужно, мало ли кто он. Повезло еще, что свалил он...

Радислав:

Всё нормально.

Виктор:

Ну что, как действуем дальше?

Радислав:

Начнем с ближайшего окружения.

Радислав забивает на навигаторе маршрут.

Радислав:

Поехали сюда.

Виктор:

Ок, поехали.

Витек заводит мотор, и машина трогается с места.

Сцена 6

Пожухлый:

Ну ты баран в натуре, е-мое! Колхозник-долбонавт!

Пожухлый гневно орет на Полянского, сидя в его кружаке у подъезда своего дома, и стучит своей сухой ладошкой по торпеде. На улице идет ливень.

Пожухлый:

Ну ты скажи, ты тупой или да? Я тебе говорил, приказывал тебе я читать шифры все! Ты запарол сообщение, дебила кусок! Она теперь поняла, что это не Баян писал!

Полянский разводит руками.

Полянский:

Ну блин... Че я...

Пожухлый:

Ты чё там твякнула, шавка?

Пожухлый отвечает Полянскому смачный подзатыльник, да такой, что тот бьётся об руль и чуть не выбивает передние зубы, на которые он недавно поставил виниры.

Внезапно Полянский начинает скалиться и рычать на Пожухлого, и кажется, что он вот-вот кинется на него, как собака, и загрызёт костлявого старикашку, но, судя по всему, понимая, что помимо дряхлой кожи и трухлявого, как гнилой пенёк в полуденном лесу, скелета ему тут ничего не светит, он вроде как успокаивается, но также этому способствует и своевременная команда Пожухлого.

Пожухлый:

Сидеть!

Полянский, словно собака, залазит на автокресло с ногами и кладет руки, будто лапы, под себя.

Пожухлый достает из кармана какую-то таблетку. Полянский воротит взгляд на его руку и вновь начинает рычать и брызгать слюной сильнее, чем ливень, идущий за стеклом автомобиля.

Пожухлый:

Сидеть!

Полянский вновь приходит в смирное положение.

Пожухлый тянет к его рту свою руку с таблеткой, Полянский вываливает свой язык и льет слюну на свой спортивный костюм. В момент заглатывания таблетки он чуть было не срывает зубами швейцарские котлы с руки Пожухлого, но тот успевает оторвать руку. Полянский проглатывает таблетку и будто разливается по креслу, как кисель. Взгляд его становится неопределенным, понурым и полусонным.

Пожухлый нервно откидывается в пассажирском сиденье и, проделывая дыхательное упражнение, попутно закашливаясь своим прокуренным горлом, озвучивает дальнейшие действия.

Пожухлый:

Значит так, долбоящер. Симку эту я забираю и сам теперь буду вести диалог с ней. Раз ты такой идиот и тебе доверить ничего нельзя... Где телефон этот?

Полянский вяло и очень медленно кивает головой в сторону бардачка. Пожухлый открывает его и достает телефон, вынимает из него симку и вставляет в разъем для второй сим-карты в свой телефон. Он кладет телефон Полянского назад и захлопывает бардачок.

Пожухлый:

Клаву я беру на себя, я порешаю вопрос. Всё, давай, как пропештролит, езжай отсюда восвояси. Болван...

Пожухлый накидывает капюшон дождевика и выходит из машины. Полянский еще минут десять лежит в кресле в сильно расслабленном состоянии, пока наконец не приходит в себя.

Он садится в кресло по-нормальному и трогается. Выезжая на трассу, ведущую к его загородному особняку, он топит 220 под пацанский рэп. Его мозг долбят только два желания – водка и телки. Он кому-то набирает, глядя на часы. «Время 22:00. Щас всё устроим! Ща такая будет схема лютая!»

Полянский:

Кто главный тут, сука?! Кто главный?!

Полянский достает пистолет из-под сиденья, открывает люк на крыше и начинает палить в него со всей дури.

Полянский:

АХА-ХА-ХА-ХА-ХА! АХА-ХА-ХА-ХАХ!

Пожухлый тем временем напяливает на себя голубую шелковую пижаму, надевает на голову шапочку для сна и ложится в постель. Он радуется, что его жена Агриппина еще смотрит телевизор в зале и не пришла сюда, так как его раздражает засыпать с ней.

«Жирная старая корова... Эх, сейчас бы в отель с какими-нибудь курами... Да хоть в массажку на худой конец... Ладно, успеется, работы много». Пожухлый мажет лицо и руки ночным кремом, надевает на лицо маску для сна и опускает голову на подушку. Пожухлый отходит ко сну.

(Сон Пожухлого)

Пожухлый видит перед собой отца с ружьем, из ствола которого идет дымок. Отец выстрелил в стену у него над головой. Пожухлый в слезах падает на пол. Отец бросает ружье, подбегает к нему и хватается за ногу. Он держит его вверх тормашками и трясет.

Пожухлый ст:

Скотина такая, попробуй мне еще раз не пересказать книгу! Хоть одну строчку забудь, я тебя в окно выкину!

Пожухлый мл:

А-а-а-а, папа! Прости меня, я перескажу, прости меня...

Пожухлый ст.:

Чего ты реवेशь, ты баба, что ли, сопливая?! Чего ты добьешься в жизни, а? Безмозглым останешься! Ничтожество! Быстро книгу читать заново, чтобы через час мне все 300 страниц пересказал! Забыл он последние 10... Идиот! И чтобы произведение для музыкальной школы новое разобрал, будешь играть мне! Хоть одна ошибка будет – я тебе голову уже по-настоящему прострелю, понял меня?! Я спрашиваю!

Пожухлый мл.:

П-п-понял...

Отец подходит к кровати мальчика и швыряет его на нее.

Пожухлый не может проснуться, ему начинают сниться какие-то другие обрывки воспоминаний, просто какой-то несвязный бред, как вдруг он вновь оказывается маленьким в той комнате, лежащим на кровати и пребывающим во сне. Он слышит скрип двери и голос разгневанного отца.

Пожухлый ст.:

Скотина, ты уснул что ли?! Ты уснул?!

Пожухлый весь потеет от страха и в панике пытается проснуться, но не может. Он слышит, как отец несется к кровати. Пожухлый пытается кричать, но звука нет... Отец уже бьет его ремнем по телу, а тот всё никак не может проснуться.

(Спальня Пожухлого)

Пожухлый, неистово крича, просыпается. Жена Агриппина, уже лежащая рядом, тоже просыпается от его вопля.

Агриппина:

Сережа, Сережа... Что такое?!

Пожухлый спрыгивает с кровати и, тяжело дыша, идёт на балкон. Он вновь вдыхает свежий ночной воздух из открытого окна и приходит в себя. Агриппина заходит на балкон, Пожухлый оборачивается.

Пожухлый:

Кошмар приснился... Опять...

Пожухлый закрывает окно, они с Агриппиной идут в спальню и ложатся в кровать.

Агриппина:

Ну как ты?

Пожухлый отмахивается. Она решает сменить тему, чтобы отвлечь его.

Агриппина:

Ты знаешь, Серёжа, соседи сверху такой шкаф красивый купили. Сегодня видела в подъезде, как его поднимали. Белый такой, как я хотела, в спальню как раз.

Пожухлый:

М-м-м... Слушай, а там кто у нас живет-то?

Агриппина:

Там-то? Да пара, как мы, пожилая. Еще внук у них часто бывает, так мужик его всё на скрипке играть заставляет, прям аж с криками, представляешь? Гения, видать, воспитывает. Мне даже иногда кажется, что он его бьет ремнем почем зря... Надеюсь, это не так, конечно... Он вроде ректор консерватории.

Пожухлый:

Да? Я чего-то ни разу не слышал.

Агриппина:

Так это днем, ты же днем обычно не бываешь дома.

Пожухлый:

М-м-м... Вот оно что...

Разговор оканчивается.

Агриппина медленно засыпает, а Пожухлый молча лежит и смотрит в потолок застывшими глазами.

Воспоминания об отце, спровоцированные кошмарными снами, мучают его и не дают успокоиться.

(1985 год)

Пожухлый младший дерется с отцом, круша весь интерьер элитной сталинской квартиры. Мать с криками пытается их остановить.

Мать:

Хватит уже! Успокойтесь, прошу вас! С ума сошли, что ли?! Успокойтесь!

Пожухлый-старший подставляет подножку сыну и валит его на ковер, удерживая сверху.

Пожухлый ст.:

Ублюдок! Ничтожество! Кем ты будешь, а? Чего ты добьешься?!

Мать цепляется в плечи отца и пытается с криками оттащить его.

Мать:

Валя, прекрати сейчас же!

Пожухлый старший отпихивает жену, и та падает на пол.

Пожухлый мл.:

Мать не трогай!

Пожухлый-младший бьет отца по лицу.

Пожухлый ст.:

Ты что, на отца руку поднял?! Ты на отца руку поднял?!

Отец начинает душить сына.

Пожухлый ст.:

Ты на отца руку поднял, ничтожество?! Сопля!

Мать в слезах, лежа на полу, умоляет мужа отпустить сына.

Мать:

Валя, ну отпусти ты его, прошу...

Пожухлый ст.:

А ну заткнись, тварь! Тебе опять морду разбить твою?

Мать забивается в угол комнаты и тихо плачет, уткнувшись лицом в стену.

Пожухлый-старший сильнее сжимает горло сына. В глазах у младшего начинает темнеть.

Пожухлый ст.:

Я тебя гением делал, чтобы ты на кафедру марксизма пошел преподавать?! Это ты называешь достойной работой для сына дипломата, паршивец?

Пожухлый мл. (с усмешкой, хрипя и закашливаясь):

Да какой ты дипломат? Кха-кха... Ты по командировкам шляешься за бугор, с проститутками трахаешься, дефицит скупаешь и барыжишь им тут... Дипломат он... Ты позорище!

Пожухлому-старшему после таких слов окончательно сносит голову. Он со всей силы сдавливает горло сына.

Пожухлый ст.:

Ах ты... Ублюдок... Тебе конец! Конец! Шваль!

Мать подбегает и снова вцепляется ему в спину.

Мать:

Отпусти его! Отпусти его сейчас же!!! Ты убьешь его! Отпусти его!!! На помощь! Помогите!

Пожухлый-младший теряет сознание. Отец, сам не зная, чего он ожидал от своих действий, вдруг с испугом отпускает его и резко встает.

Мать:

Ты убил его, убил! Скотина!

Мать начинает бить отца кулаками, а тот с открытым ртом и выпученными глазами смотрит на лежащего на полу неподвижного сына.

(Наше время)

«А может, было бы лучше, если б я тогда всё-таки умер...» – думает Пожухлый. Воспоминания Пожухлого прерываются телефонным звонком.

Пожухлый берет телефон с тумбочки и видит, что звонит Полянский. «Он что, совсем с дуба рухнул, поганец?!»

Пожухлый:

Але, воробушек, ты там не сдурел часом звонить так поздно, а?

Полянский:

Я – главный! Я!

Ожидая услышать хоть сколько-нибудь серьезный вопрос или новость, а не вот это, Пожухлый приходит в неистовство.

Пожухлый:

Ты чё там, гоблин, обдолбался по полной?! Тебе уши оторвать и наглухо шваркнуть?!

Полянский сбрасывает трубку.

Пожухлый гневно швыряет телефон на тумбочку.

Пожухлый:

Вот паршивец, совсем берега попутал!

Пожухлый поворачивается на правый бок, еще долго ворчит и кроет Полянского многосложными матерными конструкциями и наконец засыпает.

Полянский доезжает до своего дома, заезжает через ворота в огромную ограду с фонтанами и виноградником, ставит машину в гараж на 10 мест и бегом, но тихо, чтобы никого не разбудить, несется в дом через гараж. Во всем доме выключен свет. Он заходит в кухню, как вдруг слышит голос жены, доносящийся со второго этажа.

«Ё-моё, не спит, что ли?»

Полянский стремительно поднимается по лестнице и сталкивается с женой, которая выходит из спальни с их четырехлетним сыном. «Папа, папа!» – кричит ребенок и кидается на шею отцу.

Полянский:

Привет, привет! А чего это мы еще не спим?

Ирина:

Лёша, ну чего ты так поздно опять?

Жена Полянского, конечно, недовольна тем, что ее муж так подолгу пропадает на работе. Знала бы она, что это за работа на самом деле...

Полянский:

Ну Ир, чё ты начинаешь, дела, работа у меня. Работаю! Вы почему еще не спите?

Ирина:

Ну вот как раз уже собираемся. Девочки спят уже.

Полянский:

Ну всё, давайте ложитесь, я вниз: поесть, в душ, все дела... Давайте, давайте...

Ирина:

Давай только недолго.

Полянский:

Да, да, да...

Жена с сыном уходят в спальню.

Полянский бежит вниз. К самому входу в дом подъезжает черный лимузин, и из него выходят двадцать эскортниц в полуголом виде. Полянский встречает их, выходя из дома, и тарашится на них чуть ли не с высунутым языком и волчьим оскалом. Возможно, таблетка Пожухлого бы здесь тоже была кстати. Он ведет их через сад в специальную комнату отдыха со звукоизоляцией, располагающуюся в западной части особняка и имеющую вход с улицы. Он заводит девиц и, озираясь бешеным взглядом в сад на улицу, захлопывает толстую железную дверь с десятью засовами.

Жене Полянского снится их чудесный сад с орхидеями и парящими бабочками. Сама она качается на качелях в лучах заката. Их сыну Арсению снится, что он Человек-Паук и он научился забираться на самые высокие дома, каких даже, по правде говоря, и нет в городе Окопо-Ямское. Маленьким дочкам Полянского, Аделине и Ефросиньи, снятся просто какие-то умирительные впечатления, пережитые за день...

Где-то посреди ночи Полянский понимает, что он устал и уже тоже хочет спать. Лимузин забирает девиц. Полянский лежит в комнате отдыха у бассейна с яркой подсветкой не в силах пошевелиться. Ему ничего не хочется, но при этом хочется всё. Напротив бассейна висит экран, и через проектор на него воспроизводится фильм «Лицо со шрамом».

Полянский:

Я, сука, это я! Властелин мира! Я!

Полянский, как ужаленный, подпрыгивает с пола. Он хватается бутылку водки с пола, стоящую поодаль, и всасывает залпом половину. Полянского начинает вести, и он чуть было не падает голым торсом на ухарканный, усыпанный окурками и залитый пивом и всем, чем только можно и нельзя, стеклянный столик.

Полянский:

АРАРАРАРАРРА! АРРРРРР!

Полянский бьет себя в грудь. Но сил уже нет. В глазах начинает темнеть. Однако он понимает, что не сможет заснуть, он словно хочет свернуть весь мир в сигарету и выкурить ее. Какой же тут сон?

Полянский решает, что пришло время. Он идет к какой-то двери около туалета и дергает ручку, но она срывается с деревянной двери. Оказывается, что ручка магнитная. Он прижимает ее к стене с обоями в золотистый узор рядом и... открывает потайную дверь, замаскированную под стену. Он заходит в комнату и зажигает свет.

Полянский:

Воздух! Воздух!

Полянский падает на диван у стены напротив входа и облокачивается на деревянный столик. Он садится ровно, а затем, с полными глазами бешеной собаки, со слюнями изо рта,

заливающими его дебилские трусы в ромашку и весь замшевый диван, совершает несколько движений руками, предвкушение от последствий которых и приводит его в этот безумный и омерзительный вид, от которого любого нормального человека стошнит на месте. Он плюхается всем телом на диван, словно в горячую ванную, окончательно расплываясь в своей мерзости и мраке, чего он с таким азартом и страстью желал. Полянский наконец-то засыпает и хотя бы на время избавляет мир от своего гадкого присутствия в нем.

Под утро Полянский перебирается в центральную часть дома, в гостиную, объединенную с кухней. Он решает сварить себе кофе, но понятия не имеет, как это делать, потому что всё, связанное с готовкой, в его жизни сначала делала мать, а затем уже жена. Полянский подходит к гарнитуру и начинает рыскать по ящикам в поиске турки. Гремя кастрюлями и сковородками, он так и не находит турку, но решает, что можно использовать и сковороду. Он ставит сковороду на индукционную плиту, высыпает в нее кофе и включает конфорку на 9-ку.

Полянский:

Надо тоже разогреться!

Из кармана своего шелкового коричневого халата Полянский достает сигарету и закуривает ее прямо посреди кухни, даже не открыв окно. Он лезет в ящик с алкоголем (собственно, это был единственный ящик на кухне, который он не мог спутать ни с каким другим и в котором он всегда знал, что находится) и достает оттуда бутылку «Джим Бима». За пять минут он наколдыривается в хлам и падает на ковер посреди гостиной с сигаретой в зубах, забыв про сковородку, которая уже горит красным пламенем. Всё вокруг в дыму. Жена Полянского, Ирина, только что проснувшись и учуяв запах дыма, уже с криками прибегает вниз, хватая сковородку, кидает ее в раковину и открывает кран.

Она бежит к спящему на ковре мужу и будит его, ударяя по щекам.

Ирина:

Проснись! Проснись!

Полянский:

Кхе-кхе... Ой... Что такое?

Ирина:

Ты дом чуть не спалил, вот что! Ты совсем обалдел? Ты... Ты что, пьяный уже с утра?! Почему ты в таком виде тут лежишь?!

Полянский:

Ну чё такое-то, это, ну выпил я вчера тут вечером, да заснул...

Ирина:

У тебя бутылка полная рядом стоит!

Полянский:

Ну че ты докопалась? Ну с утра еще выпил. А сковородка... Ну кофе хотел сделать, да чё-то прикемарил, ну ты ж потушила!

Полянский поднимается с пола и роняет из зубов сигарету на ковер, оставляя прожог.

Ирина:

Так, мне это надоело уже! Дети сейчас проснутся, и чтобы они тебя в таком виде не встречали тут, понял?!

Полянский:

Слышь, обалдела, что ли, так базарить со мной, а?!

Ирина:

А ты не обалдел каждое утро пьяный просыпаться тут?

Полянский:

Я работаю! Я чё, отдохнуть не могу?

Ирина:

Лёша, что с тобой происходит... Ну ты же таким не был...

Полянский:

Каким я не был? Богатым и успешным?

Ирина:

Откуда у нас все эти деньги, скажи мне правду, я тебя прошу! Ну ты же воруешь их, ты думаешь, если ты ничего не рассказываешь, то я не понимаю?

Полянский:

Слышь, головой-то подумала бы! У тебя родки – миллионеры, сама не из бедной семьи! Мамка твоя мне помогала, забыла?

Ирина:

Ну да, она познакомила тебя с несколькими людьми... Но на этом вроде и всё, не помогала она тебе особо... С отцом моим ты вообще не общался, с ним и мама уже не общается давно... Откуда у нас ТАК ДО ФИГА ДЕНЕГ?! Я хочу знать всю правду, я имею право, я твоя жена! Ты берешь взятки, имеешь дела с бандитами?

Полянский:

Раз ты мне жена, то свари пожрать чё-нибудь уже! А с допросами заколебала со своими!

Ирина:

Ну объясни мне, как ты так быстро в должности поднялся? Как ты вообще закончить сумел ВШЭ в Москве, после того как тебя из ОЯГУ отчислили?

Полянский:

Я сам отчислился ради тебя!

Ирина:

Да сдалось мне твое это «ради тебя»!!! Я спокойно училась себе, а ты пришел и избил ректора! И меня еще зачем-то попросил отчислить! Сколько я потом натерпелась этих слухов, слов грязных за спиной...

Полянский:

Да ты дура, я же тебя спас от насильника!

Ирина:

Да, спас, но а ректора-то ты зачем избил?! Ты вообще понимал, что ты творишь? Не надо только мне опять эту свою чушь гнать про работяг и буржуев!

Полянский:

Он козлина, ты не видишь, что сейчас не просто так мы его ищем за воровство? Совсем дура, что ли?! Я честный человек из народа, я сразу в нем увидел врага общества! А ты дура тупая, не понимаешь ниче!

Ирина:

Я не понимаю, откуда в тебе столько злости... Ты болен...

Полянский:

Что тебе надо от меня, ты суть можешь сказать?!

Ирина:

Скажи мне правду!

Полянский:

Какую тебе правду?!

Ирина:

Да всю правду о себе! Что было после отчисления, когда мы на время расстались? Ты же сначала просто бухал и ничего не делал, в армию уехал, а потом оказался в Москве и в ВШЭ каким-то образом... Как?! Можешь хотя бы это рассказать?

Полянский:

Я тебе всё уже рассказывал, че ты хочешь?! Сходил в армию, да поступил!

Ирина:

Да не верю я твоим сказкам этим! Ну как ты поступил-то туда, скажи?! Как?! Ты же дебил просто, ты не учился никогда, я тебя тянула постоянно! Ты с пацанами бухал и общагу разносил, работал курьером на «Яндексе» и воровал еду с заказов, в «Пятерке» фасовщиком работал и мышей в пакеты с виноградом подкидывал и на ценниках писал «КИШ МЫШЬ», ну какое тебе ВШЭ?! Какое?!

Полянский:

Заткнись, дура!

Ирина:

Я ухожу!

Полянский кидается к ящику под телевизором и достает пистолет. Он оборачивается к Ирине, выстреливает в бутылку «Джим Бима» на ковре слева от нее, и та разлетается вдребезги. Он наводит курок на кричащую и падающую от ужаса на пол Ирину.

Полянский:

Уйдешь – убью! Поняла меня? Села на диван!

Ирина залазит на диван, заливаясь слезами и всхлипывая. Полянский подходит ближе, целясь в нее. Ирина смотрит в пол.

Полянский:

Дура неблагодарная! Я работаю! Всё для тебя! Для детей! Я всё это заслужил, я простой с народа! Я всех этих буржуев закопаю проклятых! Еще раз услышу от тебя такое – застрелю, поняла?

Ирина судорожно кивает головой.

Полянский швыряет пистолет за кресло у окна и идет в ванную по выходу из гостиной напротив лестницы.

Рависов тем временем в поту колотит грушу в спортзале, пока Купятка пытается не слететь на пол с беговой дорожки.

«И что ж это я забыл про бокс, в самом деле?» – думает Рависов. – «Столько упущенного и прожитого под мухой... Столько лет в забытии...»

Колотя грушу, он слушает записи своей школьной панк-группы, звучащие, конечно, так, будто бухой пастух орет в ведро, но зато содержащие в себе какую-то энергию и запал, и понимает, что если бы тогда перестал пить, то, может, мог бы продолжить свою карьеру в музыке и даже научиться играть и петь. «А Серега-то, гитарист, вроде как в Москве где-то играет... А я бухаю здесь...» Рависов бьет грушу неистово, злобно. Его созерцание прерывает вопль Купятка, который он слышит даже с включенными на 100 процентов наушниками.

Рависов оборачивается. Он видит, что его брата держит за шиворот молодой человек в сером спортивном костюме.

Рависов:

Э, слышь, брата отпусти моего!

Рависов подбегает к нему, замахиываясь.

Радислав:

Спокойно, спокойно! Он просто слетел с дорожки, а я его поймал!

Купятка:

Да, да, Никита! Это правда! Он меня спас!

Радислав ставит на пол Купятка.

Рависов:

Ну ты, Антоха, блин, как всегда... Ладно, спасибо вам.

Радислав:

Не за что! Меня, кстати, зовут Радислав. Радислав Волков. Вы, я так понимаю, Никита Рависов, а это ваш брат Антон Купятка?

Рависов:

Д-да... Всё верно. А вы откуда знаете?

Радислав:

Дело в том, что я тут не просто так. Я думаю, у нас есть кое-что общее. Я предлагаю обсудить в кафе на первом этаже.

Радислав протягивает руку сначала Рависову, а затем Купятка.

Радислав:

Ну так что, как вам предложение?

Рависов с Купятка переглядываются.

Рависов:

Пойдем.

Они спускаются в кафе, выбирают стол подальше в закутке и присаживаются.

Радислав:

Так вот. Я лицо, заинтересованное в том, чтобы найти Сергея Валентиновича Пожухлого. Дело в том, что я его внебрачный сын от студентки Алисы Волковой.

Купятка:

Правда? Так, значит, эта история не вымысел?

Радислав:

Какая именно?

Купятка:

В университете гуляет эта байка. Что у Пожухлого есть внебрачный сын от студентки. Что когда это случилось, Баян этот скандал замаял, спас Пожухлого и...

Радислав:

И затем они отчислили мою мать и заплатили ей деньги за молчание.

Купятка:

Д-да...

Радислав:

Да, это никакая не байка. Это всё так и было. И, конечно же, я знаю, господа, про то, что ректор Баян сейчас в бегах. Как и все, смотрю новости. Знаю, что мой папашка возглавил вуз. Знаю, что вы работаете в этом вузе. А еще я знаю, что вы подозреваете, что Баян не просто так взял да и сбежал! Вы считаете, что это просто смешно, верно? Что-то тут не сходится... Я тоже. А еще дело в том, что у нас скоро свадьба с дочкой Баяна – Ангелиной. И она, как вы понимаете, тоже взволнована пропажей отца. Она с ним в хороших отношениях, не то что я со своим папашкой-деревяшкой...

Рависов:

Воу, ничего себе... Поздравляем. Мы Ангелину видели. Прекрасная девушка...

Купятка чуть не давится своим латте.

Радислав расплывается в нежной улыбке.

Радислав:

Да что говорить, она чудесна! А самое главное, понимающая. Понимает, что родителей не выбирают. Кто ж виноват, что мой папашка – козел. Даже не приехал ни разу...

Рависов:

Да, так и есть... Понимание важно... Слушайте, а как вы нас нашли? Вы следили за нами?

Радислав разводит руками, широко улыбаясь.

Радислав:

Ну, признаться честно... да. Каюсь! Ну что сделать, я думаю, вы меня понять должны. Вы же тоже за моим отцом следите, не так ли?

Рависов:

Ну, в общем, да. Так, давайте еще раз... Если правильно всё расставить, то вы с Ангелиной так же, как и мы, хотите найти Баяна и разобраться с вашим отцом, понять, как он с этим связан. Что конкретно вы предлагаете делать?

Радислав:

Вот... Это ключевое.

Радислав облакачивается на стол и выкладывает свой план...

Проходит пять минут.

Рависов переглядывается с Купятка.

Рависов:

Я думаю, что да.

Купятка:

Да, мы согласны.

Радислав:

Отлично!

Рависов:

И с чего мы начнем?

Радислав расплывается в жуткой улыбке сумасброда.

Радислав:

Это будет очень вкусное мороженое... Вы даже не представляете себе насколько...

Несколько часов спустя. Стены университета. Пожухлый готовится к торжественному вручению дипломов. Гример наносит макияж на лицо Пожухлого, замазывая глубокие морщины и впадины его рыхлого лица, прямо в ректорском кабинете напротив зеркала у стены.

Пожухлый же повторяет во весь голос свою речь, и оттого, что шевелит губами, гример иногда попадает кисточкой ему в рот.

Пожухлый:

Ты придурок долбанный! Тебя где откопали такого, тебе только трупы гримировать!

Гример, уже успев за короткое время работы оценить, как лицо Пожухлого выглядит до тонны косметики, отвечает Пожухлому в мыслях, что он, в общем-то, этим и занимается.

Гример:

Извините.

Пожухлый:

Дорогие студенты! Родители! Кха-кха! Мы с гордостью рады открыть церемонию похоро... Ой, кха! Кха! Вручения! Дипломов, дипломов...

Наконец, грим нанесен. Пожухлый поправляет свой пестрый бордовый камзол. К нему подбегает специальный человек, натирающий ему до блеска туфли, пока тот сидит на стуле и читает речь, секретарша Ниночка приносит ему кофе, еще один специалист раскуривает для него сигару. Пожухлый начинает тренировать голосовые связки.

Пожухлый:

МЫ ПЕРЛЕТА-А-А-ЛИ БЕРЕГА, ПЕРЕЛЕТА-А-ЛИ БЕРЕГА! ЛА-ЛА-ЛА! ЛУ-ЛУ-ЛУ! ОГО-ГО! ТРА-ЛА-ЛА-ЛА-ЛА!

Пожухлый отпивает кофе.

Пожухлый:

ТЬфу, ё-ма, что за дрянь! Ниночка! Дура тупая... Унеси это от меня и сделай нормальный человеческий кофе, с двумя зёрнышками, а не это смердящее пойло! Я же просил с двумя зёрнышками! Ты совсем дура, ты глухая что ли, мразота?! Баяну могла дерьмо это подсовывать, а не мне! Поняла?

Ниночка:

Да, прошу прощения, Сергей Валентинович, прошу прощения... Не знаю, как так, не знаю...

Пожухлый отдает ей кружку и не замечает, как пепел сигары в левой руке падает ему на брюки и прожигает их.

Пожухлый:

АААААЙ!!! Ё-МОЁ! ИДИТЕ ВОН ВСЕ, БЕЗМОЗГЛЫЕ ДЕБИЛЫ! БАРАНЫ! ВОН ВСЕ ПОШЛИ! ВЫ НИЧТОЖЕСТВА, ТОШНИТ ОТ ВАШЕГО ВИДА ПЛЕБЕЙСКОГО! БЫДЛО!

Специалист по чистке обуви, раскуриватель сигар и Ниночка в страхе убегают из кабинета.

Пожухлый:

Крестьяне... Ох уже эти крестьяне... ТРА-ЛА-ЛА! ЛА! ЛА! Кха-кха-кхе-кхе, е... Кха! Хапфу!

Торжественное вручение дипломов. Пожухлый выходит на сцену напротив главного входа в университет. Его приветствует многотысячная аудитория выпускников и их родителей. Все ему рукоплещут, а он наслаждается этим. От июльской жары грим на лице немного начинает плыть, и Пожухлый слегка напоминает фигуру из воскового музея, но его уверенность неиссякаема, а потому никто этого не замечает. Он раскидывает руки по обе стороны и, гордо улыбаясь, утопает в овациях. Позади него на экране выведена крупная надпись «**ВЫПУСКНИКИ 2023**».

Насладившись вдоволь, Пожухлый деловито хватает со стойки микрофон и начинает свою речь.

Пожухлый:

Уважаемые студенты! Их родители! Я рад вас всех приветствовать в такой знаменательный день. Сегодня для меня особенный день. 40 лет назад я сам был на вашем месте, был полон мечтаний о будущем. Помню, как нервничал перед защитой диплома...

Аудитория начинает гудеть. Пожухлый, сначала не придав этому значения, продолжает речь, но гудение усиливается, сменяется выкриками, истеричным смехом, и Пожухлый начинает нервничать, не понимая, что происходит.

Пожухлый:

Господа, прошу прощени...

Аудитория:

Мерзавец! Извращенец!

В Пожухлого начинают лететь различные предметы. От страха и недоумения он начинает дрожать, пятиться назад и роняет микрофон себе на ногу. Он начинает прыгать от боли на другой ногу, оборачивается к экрану, и его глаза натурально вылазят на лоб, а челюсть отвисает до положения «максимум».

На огромном экране во всю сцену Пожухлый видит «кино» 20-летней давности с собой в главной роли, где он развлекается с резиновой Памелой Андерсон в студенческой библиотеке. До него с ужасом доходит, что сейчас это «кино» помимо него смотрят тысячи выпускников и родителей. Внезапно к беззвучному видео из огромных сабвуферов добавляется звуковое сопровождение.

(Пожухлый в ролике):

Интересно, а у нее глаза вывалятся, если поднажать?

Разъяренная толпа уже ломает ограждения у сцены, снося охранников. Замерший как вкопанный Пожухлый наконец оборачивается и, видя несущуюся на него лавину людей, бежит вниз со сцены к главному входу. Он успевает забежать, и охрана блокирует главный вход. Он поднимается в кабинет и в панике и бешенстве, крича, начинает крушить всё вокруг.

Пожухлый:

КТО?! КТО?! КТО-О-О-О?!!!

Он звонит Полянскому, который сидит в машине через дорогу от сцены. Он решил заехать посмотреть на церемонию вручения и всё это время был здесь и тоже видел ролик с Пожухлым. Пребывая теперь в чудовищной смеховой истерике, он наконец берет себя в руки и отвечает на звонок.

Полянский:

Алло, да-да!

Пожухлый:

Ты приехал на церемонию?!

Полянский, не зная, как лучше ответить и сдерживая новый приступ смеха, молчит.

Пожухлый:

Чё молчишь, да/нет?

Полянский:

Ну, если говорить прямо, то да.

Пожухлый:

Ты видел, что было сейчас?

Полянский сквозь зубы кое-как сдерживает смех.

Полянский:

Да...

Пожухлый:

Кто это мог быть?! Кто?! Есть мысли?

Полянский:

Ну, я думаю, те, у кого мог быть доступ к таким, скажем так... Хроникам.

Пожухлый:

Только у Баяна... Эта кассета могла быть только у Баяна... Купятка и Рависов!

Пожухлый вспоминает, что видел их на вручении, и Рависов как первый проректор даже выступал до него.

Пожухлый:

Но они были на виду...

Полянский:

Ну так даже будучи на виду, они могли этот видос раздать на экран. Технологии, Сергей Валентинович, технологии...

Пожухлый:

Да они дегенераты, тут слишком сложные действия для колдырей-колхозанов!

Полянский:

Ну вы же сами учили, не стоит противника недооценивать. Одно понятно точно – кассета была у жены Баяна.

Пожухлый:

Значит, расклад такой: тыставляешь людей у Клавиного дома. Ориентировки даешь на колхозников. Если еще заявятся, так и схватим. Я еду к Клаве сегодня, она уже всё поняла... Из-за тебя, дебила! Из-за тебя!

Полянский:

Слышь, вы че на меня всё валите? Я с голой жопой и в ковбойской шляпе скакал на видео с резиновой куклой, что ли?! А план ваш, я сразу говорил, дырявый! Говно план!

Пожухлый:

А ну пасть завали! Короче! Я с Клавой решаю вопрос сегодня! Всё принял?

Полянский:

Да.

Пожухлый:

Отбой!

Пожухлый принимает успокоительных таблеток, но особо не чувствует облегчения. Он подходит к окну и смотрит в щелочку штор, что происходит внизу. Он видит машины полиции, скорой (видать, кто-то даже потерял сознание от увиденного срама), репортеров с местного телевидения, берущих интервью у родителей и выпускников.

Ему становится трудно дышать, он закрывает лицо рукой и начинает удрученно стонать.

Пожухлый:

Мне нужен этот Рависов!

Пожухлый набирает его и требует прийти в кабинет. Спустя пару минут Рависов заходит. Пожухлый стоит лицом к окну.

Рависов:

Здравствуйте, Сергей Валентинович, вызывали?

Пожухлый:

Да, Никита Юрьевич... Вызывал... Я полагаю, вы видели, что произошло?

Рависов:

Да, мы все же были внизу... Я не знаю, это кошмар, это какой-то монтаж...

Пожухлый оборачивается.

Пожухлый:

Ты был у Клавы?

Рависов:

Что? У Клавы?

Пожухлый:

Да, у Клавы. Жены Баяна.

Рависов:

Когда?

Пожухлый:

В недавнее время... Вчера, сегодня?

Рависов:

Никак нет, Сергей Валентинович. А в чем вопрос?

Пожухлый:

Вопроса никакого нет, Никита Юрьевич. Просто предупреждаю, что лучше к ней не ездить. Никому. Вообще. Пока Баяна не нашли. Опасно...

Рависов:

Хм. Ну что же, я буду иметь в виду.

Пожухлый:

Свободны.

Рависов:

До свидания.

Рависов уходит. Задумчивый и напряженный Пожухлый садится в кресло за столом и погружается в мысли.

Пожухлый:

А ведь колхозник прав... Я обыграю так, что это монтаж! Я буду за это топить! Все так и должны думать вокруг! Козлы... Колхозники или не они? Ну а кто еще это может быть-то? Это чмо с деревни сразу же что-то заподозрило... Сразу... Откуда мозги-то там только, водка одна уже плавать должна! Ладно...

Пожухлый смотрит на фото Клавы на столе, которое осталось еще от Баяна.

Пожухлый:

Эх, Клава, Клава... Ну что ж ты так?

Пожухлый встает с места и покидает кабинет.

Сцена 7

Пожухлый стучится в дверь Клавы дольше обычного. Наконец, она открывает. Взгляд ее полон опасения. Пожухлый это замечает и начинает общаться нарочито мягко, улыбаясь.

Пожухлый:

Клава, Клава... Привет. Как твои дела?

Клава:

Что тебе нужно?

Пожухлый:

Можно я войду?

Клава:

Нет.

Пожухлый толкает Клаву внутрь так, что она чуть не падает, успев облокотиться об стену.

Клава:

Что тебе нужно?! Я сейчас начну кричать!

Пожухлый:

Кричи, кричи. Ты, видать, забыла, что твой муженек звукоизоляцию сделал? Чтоб соседи не доставали и колдыфонить можно было с утра до ночи. Еще и бабло вуза на это слил, как обычно...

Пожухлый захлопывает дверь. Клава в ужасе прижимается к стене. Пожухлый проходит в коридор квартиры и оглядывается.

Пожухлый:

Нам нужно поговорить.

Клава:

Я тебе не верю.

Пожухлый:

Отчего же так?

Клава достает из кармана телефон и нажимает на кнопку вызова. Пожухлый подскакивает к ней и хватается трубку.

Пожухлый:

Кого ты там вызываешь, а?! Кого?

Пожухлый видит надпись контакта на экране, гласящую «Володя запасной номер», и понимает, что это тот номер, который он вручил Клаве. Он ухмыляется, но вдруг от вибрации в его кармане ему становится не до смеха. Он понимает, что опростоволосился и вставил ту

самую симку в свой телефон у Полянского в машине, чтобы не потерять, забыв затем переставить ее в другой телефон... Он с досадой отходит в сторону.

Клава проходит в кухню. Он оборачивается в ее сторону.

Клава:

И что теперь, Серёжа? Как ты это объяснишь?

Пожухлый усмехается и, глядя в пол, разводит руками.

Затем он бросает колючий взгляд на домофон у двери, срывает трубку и приближается к Клаве, растягивая провод в руках. Клава в ужасе пятится назад и, упираясь в стол, начинает его обходить.

Пожухлый:

Клава, Клава... Ну куда же ты, Клава?

Домофон отрывается от стены и со всей силы заряжает Пожухлому по шее. Тот, как ошпаренный, подпрыгивает на месте, крича и матерясь. Клава подходит к самому окну кухни, а трущий левой рукой шею Пожухлый подходит к ней вплотную. Он задерживает жалюзи на окне и растягивает перед Клавой на уровне ее шеи провод в своих руках.

Пожухлый:

Значит так, дура. Если ты будешь рыпаться, я тебя на месте придушу. Поняла меня? Попробуй только кому-то что-то рассказать. Я об этом узнаю. Поняла?

Клава судорожно кивает. Пожухлый молча кидает трубку на пол и выходит из квартиры. Минуя все те же колдобины на асфальте, он садится в машину и набирает Полянского.

Полянский:

Алло.

Пожухлый:

Але. Всё, начинай действовать.

Полянский:

Принято.

Пожухлый кладет трубку, достает из кармана сигареты, как вдруг в открытое окно ему в плечо впивается нож.

Пожухлый:

АХ ТЫ, ПАДЛА!

Он оборачивается и видит Клаву с ножом в руке и с кровью на лезвии. Пожухлый газует, чуть не въезжает в мусорку и, бясь днищем об бордюры, на бешеной скорости вылетает из двора, чуть не устраивая на дороге ДТП с тремя машинами. Он, поняв и осознав произошедшее, выруливает прямо и едет в сторону больницы, прижимая рукой окровавленное плечо. Он звонит Полянскому.

Полянский:

Алё.

Пожухлый:

Алё! Дура совсем озверела. По полной ставь людей, ПРОСТО ПО ПОЛНОЙ!

Полянский:

Что случилось?

Пожухлый:

Она мне нож в плечо всадила, тварь!

Полянский:

Че?! Вы где сейчас?!

Пожухлый:

В больницу еду, где! Неглубоко вроде шлифанула, но кровячки натекло!

Полянский:

Так в какую больницу-то, вопросы же возникнут у медиков! Ментов еще вызовут, нам это ваще не надо!

Пожухлый:

Ну и что ты предлагаешь?!

Пожухлый в суматохе чуть опять не устраивает аварию.

Полянский:

К моему человеку езжайте, он зашьет всё. Адрес: проспект Ямсака, 19, кв. 20.

Пожухлый:

Еду!

В своей сторожке в лесу бывший политолог Дубинский мучается от душевной боли. Он только что посмотрел сюжет по ТВ о скандале с видео Пожухлого на вручении дипломов и чувствует, что происходит что-то нехорошее.

«Я виноват. Виноват, что во всем этом участвовал... Но я жертва системы Баяна и Пожухлого, что я должен был делать? Я не мог поступить иначе, не рассказать Пожухлому и Полянскому, что я знаю про Баяна... Как я устал хранить в себе все эти тайны! Но и Баян, он же такой козел! Как я его ненавижу! Но где он сейчас? Что они с ним сделали?... Они не просто так приказали мне уволиться в этот день и уехать из города... Что они с ним сделали?»

Дубинский:

Ну что, что они с ним сделали???

Дубинский в истерике и слезах бьет кулаками по столу. Он начинает разговаривать с самим собой.

Дубинский:

Он это заслужил! Что бы это ни было! Он обманывал меня, он не платил мне деньги, он разрушил мою семью, он меня унижал и заставлял заниматься всякой ерундой!

Дубинский вспоминает, как однажды получил от Баяна по электронной почте письмо следующего содержания:

«Дубинский, доброе утро!

Ничего, что пишу тебе в 2 часа ночи, появилась срочная задача, попрошу в течение часа сделать бухотчет с аудитом, может быть, быстрее получится, дам отдохнуть на 1 января на часик после обеда.

Суть задачи: надо сначала сломать замок в кабинете бухгалтеров, ключ главбух со мной посеял на рыбалке, когда мы бухать поехали. Возьми там документы, стопочку, ну ты не волнуйся, сразу увидишь, она от пола до потолка. Там некоторые документы ещё испорчены вяленой рыбой, ну там под лупой посмотришь, где цифры замазаны. Не хотелось тебя нагружать, но больше никому доверять я не могу. А да, как выйдешь из кабинета, там стоит банка с краской, докрась лестницу, а то завтра комиссия увидит, нехорошо будет.

Твой дорогой Баян, лучший в мире ректор».

Конечно же, столь далекий от грамоты и правописания Баян не сумел бы написать это письмо без ошибок, а потому ответ на вопрос, как ему это все же удалось, прост: его писала секретарша Ниночка под его диктовку.

Дубинский вспоминает ужасные эпизоды своей работы с Баяном, а также, что он заставлял его делать не в рабочее время и как постоянно унижал его.

Дубинский по делам у Баяна (до отчисления Полянского из университета, март 2018 г.).

Дубинский, уже полчаса стоявший у двери Баяна, перебирает каждую папочку и смотрит, не выронил ли что-то он по дороге. Он пытается разглядеть что-то с внешней стороны глазка, дабы понять, что происходит внутри квартиры, но ничего не видит. Он харкает себе в ладошку, прилизывает свои грязные засаленные волосы, оттягивает штаны и брызгает туда огуречный одеколон, чтобы подчеркнуть статусность политолога, и начинает долбить по двери. Увидев, что справа висит звонок, он в панике начинает звонить и приговаривать: «Вот я debil, вот я debil. Что сейчас будет...» Клава подходит к двери и, смотря в глазок, спрашивает: «Кто там?» Перед ней встает абсолютно убогая картина: идиот, зализанный, как попугай, с грязными убитыми волосами, кожанка, как у НКВДшных байкеров, фуфлыжная шапка, которая торчит кверху, и штаны, которые протирают грязный подъездный пол убогой панельки 121-й серии.

Дубинский:

Это я, это самое! Документы для Баяна отдать!

Клава открывает дверь, и тут ей открывается ужасное дыхание Дубинского: смесь прохладного лука и сгнившего багульника, который Дубинский реально ел по выходным для экономии, так как зарплаты ни на что не хватало.

Клава:

Привет, привет. Вон я там наготовила, проходи в ванную, руки мой. Как раз вовремя пришел.

Дубинский:

Ой, так это самое, я же документы отдать, а так у меня дел много.

Клава:

Аааа, дела... Ну всё равно тогда тебе в ванную.

Дубинский был в замешательстве, возможно, она почувствовала вонь, исходящую от него, вмиг ему стало очень стыдно. Он забежал в ванную, взял мыло и начал водить им по всей полости рта, желчно прищуриваясь от его вкуса.

Баян:

Дубинский!

Дубинский страшно испугался и проглотил часть мыльного раствора. Он обернулся и увидел Баяна, лежащего в леопардовых трусах и норковой шубе в ненабранной ванной. На стирке справа стояла бутылка «Дон Периньон» и рядом с ней элитный хрустальный бокал, из которого Баян по-тихоньку испивал самое дорогое в мире шампанское. В воздухе летали ворсинки от шубы и чувствовался запах перегара. Баян сделал фальшиво-благородное лицо, якобы он Людовик, король чего-то там, и вопросительно поднял брови.

Дубинский:

Это самое, это самое, вот те самые документы, которые вы просили.

Баян выхватывает бумажки из рук. И видит отчет на студента Алексея Полянского. В отчете Дубинский пытался как можно глубже подлизнуть Баяну, напрочь убив репутацию своего студента.

Баян:

Так, а когда это он снял штаны и бегал по лекционке? Почему я об этом не знал? Видео где?

Дубинский:

Так это самое, один же он был у меня, на пересдаче был, жопу мне показал, но потом опять надел.

Баян:

Так он же на тройку же пересдал. Тебе его жопа, что ли, понравилась?

Дубинский:

Да-к, это самое, просто списал он.

Баян опустил документы вниз и прикрыл лицо рукой.

Баян:

Дубина, вот за что я тебе плачу? Ты даже этот простейший отчет написать не мог.

Дубинский начинает нервничать, краснеть и волноваться. Он понимает, что сейчас будет что-то нехорошее.

Баян:

Ладно, поржу хотя бы. Успокойся. Лучше знаешь-ка что...

Баян глотками пьет из бокала и, как царь, приговаривает.

Баян:

В общем, вон сходи на балкон, принеси ящик с шампанским.

Дубинский смиренно бежит на балкон и тащит шампанское.

Баян:

О, хорошо, давай, наливай всё.

Дубинский:

Куда... Это самое, сюда, к вам?

Баян:

Да лей уже, болван, давай.

Дубинский открывает бутылку, и пробка пробивает старый советский плафон, осколки которого падают на пол.

Баян:

Колотить-копать, ну Дебильский, блин! Ладно, он всё равно с помойки был. Ну лей быстрее уже, мне печень лечить надо.

После разлива 30 бутылок ватерлиния шампанского оказалась где-то примерно на уровне жопы Баяна.

Баян:

О-о-о-о-о, как хорошо, о-о-о-о, эффект чувствуется. Дубинский, сегодня от тебя польза хотя бы была. Значит, так, сейчас сессия идет, надо Полянского завалить, передай всем преподам, скажи мой приказ. Если мне понравится твое вранье в этой писульке, то получишь у меня премию.

Дубинский и дверь (где-то в 2019 г.).

Дубинский по важному поручению Баяна сегодня едет в Машиностроительный район города, чтобы забрать ту самую железную входную дверь с гравюрой льва. Баян обещал щедро отблагодарить, и, конечно же, Дубинский не мог не помочь своему начальнику. Доехав на переполненном автобусе, забрав дверь со склада, выйдя на улицу и таща ее на своем перекошенном от тяжести худом горбу, он звонит Баяну.

Дубинский:

Алло, Владимир Сергеевич!

Баян:

Алё, Дубина, ну че ты там, дверь забрал мою?

Дубинский:

Да, конечно, эт самое! Вот, собственно, несу!

Баян:

Ну давай, чё, поставишь там, дам тебе отпускных дней.

Дубинский:

Владимир Сергеевич, так вы же, это самое, прибавку обещали...

Баян:

Слушай, Дубина, ну ты че, мы ж наукой занимаемся, ё-ма! Ты че-то, блин, меркантильный стал какой-то. Тебе че важнее, бабки или дело ученое? Че вот тебе важнее, я спрашиваю, набраться сил, чтобы в науке политической твоей горы свернуть, или бабла срубить, а?

Дубинский:

Ну, это...

Баян:

Ну вот и это! Ты еще скажи спасибо, что я милосердный такой!

Дубинский:

А в какие дни можно будет отпускные там, это самое?

Баян:

Ну какие-какие, в субботу и воскресенье следующие!

Дубинский:

Но так это самое, это же и есть выходные...

Баян:

Ну я те и говорю, балда, что выходные это у тебя будут. Ты же мне там должен был по плану сарай красить в следующие выходные, вон, отдохнешь от физического труда, документы поперебираешь эти долбанные, посидишь в универе. Лучший отдых – это смена деятельности, во как говорится! А сарай там это на неделе после лекций сгоняешь покрасишь, а то мне стерва моя всю плешь проела уже... Ладно, че, давай, у меня дела тут...

Дубинский, уже чуть не придавленный к асфальту тяжелой дверью, собирается с силами и выпрямляется, едва удерживая ее.

Дубинский:

Так это, Владимир Сергеевич, а дверь-то везти, нужна газель!

Баян:

Ну так а чё газель... Вон там с машиностроения едет 50-я газель, 61-я газель, еще там едут разные, чё ты, Дубина, расписание глянь там.

Дубинский:

Так, э...

Баян:

Ага, давай черкани, как доедешь и начнешь.

В итоге Дубинский залазит с дверью в маршрутку и под угрозы и ругань пассажиров, коими та была забита по самый потолок, за полтора часа доезжает до квартиры Баяна. Баян же, к тому времени добравшийся до дома, отчитывает Дубинского за опоздание и в качестве штрафа лишает его 10 отпускных дней.

(Наше время)

Дубинский проходит сквозь все эти воспоминания и мучается мыслями: «Ненавижу его. Просто ненавижу... Но что они с ним сделали? Они его убили? Они точно его убили, они просто нелюди... Этот Полянский... Не зря Баян его велел на контроле держать еще до того, как он его избил в кабинете и отчислился... А что было потом? А потом он как-то связался с этим Пожухлым. Когда и как? Баян, каким бы он ни был, такого все равно не заслуживает. Ведь я видел, как Пожухлый качал его транквилизаторами, когда ему мерещился Полянский! Или даже не мерещился... Они давно в сговоре, очень давно... Это всё они придумали! Они могут держать его в заложниках! Я не могу просто сидеть и ничего не делать, я должен с этим покончить! Я должен искупить свои прошлые ошибки, я не могу жить в постоянном страхе!»

Дубинский решительно встает из-за стола, надевает свой камуфляжный костюм, берет со стены ружьё и патроны и выходит из сторожки.

Сцена 8

Полянский и Пожухлый сидят в дачном доме и обсуждают сложившуюся ситуацию. Пожухлый сидит на стуле в непривычном для себя виде, а именно в майке-алкашке с перебинтованным левым плечом, пиджак же его висит на спинке стула. Полянский в своем любимом оранжевом костюме Монклер ходит по комнате туда-сюда.

Пожухлый:

Ну чё ты мельтешишь-то, а? Шымело! Сядь уже, заколебал!

Полянский:

Чё вы орете? Я думаю!

Пожухлый:

Слышь, чё ты думаешь там, а? Это я думаю!

Полянский:

И чё надумали?

Пожухлый отмахивается, бормоча под нос что-то неразборчивое.

Полянский:

Плечо залатали, охрану выставили. Всё путём!

Пожухлый:

Так ладно, обсудим в машине дальнейшие действия. Поехали. Так, погоди... Иди пока машину заведи, я сейчас приду.

Пожухлый встает, надевает пиджак, а Полянский выходит из дома и садится в машину.

В кустах в сотне метров от дома приближается человек в камуфляжном костюме и с ружьем в руках. Дубинский почти что целые сутки выслеживал Пожухлого и Полянского, и ему удалось выведать, куда они поедут, и заведомо поджидать их в этой местности.

Он приблизился к задней части двора дома и притаился в деревьях.

Пожухлый спускается в подвал, зажигает подсветку на саркофаге и злобными прищуренными глазами глядит на обледеневшее тело Баяна.

Пожухлый:

Ну что, Вова... Вот и конец. И тебе, и Клаве... И всем твоим лохам конец! Всем!

Пожухлый подходит ближе и склоняется над прозрачной крышкой холодильника.

Пожухлый:

Ты лежи тут, Володя, лежи пока. Ты теперь мой трофей.

Пожухлый усмехается и скидывает голову.

Пожухлый:

Знаешь, я вот своего папашу мечтал так заморозить. Чтоб смотреть на него, беспомощного, и смеяться. Папашу не смог, а тебя, придурка такого неблагодарного, смог! И всех врагов своих так же заморожу! Мои трофеи... Аха-ха-ха... Мои...

Пожухлый, постояв еще немного и поглазев с удовольствием на безжизненного Баяна, выключает подсветку и поднимается наверх.

Он покидает дом, садится в машину к Полянскому, и они уезжают в город.

Пожухлый:

Откуда тебе знать, что она звонить не будет никуда?

Полянский:

Она резать вас пыталась, ее теперь этим можно шантажировать, вы что, не врубаетесь? Ничего она не будет делать, никуда она не позвонит. Так и что, ментам позвонит и что скажет-то? У нее никаких доказательств, ни-че-го!

Пожухлый:

Короче, ты должен будешь с ней разобраться.

Полянский:

В смысле разобраться? В том самом?

Пожухлый:

Да. Именно в том самом.

Полянский:

Принято. Когда?

Пожухлый:

Я дам знать тебе, надо всё спланировать. Я думаю, что ориентировочно послезавтра. Мне сейчас нужно пиар-компанию продумать, чтобы репутацию отмыть. А Клава пусть сидит пока...

Дубинский, убедившись, что они уехали, встает из травы, оглядывается по сторонам и на чащу леса. Он обходит забор, осторожно открывает калитку и проходит по тропинке ко входной двери в дом. Он заглядывает через окошко внутрь, а затем обходит весь двор, натывается на сарайку, в которой находит стремянку. Он подставляет ее к козырьку над крыльцом и залазит наверх. Затем он подгибает доски, которыми выстроен фасад чердака, и залазит вовнутрь. С пыльного чердака он уже спускается на второй этаж, осматривает, что тут есть, и не видит ничего необычного – просто две кровати, светильник, печная труба и ковер на полу. Он спускается со второго этажа на первый и, не находя здесь ничего необычного, наконец обращает свой взор на дверь, ведущую, судя по всему, в подвал. Дубинский, переводя дыхание, решает спуститься в него. Он открывает дверь и идет вниз по лестнице. Спустившись, он зажигает свет, и его взору предстает ужасающее зрелище лежащего в вертикальном холодильнике с прозрачной полукруглой крышкой Баяна. У Дубинского подкашиваются ноги, и он так и падает на землю. Его начинает тошнить. Он, весь дрожа, вскакивает и с чудовищным криком пулей взлетает вверх по лестнице, даже не выключив в подвале свет. Он поднимается на второй этаж, спотыкаясь, наверное, раза четыре, а то и пять, затем на чердак, а оттуда уже вылазит на козырек дома и заколачивает маленьким молоточком отогнутые на фасаде доски. Он спускается,

сам не помня, то ли по стремянке, то ли просто спрыгивая, на землю, утаскивает стремянку в сарай, перепрыгивает забор и несется в чащу леса, так что аж пятки сверкают.

Тем временем Радислав, решивший пообщаться с Дубинским и раздобывший информацию о том, что он работает лесником в Окопо-Ямском лесу, неспешно прогуливается по нему, выглядывая сторожку лесника. Он одет также в камуфляж и черные перчатки. Наконец он слышит звук автомобильного двигателя и пытается понять, откуда он доносится. Он ловит взглядом красную копейку за деревьями, сразу же видит сторожку и забегающую в нее фигуру мужчины.

Радислав:

А вот, похоже, и Дубинский...

Радислав спускается с пригорка к сторожке и сталкивается взглядом со стоящим в 30-ти метрах вышедшим на улицу Дубинским.

Радислав:

Добрый день!

Дубинский, чуя неладное, пятится назад.

Дубинский:

З-здравствуй-те...

Радислав:

Подскажите, вы Акакий Эсмеральдович Дубинский?

После этого вопроса Дубинский забегает в сторожку и запирает дверь на ключ. Радислав подбегает к двери и начинает стучать.

Дубинский:

Кто вы, что вам нужно?! Я ничего не знаю, не видел!

Радислав:

Меня зовут Радислав, зачем же вы убежали? Я просто желаю с вами пообщаться.

Дубинский:

Вы от Полянского?! Я точно знаю, что вы от Полянского!

Радислав усмехается.

Радислав:

Поверьте мне, если бы я был от Полянского, вы бы уже не дышали. Вы бы не успели в дом забежать свой. Откройте, пожалуйста!

Радислав уже натурально ломится в дверь, а Дубинский сметает всё со стола, чтобы подвинуть его к двери. Он не успевает это сделать, и Радислав ломает дверь и оказывается внутри. Дубинский от сильнейшего эмоционального потрясения падает в обморок.

Радислав:

Ну е-мое... Чего ж в обморок-то сразу падать? Убегать еще зачем-то...

Радислав принимается приводить Дубинского в чувство.

Тем временем в стенах университета Рависов находится на очередном сеансе с психологом.

Рависов:

Знаете, я понял очень многое. Мне кажется, что я будто не жил все эти годы. И как только вообще не выпала честь стать проректором? Я же должен был спиться в канаве.

Антонина:

Каждый человек может стать лучше, Никита Юрьевич. И вы здесь не просто так. Значит, вы готовы были к этому.

Рависов:

Ну вот не знаю, не знаю... Не уверен я, что многие люди вообще готовы к внезапному успеху. Крышу-то знатно сносит.

Антонина:

Да, это так. Другое дело, справится ли человек с таким испытанием и как распорядится тем, что ему было дано: правильно или нет. По-людски поступит или нет, сами понимаете.

Рависов:

Это верно.

Антонина:

Главное, что вы очнулись. Скажите, какие у вас сейчас цели?

Рависов:

Ну, первое: я созвонился с ребятами, с которыми тренировался. Договорились встретиться в спортзале. Второе: созвонился с ребятами, с которыми играл в группе. На следующей неделе также соберемся, поиграем нашу музыку. И третье: я чувствую, что не просто так здесь. Моя цель – разобраться в одном очень важном деле, как я уже говорил, связанным с близким человеком. Вот здесь и сейчас. Прошное для меня осталось в прошлом, я бы не хотел снова все это переживать. Зачем, если я нужен здесь и сейчас?

Антонина:

Вижу, что вы стараетесь, а также рада, что не ограничились одним сеансом и продолжили посещать занятия.

Рависов:

Знаете, я думаю, что начал мыслить. Сожалею, конечно, что не делал это раньше и в итоге, угрохав здоровью, это понял...

Антонина:

К сожалению, так нередко происходит с людьми.

Рависов:

Увы, да... Что ж, мне пора работать, Антонина. Спасибо вам.

Антонина:

Всего доброго, Никита Юрьевич.

Антонина выходит из кабинета.

Рависов включает на телевизоре новостной канал фоном, а сам решает поработать с документами. «Ректор Окопо-Ямской консерватории пропал без вести...» – объявляет новость диктор.

Рависов:

Ё-моё, что ж с ректорами-то происходит, куда ж они все пропадают...

Через несколько минут в дверь стучится Радислав.

Рависов:

Да, входите.

Радислав заходит всё в том же камуфляжном костюме. Рависов глушит телевизор и оглядывает его. Он замечает, что тот чем-то взволнован и слегка бледен.

Рависов:

Привет... Ну что, как дело?

Радислав:

Привет...

Радислав жмёт руку Рависову.

Радислав:

С Дубинским пообщались.

Рависов:

Нашел-таки его?

Радислав:

Да. Конечно, не без сложностей. Пришлось дверь в его сторожке ломать.

Рависов:

Да ты чё?

Радислав:

Ага. Но я бы на его месте тоже в панике был и двери ото всех запирал. Он мне всё рассказал, Никита...

Радислав выдыхает, пытаясь собраться. Рависова будто ударяет изнутри током.

Рависов:

Ну что?! Не томи...

Радислав неподвижно смотрит на точку на полу.

Радислав:

Не вставай, сиди... В общем...

Вечер. Весь сегодняшний день Пожухлый занимается «отбеливанием» репутации и дает телеканалам и новостным изданиям интервью, что его подставили с этим роликом, что это актер и все это происки недоброжелателей. На вопрос о том, что у него с плечом, он отвечает, что это все бездомные собаки. По всему городу его сегодня сопровождает Полянский в качестве водителя. Они по обыкновению решают проверить саркофаг и пересаживаются на старый потрепанный «Лэнд Ровер» Пожухлого болотисто-зеленого цвета.

Полянский:

Чё-то я у вас такую машину и не видел даже. Думал, на «Фокусе» поедem или на «Поло».

Полянский, оглядывая машину, прежде чем сесть, замечает какие-то красные размазанные следы в районе багажника.

Полянский:

А это чё у вас?

Пожухлый:

Сука... Да че-че, за малиной в лес ездил, да протекла, видать. Там четыре корзины было. Садись давай уже, заколебал!

Полянский, садясь за водительское кресло, замечает смычок и скрипку, лежащие на пассажирском сиденье.

Полянский:

О, а это чё тут?

Пожухлый садится в кресло, беря скрипку и смычок в руки.

Пожухлый:

А... Да сувенир.

Полянский и Пожухлый доезжают до дачи. По прибытии и входу в дом, их взору сразу же предстает распахнутая дверь в подвал и горящий в нем свет.

Пожухлый:

Ты чё, свет не вырубил и дверь не закрыл утром?

Полянский в недоумении молчит.

Полянский:

Я не помню...

Пожухлый:

Не помнит он! А кто будет помнить, а?!

Полянский:

Ну а вы чё не помните? Чё вы орете-то? Вы вообще последним выходили, я-то при чем тут?!

Полянский и Пожухлый слышат, как на козырек дома будто бы что-то упало. Пожухлый сразу же выходит на улицу и видит, что с фасада отвалилась одна досочка. Он в панике забегает в дом.

Пожухлый:

Нас выследили...

Полянский:

Че?!

Пожухлый:

На фасаде доски нет! Кто-то залазил в дом, иначе чего бы она отвалилась? Ее достали, а потом прибили криво! И свет горит в подвале, и дверь открыта, утром я выключал всё, я помню! Нас выследили!

Полянский в оцепенении и не знает, что предпринять. Пожухлый ходит взад-вперед и весь трясется, как лист на ветру. Ему становится тяжело дышать, он снимает свой пиджак и рубашку и остается в майке-алкашке.

Пожухлый:

Так... Груз надо перевозить! Срочно, сейчас же!

Полянский:

Куда? Как?

Пожухлый:

Куда-куда... Как-как... Я думаю, лучше всего в порту спрятать.

Полянский:

Да ну, в каком порту, это ж людное место?!

Пожухлый:

А куда ты собрался прятать его? В особняк свой? В квартиру мою?!

Полянский:

Ну а почему в «Хижину» вашу потайную не спрятать?

Пожухлый:

Потому что там электричество слабое, болван! Это землянка наполовину, там один провод для лампочки проведен!

Полянский:

Ну так а чего, других вариантов нет?

Пожухлый:

Ну а какие?! Какие другие-то?! Некуда девать его! На неделю можно специальный рефрижераторный контейнер арендовать, а за это время, так уж и быть, бабла потратим, купим ангар какой-нибудь.

Полянский:

Чего его уже не похоронить, да и всё?! На фига он вообще нам мороженный?! Ваш план – фуфло голимое, сразу вам сказал! Вообще это уже совсем не по-людски всё!

Пожухлый оборачивается и впивается своими сухими серыми и длинными пальцами Полянскому в горло.

Пожухлый:

Потому что это мой трофей! МОЙ! ТРОФЕЙ! ТЫ ПОНЯЛ МЕНЯ?!

Полянский:

Отпусти... Кха! Козел старый...

Полянский плюет Пожухлому в его сумасшедшие налитые кровью глаза. Пожухлый начинает тереть их и отпускает Полянского. Полянский бьет его по печени, и тот падает на пол.

Пожухлый:

Ах ты, сопля малолетняя!

Пожухлый вырывает у Полянского из-под ног ковер, на котором тот стоит, и он падает на пол. Пожухлый отряхивается и поправляет повязку на плече.

Пожухлый:

Успокойся, урод мелкий! А не то тоже в заморозку определю тебя! Ты еще чё-то мне будешь затирать про «по-людски» тут? Животное тупое!

Полянский на четвереньках пытается накинуться на Пожухлого и сносит стол. Пожухлый хватается пиджак и начинает искать в нагрудном кармане таблетки, но вспоминает, что сам сожрал вчера целую пачку. Он хватается с конфорки сковородку, чтобы отмахиваться от озверевшего Полянского.

Пожухлый:

Сидеть! Сидеть!

Полянский загоняет Пожухлого на гарнитур, вцепляется зубами в его брюки и разгрызает их.

Пожухлый:

А-А! А-А-А!

Пожухлый бьет его сковородкой по голове, и тот наконец падает в обморок. Пожухлый слезит с гарнитура и в суматохе бежит на улицу, чтобы позвонить их сообщнику Леониду.

Пожухлый:

Леня, алло! Леня, срочное дело! Груз нужно будет отвезти в доки! Да, сейчас срочно приезжай в чашу, бери грузовик. Сейчас же! Полянский здесь...

Сцена 9

Рависов приходит в сознание и не понимает, где он находится. Он видит что-то размытое серого цвета перед глазами и только спустя несколько минут понимает, что это потолок. В голове у него роится спонтанный поток мыслей, он будто даже не может собрать это всё в какие-то конкретные слова.

Он слышит, что его кто-то зовёт, какие-то голоса, но не может понять, кто.

Купятка:

Никита, ты меня слышишь? Никита?

Радислав:

Никита, это мы – Антон и Радислав.

Доктор:

Он пришел в сознание, но нужно время.

Купятка:

Фух, уже хорошая новость...

Доктор:

Но попрошу вас покинуть помещение, ему нужен покой. После такого чудовищного отравления этанолом и двух остановок сердца восстановление долгое, вы сами понимаете.

Радислав:

Да, конечно...

Они с Купятка выходят.

Радислав (тяжело выдыхая):

Ну это кабзда, конечно...

Купятка:

Мда...

Небольшое молчание.

Радислав:

Он сколько именно выпил?

Купятка:

Я в машине нашел 5 бутылок водки и 10 пива. Я не знаю, может, он все это не пил, там некоторые бутылки разбиты. Но это просто трюндец...

Радислав:

Охренеть... погоди, он еще за рулём так ездил? Он где был вообще?

Купятка:

Я не знаю, где он был всю ночь и как вообще в таком состоянии до универа доехал. Он там утром дрался с охранником, хотел прорваться к Пожухлому, чтобы его убить... Я вообще не знаю, я просто в истерике!

Купятка начинает трепать свои кудрявые волосы и кричать с закрытым ртом. Радислав берет его за плечо.

Радислав:

Антон, ну всё-всё, успокойся... Давай присядем.

Они садятся на скамейку у палаты. Купятка безжизненно глядит в дверь кабинета напротив.

Радислав:

Когда я ему всё рассказал, он просто сорвался и куда-то убежал. Я не смог его догнать даже, на машине гнался, но он славировал куда-то...

Купятка ничего не отвечает и просто так же смотрит в дверь.

Радислав:

Слушай... Скажи, почему Баян ему так дорог?

Купятка оборачивается к нему.

Купятка:

Он его как отца воспринимал. У нас там своя семейная драма... Баян нас приметил и вытащил в люди. А Баян в нем будто видел сына, такого, которого у него не было никогда.

Радислав:

Так у него же своих два сына, мне Ангелина рассказывала всё.

Купятка:

Да, но они другие, не как он. У него ничего с ними не вышло – нет понимания. А Никита вот он по духу, что ли, такой же. Я не говорю про все эти пьянки, это всё, понятное дело, плохо, но именно по духу, по настрою, по складу ума и типу личности, что ли. Короче, коннект у них. Оба деятельные. Ну как вот и с Ангелиной у него тоже понимание есть.

Радислав:

Ну да, я понимаю... Ангелина тоже рассказывала. И тоже ведь деятельная такая, управляет клубами, умница...

Купятка сглотнул слюну. «Интересно, знает ли он, какими именно клубами она управляет?..»

Радислав:

Антон, нам надо всё это закончить. Ради Никиты. Ради памяти Баяна. Ради Ангелины. Ты pomoжешь мне?

Купятка:

Да, я с тобой.

Центр города. Пожухлый сидит на парковке в «Бентли». Он набирает Полянского.

Пожухлый:

Але. Ну всё, точно утром всё загрузили как надо?

Полянский:

Алё. Да, еще темно было. Всё сделали с Леней.

Пожухлый:

Принято. Что там Клава, пацаны следят?

Полянский:

Да, пасут. Сидит дома, в магазин даже не выходит. По ходу чувствует, что следят.

Пожухлый:

Или дебилы твои палятся! Я тебе говорил, нормальных людей надо нанимать, а ты понабрал сброда своего с общаги да деревни!

Полянский:

Это мои пацаны проверенные, я сказал! С народа!

Пожухлый:

Короче, сегодня ее устраняешь.

Полянский:

Чё, в смысле сегодня?! Вы говорили завтра!

Пожухлый:

Я говорил ориентировочно, балда, и что дам четкий ответ! Я говорю сегодня!

Полянский:

А чё я, кстати, это делать должен?

Пожухлый:

А че и не ты-то, а, кстати?!

Полянский:

Ну хотя бы вместе, я не знаю.

Пожухлый:

У меня у тещи день рождения сегодня, едем туда с женой. Свяжи, отвези ее на дачу и закрой в подвале. Если я смогу освободиться раньше, то приеду. Нет – дам команду, всё сделаешь сам.

Полянский:

Хорошо, хорошо, семьянин вы наш...

Пожухлый:

Слышь, слюнявчик, ты чего там огрызаешься, а?

Полянский:

Ниче, ниче. Действую...

Клава тем временем с опаской выглядывает через жалюзи из окна кухни во двор. Она уже второй день не выходит из дома, так как видела странных и будто бы немного подвыпивших людей, идущих за ней до магазина и назад.

«И зачем я этого Пожухлого ножом резанула? Ну зачем, дура! Всё, мне конец теперь... И даже позвать некого... Рависов и Купятка, поди, уже тоже на его контроле, он догадался, что они тут были, точно догадался...»

Перебрав все варианты, Клава понимает, что она может все-таки обратиться к одному человеку за помощью, и этот человек – физрук Василий Васильевич Утюгов. Конечно, она знает, что они с ее мужем расстались не на самой лучшей ноте, да и в том числе благодаря его содействию империя Баяна потерпела крах, но больше звонить некому, а Утюгов однажды даже спас ее от грабителей после вечера в ОЯГУ, в то время как ее муженек, ректор Баян, убежал в соседний двор и спрятался под лавку с криками «Можете забирать ее, она змея и пусть отравит вас!».

Клава набирает Утюгова. Тот как раз выходит из своего спортивного магазина и садится в свой «Ларгус», чтобы ехать домой. Он принимает звонок с небольшим удивлением.

Утюгов:

Алло, да?

Клава:

Алло... Василий Васильевич?

Утюгов:

Да, Клавдия Викторовна, здравствуйте.

Клава:

Василий Васильевич, мне нужна ваша помощь... Мне больше никто не поможет, кроме вас, я умоляю...

Утюгов:

Клавдия Викторовна, что случилось, где вы?

Клава:

Я дома, мне угрожают, помогите, пожалуйста...

Утюгов:

Я выезжаю, сейчас буду.

Клава:

Хорошо, я буду вас ждать, до свидания...

Утюгов дает газ в пол и двигает к дому Баяна. Через пять минут он уже заходит в подъезд, поднимается на восьмой этаж, и первое, что он видит, – приоткрытая входная дверь квартиры, отчего он сразу же чувствует неладное. Он открывает ее и видит стоящего к нему спиной Полянского, который надевает мешок на голову стоящей к нему спиной Клаве со связанными сзади руками. Полянский, слыша скрип двери, оборачивается и от полной неожиданности увидеть здесь и сейчас Утюгова приходит в оцепенение. Утюгов пребывает в таком же состоянии.

Утюгов:

Полянский?! Что здесь происхо...

Полянский подсакивает к ничего не успевающему предпринять Утюгову и вырубает его электрошокером.

Пожухлый с Агриппиной тем временем выбирают дорогой фарфор в ТЦ «Аллегория» в подарок для матери Агриппины на день рождения.

Пожухлый:

Слушай, ну есть же фарфор неиспользованный у нас дома, чё тратиться?!

Агриппина:

Сереж, ну ты че несешь, тебе не стыдно вообще?

Пожухлый тяжело вздыхает.

Агриппина:

Я, Серёжа, иногда вообще удивляюсь, какой ты мелочный и грубый бываешь. Ты даже на памятник своему отцу на могиле потратиться не хочешь, на оградку. Там всё развалено, покосилось, надписи все стерлись, травой всё поросло! Даже если у вас отношения были не самые лучшие...

Пожухлый:

Слушай, не начинай сейчас тут про отца моего еще говорить, нашла место и время...

Агриппина:

Хотя у матери твоей шикарный памятник... Почему так, Сережа, объясни? Ты никогда особо не рассказывал, что не так у вас было в отношениях с отцом...

Пожухлый:

Ну заколебала, а... С чего-то ты вообще про это решила поговорить?

Агриппина:

Сережа, ну я тебя не знаю... Я столько лет с тобой живу и, оказывается, ничего о тебе не знаю! Узнаю что-то, только если всплывает нелicenseприятное! Как вот видео с куклой этой!

Пожухлый:

Отстань от меня! Иди выбирай чашки-ложки! Мозги мне еще клевать тут решила...

Агриппина, видя, что муж свирепеет, прекращает диалог. Еще полчаса они бродят по отделу с фарфором.

Пожухлый:

Ну ты только вот не говори, что мы сейчас еще пойдем шкаф твой смотреть в мебельный отдел, раз уж мы здесь...

Агриппина:

Точно! Молодец, что напомнил!

Пожухлый закатывает глаза.

Агриппина:

Кстати, ты новость слышал? Наш сосед сверху пропал... Ректор консерватории он, оказывается.

Пожухлый:

Да, в новостях было, слышал. Блин, ну давай шкаф этот не сейчас, а? Ну у меня плечо вон больное, ходить тяжело. Собаки ублюдские...

Агриппина:

Ничего, ничего, плечо не ноги, потерпишь. Мы так с тобой не купим опять, я знаю твои эти завтраки.

Выбрав спустя еще час шкаф и заказав его, Пожухлый с Агриппиной выезжают на день рождения.

Пожухлый:

Ну что, довольна?

Агриппина:

Да...

Пожухлый ищет нужный джазовый трек на магнитоле.

Агриппина:

Серез, а как твой отец умер? Ты никогда не рассказывал.

Пожухлый стискивает зубы.

Пожухлый:

Какая тебе разница, что ты к этой теме прикопалась?

Агриппина:

Ну почему ты не можешь сказать мне просто?

Пожухлый (резко поворачивая голову к жене):

Сдох, лежа на женщине в отеле! Довольна?!

Пожухлый, отвлекшись, чуть было не врезается в ограждение.

Агриппина:

А-а-а, Серёжа!

Пожухлый:

Ты довольна?! Узнала?

Агриппина:

Ты почему так злишься?! Что я такого спросила?

Пожухлый:

Рот закрой свой, тупица! Из-за тебя чуть не расшиблись!

Агриппина:

Из-за меня?! Это из-за меня?!

Пожухлый:

Да, из-за тебя! Дура...

Пожухлый делает джаз громче, Агриппина отворачивается к стеклу и замолкает.

Сцена 10

Полянский довозит Клаву и Утюгова, которому он в квартире тоже надел на голову пакет и связал руки, до дачи, заводит их в подвал, садит на деревянные стулья и привязывает их к ним руками и ногами. После этого он поднимается наверх и звонит Пожухлому.

Полянский:

Алё. Клаву взял.

На другом конце провода Полянский слышит чоканье бокалов, дебильный шансон и веселые пьяные крики людей.

Пожухлый:

Алё, сейчас погоди, выйду в коридор. Да, говори. Клаву взял?

Полянский:

Да... Но есть проблема одна только...

Пожухлый (стиснув зубы):

Слышь, малыш, какая еще проблема опять, а?! Что ты там наворотил?

Полянский:

Я ничего не наворотил, Утюгов приперся с какого-то фи́га в квартиру, пока я Клаву вязал!

Пожухлый:

Утюгов?! С фи́га он чё-то забыл там?!

Полянский:

Откуда я знаю, я сам не понял ничего!

Пожухлый:

И что ты сделал?

Полянский:

Вырубил его и отвёз тоже сюда.

Пожухлый:

Ну хоть догадался не прям там грохнуть с пистолета. Всё отлично. Мочи обоих, я приеду скоро.

Полянский:

Стоять, но а зачем его мочить-то?

Пожухлый:

Ты че, дебил что ли совсем?

Полянский:

Ну он же наш человек, он помог нам!

Пожухлый (переходя на легкий крик и косясь на дверь зала):

Ты совсем с дуба рухнул, сверчок прибитый?! ОН НЕ ЗНАЛ, ЧТО МЫ ДЕЛАЕМ! А ЩАС ЗНАЕТ!

Полянский:

Ну так Дубинский же тоже знает!

Пожухлый:

Дубинский не Утюгов, Утюгов не пойдет на сделку. В людях надо разбираться, а не пиво с пацанами жрать по выходным! Всё. Убиваешь обоих, я постараюсь приехать скоро...

В коридор выходит теща, хватает Пожухлого за плечи и уносит за собой в страстный танец. Пожухлый бросает трубку.

Пожухлый:

Ну вы, Алевтина Никандровна, для своих 83 очень страстны, конечно!

Алевтина Никандровна:

Ну так а то, Серёженька! Я тебе скажу честно, я тебя когда увидела впервые, так даже Агриппине позавидовала, аха-ха-ха...

Пожухлый:

Аха-ха-ха... Аха-ха-ха...

Жена Пожухлого Агриппина, сидящая за столом и слышащая всё это, ловит фейспалм.

Полянский в гневе швыряет трубку об пол и издает крик. Он пинает журнальный столик, а затем начинает ходить туда-сюда и рвать волосы на голове. Он разговаривает сам с собой.

Полянский:

Думай, думай! Что делать?!

В мыслях его творится настоящий хаос: «Утюгов – свой! Человек из народа, нормальный мужик! Как убить? Тварь пожухлая... Это я тебя убью, собака!»

Полянский удручённо смотрит на подвальную дверь.

Полянский:

Ну зачем же ты приехал, Утюгов... Зачем...

Полянского бросает в плач, он закрывает лицо руками. Он собирается с силами и спускается в подвал. Он подходит к Утюгову и снимает пакет с его головы. Утюгов морщится от резкого света лампы. Полянский обходит его и освобождает ему руки, разрезая веревку ножом, затем и ноги. Утюгов внимательно и с любопытством наблюдает за его действиями. Полянский встает напротив него.

Полянский:

Бегите! Быстро уходите куда глаза глядят! И лучше не появляйтесь в городе, номер вы мой знаете, я решу вопрос и позвоню вам, беги...

Утюгов перебивает его.

Утюгов:

Э, не, так дело не пойдёт... Давай-ка ты мне лучше расскажешь, что вообще происходит?

Полянский:

Да что с вами не так, убегайте, вас убьют иначе!

Утюгов:

Кто убьёт?

Полянский:

Я!

Клава, сидящая на соседнем стуле, начинает кричать и заливаться слезами так, что слышно отчетливо даже через пакет на ее голове.

Полянский:

А-ну заткнись!

Полянский достает пистолет с пояса и нацеливается в Клаву, но Утюгов успевает отвести его руку, и Полянский выстреливает в потолок. Утюгов придавливает Полянского шеей к полу, упервшись в нее коленом. Клава в истерике падает вместе со стулом на пол.

Утюгов:

Слышь, ты же псих больной! Ты же урод больной на всю голову, а?!

Полянский:

Отпусти... Кха-кха... Я задыхаюсь...

Утюгов:

Ты кто такой вообще, падла?! Я не знаю тебя, кто ты такой?!

Полянский:

Просто бегите...

Утюгов:

Бегите?! А с ней что ты собрался делать?! Паскуда! Я никуда не уйду, уйду только с ней!

Полянский:

Вы не уйдете... Вам конец, я хочу вас спасти, но с ней я должен разобраться... Это приказ...

Утюгов:

Какой, к чёрту, приказ?! Ты расскажешь мне всё, иначе сдохнешь сейчас, я не шучу!

Утюгов сдавливают шею Полянского еще сильнее.

Полянский (в слезах, крича и закашливаясь):

Да! Кха-кха... Расскажу, я всё расскажу!

О том, как Полянский, точивший лясы на Баяна, хотел устроить ему подлянку и заодно своровать его бабки (конец 2016 года).

Назойливый будильник упрямо будил и издавал мерзкий трещоточный звук, проникая в соседние комнаты. На улице было так темно, как будто Полянский проснулся посреди ночи, но точно выставленный на 7 утра будильник не давал и шанса на ложные надежды. Не давал заснуть и шум ноутбука, который он поставил на прикроватной тумбочке, где рядом же валялись объедки жаренки из мака и окурки «Кэмел». Взяв волю в кулак, он попытался встать, но тут же на пол свалился пакет чипсов, который лежал на его пузе. Войдя в раздражение, что придется убираться, он немного взбодрился и будто бы был готов идти в университет. Уверенным движением ноги он запульнул пакет помойных чипсов под свою кровать, где хранился годовой запас тухлятины и прочих отходов, по типу банановых кожурок и прочего, и пошел чистить зубы. Выдавливая оставшуюся молекулу зубной пасты, он неохотно посмотрел на себя в зеркало. Вид у него был очень хмурый и нагруженный. Он достал бритву «Окопский станок» и начал резкими движениями брить свою щетину. Вернувшись в комнату, он сел за ноутбук, и вдруг на него что-то нашло.

Полянский:

Отчислить меня!!! Я тебя, сука, Баян, отчислю из жизни!!!

Полянский, который уже несколько месяцев не посещал пары, разносил с друзьями общаги, пил и кушал запрещенные вещества в клубах, что авторы категорически не одобряют (как и всё описанное ранее и после), воровал еду из магазинов, угонял старые машины и сдавал их на металлолом, судя по всему, очень расстроился письму, гласившему, что он оказался в потенциальных кандидатах на отчисление и недопущен к зимней сессии.

Он бьет кулаком по зеркалу, и оно падает, разбиваясь на множество мелких кусочков. На месте этого зеркала дыра с плесенью, которая источает запах сырости. Полянский берет один осколок и кладет к себе в рюкзак. Туда же он запикивает свой ноутбук, учебники для вида, отмычки, балаклаву, резиновые перчатки и немного денег себе на проезд. Выйдя из подъезда, он переступил ботинки Валеры и пошел по тихой утренней тропинке на остановку. Дождавшись автобуса, он заходит в него и садится так, чтоб его никто не видел. Автобус поворачивает, и вот-вот уже остановка, перед которой самое позорищное место на земле – Окоп-Ямский Государственный Университет, или, как его обычно в этих краях называют, шарага Баяна. Величественные шпили этого высокого здания обманывают мозг, заставляя думать, что тут находится что-то важное или, господи прости, научное, однако толпища бестолковых студентов с обгоревшими поникшими лицами возвращают на землю, показывая на самом деле, что содержание гораздо важнее формы. Но противоречий в этой ситуации нет никаких: тупые преподаватели учат тупых студентов, а само здание это так – для придания лживого образа храма науки, как почему-то принято называть университеты и прочие учебные заведения, что, вообще говоря, является кощунством. Баян, когда ему не хватало на очередную дозу алкоголя, даже хотел уже продать эти шпили заказчикам из Узбекистана, у них тоже есть свои учебные заведения, но его остановил Пожухлый, который, в общем-то, всегда и останавливал Баяна, когда тот был в состоянии какого-либо опьянения. Но сейчас не про это: сейчас про то, как Полянский был в шаге от того, чтоб обворовать Баяна.

Он накинул капюшон, затянув так, чтоб не было видно лица, и быстрым шагом пошел за обратную сторону вуза. Там шел ремонт и была стройплощадка. Он перекинул рюкзак, а потом перелез сам, немного поцарапав штаны кыштымского трикотажа. На стройке было пару рабочих, но он умело незаметно их обошел и поднялся на секретном лифте, который вел прямо к кабинету Баяна. Этот лифт был построен им же, потому что он не хотел подниматься на работу в одном лифте с челядью, как он же и утверждал. Сегодня должна быть проверка качества образования вуза, все заняты и бегают, как крысы, по кафедрам, ректорат весь пуст, они стоят у кафедральных над душой и матерят их кондовым матом, мол, уволят, если не пройдут тестирование. Можно догадаться, что и Баян тоже не сидит в своём кабинете. Конечно, не сидит, он греет свою волосатую жопу на Бали. Он как никто другой понимает, что он, если что, проплатит комиссии, подарит квартиру лишнюю, и вопрос сам рассосется. Баян, открывая банку пива и разливая чуть на свое зеркальное пузо, которое ещё больше разрослось от диабета и от пива, в составе которого содержится моча всего Китая, настолько уверен в своей властности, успешности и непобедимости, что доверяет абсолютно всё своему коллеге, туповатому безнадёжному политологу Дубинскому и мастеру по установке вирусной винды Юре Пенчёку.

Полянский в это время уже стоит на верхнем этаже, который Баян пристроил поверх вуза и назвал это место «оазисом». Оазис представляет собой а-ля двухэтажный пентхаус со смотровой площадкой, своим бассейном, бильярдом, боулингом и танцевальной комнатой. Он резко подбегает к двери, которая непримечательно расположена возле лестницы, и суёт в неё отмычки. Поворачивая зубчики, он всё-таки её открывает, и сразу же виднеются ряды серверов, вычислительных кластеров и прочей хрени. Полянский подходит к серверу и через патчкорд подключается к нему. Он деактивирует камеры, зацикливая запись, блокирует все двери и начинает скачивать всю информацию на удаленный сервер. Компромата настолько много, что непонятно, с чего начать изучение, искушение преодолевает, и хочется вот-вот изучить, сколько наворовал Баян. Открывая документ с названием «пилежка грантов», он натывается на безумнейшие масштабы воровства. У Полянского, который считает, что пролетарий должен всегда обкрадывать буржуя, просто волосы дыбом от того, сколько он может вытянуть из Баяна путем угроз и МАНИПУЛЯЦИЙ. Да или просто продать это какому-нибудь его заклятому врагу...

Каким-то образом Полянского все же не отчисляют в эту сессию, и он успешно списывает все экзамены и остается в вузе в новом 2017-ом году. А все дело в том, что все эти происки Полянского, конечно же, не прошли мимо первого проректора Пожухлого, у которого везде были свои глаза и уши...

Сделка проректора и студента (январь 2017 года)

Полянский:

Это что за хрень, а-а-а?!

Полянский, не помня, что с ним произошло, очнулся и обнаружил себя привязанным к стулу, пропитанному многолетней влажностью и уже прогнившим от неё. Он пытался дёрнуться из стороны в сторону, но стул был очень тяжёлый, с низким центром тяжести, и оттого ни разу не хотел поддаться на его старания. Полянский в ужасе оглядывался по сторонам: помещение, где он находился, напоминало не то землянку, не то подвал. Он слышал, что кто-то будто бы спускается по лестнице, и смотрел на железную дверь напротив себя.

Лязгнул тяжелый засов, дверь открылась, и в помещение вошел первый проректор Пожухлый. Он был одет в робу и сапоги, а в правой руке он держал плоскогубцы.

Полянский в ужасе закричал.

Пожухлый:

Да погоди ты орать, ёпрст, мне тут надо кое-что обжать!

Полянский:

Сергей Валентинович?! Вы это из-за того, что я лекцию сорвал? Или долгов? У меня там один долг-то всего!

Пожухлый:

Сейчас поговорим. Сейчас вот хреновину прижму, она заколебала отскакивать.

Пожухлый наклонился к стоящему возле него крутящемуся стулу и затянул плоскогубцами винт под сиденьем. Затем он сел на него.

Полянский (дрожащим голосом):

Что вы хотите от меня, Сергей Валентинович?

Пожухлый:

Хочу узнать, откуда ты такой появился.

Полянский:

Вы... Вы узнали, как я задираю Баяна?

Пожухлый усмехнулся.

Пожухлый:

Нет, я не об этом. А как ты его задираешь?

Полянский:

Ну я вчера дверь с петель снял его кабинетную, и когда он ее открывал, она грохнулась ему на ногу.

Пожухлый начинает неистово ржать и качать головой.

Пожухлый:

Это всё очень весело... Правда. Но я про то, что ты украл наши отчеты. Я знаю об этом. Я пока не знаю точно какие, но ты мне расскажешь, верно?

У Полянского ком в горле встает.

Пожухлый:

М? Что об этом расскажешь? Я сразу скажу, что врать бесполезно. У меня даже видео-записи есть.

Полянский:

Как есть, я же камеры отключил!

Пожухлый:

Вот ты всё и подтвердил, балбес.

Полянский с досадой топает ногой.

Пожухлый:

Но записи на самом деле есть. Потому что помимо системы университетской я скрытые камеры в вузе понатыкал. Потому что видеосистема Баяна, валенка тупого, через раз работает! За копейку на рынке с Пенчёком своим купил и поставил, идиот... Да и вот таких вот деятелей, как ты, тоже надо предвидеть, умеющих систему отключать.

Пожухлый достаёт телефон и демонстрирует Полянскому видео из серверной, где тот ворует информацию.

Пожухлый:

Ну ты понимаешь, что если этому делу дать ход, то ты отчислением не отделаешься? Вот смотри, ты знаешь, кто такой Холодец?

Полянский:

Какой холодец? Вы про что имеете в виду вообще?

Пожухлый:

Я имею в виду, что это начальник полиции, а еще он дружит с Баяном. Думаю, тут слова излишни.

Полянский:

Ну так что теперь будет? Меня арестуют сейчас, что ли?

Пожухлый:

Никто тебя не арестует, если ты будешь сотрудничать со мной. Я вижу, ты парень способный, раз такое вытворил, хоть по тебе и не скажешь – с виду отморозок обыкновенный. Можешь, конечно, не согласиться и в лучшем случае окончить в канаве, которую ты видел, может быть, пока мы проезжали, ну а для начала в армейку сходишь, белым медведям хвосты позакручиваешь.

Полянский:

Да я канавы-то не видал никакой. Вы ж меня в багажнике везли.

Пожухлый:

Ты вообще слушаешь меня?! Дерзить будешь, прямо сейчас в военкомат поедem!

Полянский:

Да понял, я понял!

Пожухлый наклоняется над Полянским и смотрит на него грозными глазами.

Пожухлый:

Ты мне, сопляк, должен быть обязан, что ты вообще еще не в армии. Ты думаешь, каким образом тебя к сессии допустили, а? Дурачье!

Полянский, обдумывая и всё сопоставляя, испуганными глазами глядит на Пожухлого. Пожухлый смягчает градус напряжения и переходит на спокойный тон.

Пожухлый:

А теперь давай расскажи мне, как и какие наши отчеты ты достал и что собирался с ними делать?

Полянский, собравшись с мыслями, начинает рассказ.

Полянский:

Ну как, как? Конечно, не с помощью ваших айтишников. Я вообще без помощи кого-либо этим занимался. Сначала мы с другом пытались дудосить сервер, с которого происходит стриминг трансляций, ржали, как Тютюшкин говорил, что это ваша проблема, что вы смотрели черную картинку, а потом всем двойки ставил. Это еще больше подогрело наш интерес, и мы подменяли задания, лекции на картинки голого Джон Сины, ну, в общем, много чего делали... И думали, что как-то раз бы проникнуть в серверное помещение и что-то украсть бы, слить бы какую-то грязь... Даже примерный план накидали, как всё это провернуть. Но друга моего сразу с вуза слили почти, и он в армию уехал, а мне вот в декабре пришло письмо из универа об отчислении, я помнил, что сегодня день проверок и наблюдение будет слабое, а поскольку у меня опыт есть и в воровстве, я взял все необходимые предметы, вспомнил наш план с другом, мы с ним прям карту вуза сделали с расположением всех объектов, в том числе серверной, ну и всё. Поехал, да вскрыл дверь, залез, всё на сервак удаленный скинул, там файл был «пилежка грантов» и ОТМЫВ_2016.rar, запись камер заиклил, да и всё, по домам. Ну, так сказать, изучил, поинтересовался немного, как налоговый аудитор. Нет, честно сказать, я даже вами восхищался немного. Вы воруете в год больше, чем кадастровая стоимость здания шараги.

Пожухлый:

А зачем ты это всё украл? Что ты собирался делать?

Полянский:

Чтобы продать кому-то это всё! Чтобы разоблачить эту свинью Баяна! Я презираю и его, и вас, вы все буржуи!

Пожухлый начинает смеяться.

Пожухлый:

А ты у нас Робин Гуд, значит?

Полянский смущается и не находит, что ответить.

Пожухлый:

Магазины, значит, обчищаешь, потому что капиталисты проклятые! Всё должно для народа быть! На доставке дихлофос подлить пытался вчера клиентке, потому что буржуи эти, ишь че, еду заказывают, пока мы в поле горбатимся!

Полянский в шоке, что Пожухлый всё это знает.

Пожухлый:

Что, удивлён, что я всё это знаю? Я читаю твои переписки все, слежу за тобой.

Полянский нервно хлопает глазами.

Пожухлый:

Я думаю, мы с тобой договорились. Ну у тебя нет выхода, если ты, конечно, не идиот... Хотя я еще сомневаюсь, кто ты.

Полянский:

И что нужно будет делать, какое сотрудничество?

Пожухлый вздыхает.

Пожухлый:

Понимаешь, мой юный друг... Ректора Баяна я тоже ненавижу всей душой, и это нас объединяет. Другое дело, что я его ненавижу по другим причинам. К примеру, по той, что тупой болван экономит на системе безопасности вуза, скачивает пиратское ПО для серверов с этим долбонавтом с магазина компьютерных дисков Пенчёком, которого он сделал главным по ИБ в вузе, ничего не делает и только всё портит! Кхм... Поэтому я хочу, чтобы он стал как можно скорее недееспособным.

Полянский:

И что это значит, что мне надо будет делать?

Пожухлый:

Вот и слушай. Я тебе буду поручать разные задания. Ну, к примеру, пугать его у подъезда по ночам. Он каждый день возвращается домой пьяным, ты будешь нападать на него, можешь одеваться в разные костюмы, хоть кроликом, на твое усмотрение. Я его буду успокаивать, говорить, что ему всё это мерещится, что у него белочка, в общем, я хочу, чтобы он сошел с ума. Он, конечно, поскольку полный дебил, будет пить только больше, чтобы ничего не бояться. Он по-другому не умеет. И ты иногда будешь подменять ему алкоголь, подливать туда разные растворы, которые я тебе буду передавать: ну там, транквилизаторы и прочее. Но! Ты должен действовать всегда исключительно по моей инструкции, без самоуправства, без прекословия и прочей фигни. Допустим, он выпьет заготовленный коньяк, я тебе дам команду забежать к нему в кабинет в простыне, как приведение, запрыгнуть к нему на стол и пару раз ногой врезать по роже. Так вот! Не смей перегибать! Только так, как сказал я! Ну и, конечно, у тебя будет зарплата. Что скажешь?

Полянский расплывается в сумасшедшей улыбке. Кажется, что сейчас у него потекут слюни, что даже пугает еще не знающего его собачьи повадки Пожухлого.

Полянский:

Я готов!

На протяжении чуть больше года Полянский с Пожухлым нещадно кошмарили Баяна и довели его до такого параноидального состояния, что тот вынужден был переехать жить в свою старую, ту самую известную квартиру в советской девятиэтажке 121 серии, отодрав половину интерьера из элитной квартиры модного ЖК и перетаскив ее туда. А потом произошло это...

Полянский is out (22 марта 2018 г.).

Полянский в животном состоянии несется к кабинету Баяна по коридору и орет так, что преподаватели и студенты со страхом выглядывают из аудиторий.

Полянский:

УБЬЮ ПАДЛУ! УБЬЮ-Ю-Ю-Ю-Ю!

В дверном проёме, разделяющим коридор на две части, он сталкивается с Пожухлым, и тот ставит ему подножку, хватая за ворот и, оглядываясь по сторонам и захлопывая дверь в ту часть коридора, где находятся аудитории, прибывает к стене.

Пожухлый:

Слышь, ты че делать собрался, олигофрен?!

Полянский:

Я убью падлу! Убью!

Пожухлый:

Ты зачем Тютюшкину нос сейчас разбил на паре, а?!

Полянский:

Вы уже всё знаете, как всегда, да?!

Пожухлый:

Я за тобой слежу каждый шаг, потому что ты неуправляемая сволочь!

Полянский вгрызается в рубашку Пожухлого, тот быстро хватается шокер из кармана брюк и бьет его током. Полянский валится на пол, Пожухлый, озираясь, затаскивает его в туалет. Полянский успокаивается и сидит на полу у раковины, Пожухлый стоит напротив.

Пожухлый:

Ты на фига Тютюшкина избил, придурок?

Полянский вскакивает.

Полянский:

Он пытался мою девушку изнасиловать! На экзамене, а я ее защитил!

Пожухлый, не ожидая такого поворота событий, на миг замирает и щурится, глядя в пол.

Пожухлый:

Вот мразота баяновская... Я же говорил, что он конченный... Я же говорил! Он вот только с ножом кидался на новую зав. кафедры, а Баян всё: «Нет, нет, он мне верен!» Репутации вуза больше нет!

Полянский:

Это всё, что вас волнует?! Вшивая репутация?!

Пожухлый спохватывается.

Пожухлый:

Да нет, нет, ты не понял, чё я сказал, понятно, что он чмо позорное, всё ты правильно сделал! Я бы тоже вломил, если б к моей жене полезли! Что сейчас просто делать со всем этим...

Полянский:

Я хочу убить собаку. Тютюха – это его приближенный, он же его продвигает всегда, вы же мне сами рассказывали. И это чмо приставало к моей женщине!

Пожухлый:

Да погоди ты, убить, убить! И дальше-то ты что делать собираешься?!

Полянский:

Я не думал об этом!

Пожухлый отвечает Полянскому подзатыльник.

Пожухлый:

Ну вот потому что ты debil!

Полянский:

Я это так не оставлю все равно, я не знаю, я на фиг пойду избыю его и отчислюсь!

От услышанного Пожухлого осеняет мысль. Он поднимает указательный палец вверх.

Пожухлый:

Во! Все-таки в твоей голове что-то есть там. Его надо наказать! Избей его, он должен столкнуться с тобой лицом к лицу, по-настоящему, а не исподтишка! Прямо в кабинете! И отчисляйся, далее я уже придумал... Далее мы тебя спрячем в другом городе, будешь там доучиваться. Куда-куда, дай подумать... Во ВШЭ! Во! А Баяну я скажу, что заслал тебя на север на два года служить, а потом скажу, что ты в канаве сгнил! Идеально!

Полянский:

Я, честно говоря, не уверен, я не был готов к таким переменам...

Пожухлый:

А что тебя тревожит? Ты же дельный парень! Ты должен расти, тебе нефиг тут делать уже, я тебя запихну в налоговики, ты главным в городе будешь, ты бабки будешь зашибать нереальные! Но для этого всё равно нужны крутые корки, как ни крути. Я всё профинансирую. Что ты теряешь? Девушка твоя? Ты ее геройски защитишь и отстоишь ее честь! Езжай, вон, с ней. В чем проблема? Нахлобучь старую жабу сейчас как следует, пусть отвечает за своих недопреподов! Пусть боится тебя как огня, ворье треклятое! А как подойдет, мы вместе с тобой это всё захватим, все деньги отнимем. Вуз будет мой, ты будешь мой главный партнер!

Полянского сводит с ума такая перспектива, и, кажется, страхи уходят сами собой. Его глаза наливаются азартом и гневом, ничего не отвечая Пожухлому, он выбегает из туалета и бежит в кабинет ректора Баяна, где избивает его и пишет заявление на отчисление себя и своей тогда еще девушки, а впоследствии жены, Ирины Кузнецовой.

Полянскому всё же пришлось уйти на год в армию, потому что Пожухлый боялся, что он может не уследить за ним, а также решил предостеречься на случай, если Баян вдруг решит

искать его. Однако Полянский служил в элитной части всего год и «элитно нифига не делал», а также получил от Пожухлого солидную денежную компенсацию.

(Наше время)

Полянский оканчивает весь свой рассказ Утюгову, и тот, обомлевший и побледневший, отпускает его, берет с пола пистолет Полянского, поднимается, садится на стул и упирается головой в ладони. Полянский сидит на полу у стены и держится за шею. Клава заливается горькими слезами.

Полянский:

Василий Васильевич...

Утюгов внезапно обращается к нему повышенным тоном.

Утюгов:

Вы меня во что втянули?! Во что вы втянули меня, уроды?! Я же тебе, сукин сын, помогал, рассказывал про Баяна, Дубинского и Тютюшкина, что знаю, это я что, соучастник получается ваш?! Баян где на самом деле?! Дубинский? А Тютюшкин, поди, тоже не сам со скалы сиганул, а вы его грохнули? Я тебя щас пристрелю, падла, ее освобожу, а потом командора твоего престарелого грохну!

Пожухлый (внезапно заходящий в дверь и целящийся в Утюгова из пистолета):
Это вряд ли.

Пожухлый делает выстрел и попадает Утюгову в плечо. Он с криком падает. Полянский забирает у него свой пистолет, встает и держит его на прицеле, оборачивая голову на Пожухлого.

Пожухлый:

Ну ты, Полянский, и debil... Не смог завалить Утюгова сразу, жалко стало?

Утюгов (выкрикивая с трудом от боли):

Он всё рассказал про тебя, Пожухлый!

Пожухлый, трясясь от ярости, оборачивается на Полянского и целится в него.

Пожухлый:

Ты че, ты... Ты всё рассказал ему?! Мразь! МРАЗЬ! НИЧТОЖЕСТВО!

Полянский наводит курок на Пожухлого, готовясь выстрелить. Пожухлый взводит затвор, но вдруг **слышит за своей спиной:**

Кхе-кхе...

Он оборачивается и видит спустившегося в подвал Радислава, а также идущего за ним с дробовиком Дубинского и Купятка. Они все спускаются в подвал и становятся напротив пребывающего в смятении Пожухлого.

Радислав достает полицейское удостоверение.

Радислав:

Сергей Валентинович Пожухлый и Алексей Алексеевич Полянский, вы задержаны по подозрению в убийстве ректора Окопо-Ямского государственного университета Владимира Сергеевича Баяна. Я – майор полиции Радислав Сергеевич Волков. По имеющимся у нас данным, вы замешаны в преступной схеме по сокрытию тела покойного ректора и мошеннических действиях с университетскими средствами. Оружие на землю, руки вверх, оба!

Пожухлый в полном отчаянии чуть не валится на пол, бросает оружие и поднимает руки вверх. Полянский делает то же самое.

Купятка (обращаясь к Полянскому):

Эй, глист, развяжи Клавдию Викторовну.

Радислав с усмешкой оборачивается на Купятку и затем кивает в сторону Полянского.

Радислав:

Да, Полянский, развяжи женщину. Антон, а вы помогите Утюгову, там наверху врачи есть.

Купятка подбегает к лежащему Утюгову, помогает ему подняться и ведет его наверх. Полянский начинает рыдать и покорно идет поднимать и развязывать воющую от горя и лежащую со стулом на полу Клаву. Полянский поднимает, развязывает ее, а затем встает рядом со стулом, поднимая руки вверх. Купятка спускается и так же помогает Клаве подняться наверх. Радислав закрывает дверь.

Радислав:

Так, ну что ж, все в сборе. Дубинский! Ваш черед.

Дубинский заряжает дробовик и простреливает ничего не успевшему понять Пожухлому, стоящему напротив с поднятыми руками и с разинутым ртом, сначала левое колено, а затем, перезарядившись, правое.

Пожухлый в чудовищной боли валится, падает на пол, и его душераздирающий вопль чуть ли не приводит к обвалу земляных стен подвала. Он бьётся в конвульсиях, переходя на ультразвук. Полянский от неожиданности запрыгивает за стул лицом в пол.

Пожухлый в бешеной истерике и криках пребывает уже несколько минут. В какой-то момент Радиславу это надоедает.

Радислав:

Ну сколько можно... Полянский, дай ему таблеток каких, что ли?

Полянский на четвереньках подползает к Пожухлому, достает у него из кармана таблетки, которые Пожухлый обычно использует для успокоения его, и пихает ему в рот. Пожухлый, все еще стонущий от боли, пытается приподняться с пола, опершись на руки, чтобы сесть. Он с трудом поднимает голову на Радислава.

Пожухлый:

Тебе не поздоровится, убудодок... Кто ты вообще такой, опа-... опарыш... Я тебя... закопаю!

Радислав:

Аха-ха-ха... Да ты уже сам себя закопал, старикашка поганый.

Радислав бьет Пожухлого ботинком по зубам, и тот выплевывает пять штук.

Пожухлый:

Шволочь! Шукин шин!

Радислав:

За это ты отдельно ответишь, мразь.

Радислав бьет Пожухлого ногой по ребрам, и у него в груди что-то хрустит.

Пожухлый закашливается и валится на пол всем телом.

Полянский от страха снова уползает за Клавин стул. Дубинский и Купятка с презрением смотрят на жалкого Пожухлого.

Радислав:

Ну че, папаша! Ты меня даже и не знаешь, я с женой твоей познакомился! Это она меня и вывела на коллег твоих по вузу. Я сын твой внебрачный, если помнишь, хотя сомневаюсь...

Пожухлый слегка поднимает голову, с удивлением косясь на Радислава сквозь треснувшие линзы очков.

Пожухлый (с трудом хрипя и прерывисто):

Ты?.. Агри... Агрип-пина?.. Ты всё е-е-й рас-ска-зал?.. И... Она тебе... Всё рассказала?..

Радислав:

Да, всё рассказала, что знает о тебе, вывела на коллег, и дальше я вот уже с товарищами общался. Ну и, конечно, рассказал ей, что я твой сын... Расстроена женщина была, конечно... Узнать, что у мужа есть сын на стороне... Мда, даже представить не могу.

Пожухлый:

Н-ну т-ты падла... И она... т-т-тва-рь!

Пожухлый, не в силах держать голову, роняет ее на пол.

Радислав начинает смеяться.

Радислав:

А еще самое-то интересное, Пожухлый. Она же мне эту кассету дала с твоим хоум-видео и согласилась потопить твою репутацию, прикинь?!

У Пожухлого колет сердце, он что есть сил поднимает голову, выпучивает глаза и начинает прерывисто дышать ртом. Он начинает что-то нечленораздельно выть, глядя на Радислава.

Радислав:

Ну чё ты, чё ты воешь-то, собачка старая? Смешно ж вышло, ладно тебе.

Пожухлый:

А-А-А! А-А-А-А! А-А-А-А!

Радислав:

Не напрягайся, тебе еще до тюрьмы дожить надо.

Пожухлый непрерывно воет. Радислав, морщась, оборачивается к Дубинскому.

Радислав:

Блин, это, Дубинский, у тебя есть там перчатка, может, какая или что-то типа того?

Дубинский достает из кармана камуфляжной куртки потный шерстяной носок и Радислав пихает его в рот Пожухлому. Пожухлый в бессилии падает головой в пол.

Радислав:

Во, спасибо. Другое дело совсем. А то заколебал ныть. Пусть сил набирается, а то сдохнет на полпути, аха-ха-ха-ха!

Все громко начинают ржать, кроме, конечно же, Полянского, все так же лежащего за стулом лицом в пол. Радислав замолкает и оглядывает его.

Радислав:

Э! Чепушила? А ну сюда ползи давай, ползи-ползи!

Полянский, трясясь, ползет на четвереньках к Радиславу.

Радислав:

Ну-ка, давай-ка, его подхватим и задом повернем.

Радислав и Купятка подхватывают Полянского под плечи и поворачивают задом к Дубинскому.

Радислав:

Так, ну че, Дубинский, зарядил?

Дубинский:

Да!

Радислав:

Ну всё, мочи!

Полянский, крепко держимый Радиславом и Купятка, начинает дёргаться, вырываться и истошно орать.

Дубинский выстреливает ему в мягкое место солью, сначала в одну часть, а затем в другую. Радислав и Купятка бросают его на пол. Полянский встает и начинает с криками носиться по всей комнате, держась руками за задницу, под громкий смех Радислава, Купятка и Дубинского, а также под стоны и кряхтение лежащего под их ногами Пожухлого. Полянский, оббежав всю комнату раз 10 по часовой и против, наконец падает на пол.

Радислав берет у Дубинского дробовик и протирает его платком, который достает из кармана формы.

Радислав:

Так, ну-ка, э! Сюда иди!

Полянский подползает к нему.

Радислав:

В руки, в руки бери!

Полянский берет в руки дробовик.

Радислав оглядывает коллег.

Радислав:

Так ну вот, получается, что Пожухлому же ноги ты прострелил?

Полянский смотрит на него и молчит с трясущимися губами.

Радислав:

НУ?!

Полянский кивает.

Радислав:

Вот! И в задницу сам себе солью тоже ты выстрелил, так? Да ведь, ребят?

Купятка и Дубинский (хором):

Да-да...

Полянский кивает.

Радислав:

Ну вот и замечательно. Дробовик-то твой, кстати, не узнал что ли? Мы у тебя, Поляна, дома его нашли сегодня. Вот лежи теперь с ним тут.

Полянский, рыдая и прижимая дробовик к груди, падает лицом в пол.

У Радислава звонит телефон. Он достает его из нагрудного кармана и принимает вызов.

Радислав:

Да, Витя.

Виктор:

Алло, сообщника их тоже взяли, Леонида. Прятался в туалете и кидался бумагой. Редкостный дебил.

Радислав:

Да уж, и где они таких имбецилов понабрали...

Виктор:

И не говори... Есть еще одна проблема.

Радислав:

Говори.

Виктор:

Эти дебилы, когда тело Баяна прятали в доках, контейнеры перепутали, похоже.

Это слышат Пожухлый и Полянский. Пожухлый начинает злобно шипеть, Полянский закрывает голову руками.

Радислав:

В смысле перепутали?! Как это возможно?!

Виктор:

Короче, не совсем так, мне тут сейчас говорят информацию. У Полянского был пропуск на контейнер R123, который Пожухлый и арендовал. Но надо было указать в приложении срок аренды и тип, Полянский, видать, на по фиг выбрал популярный тип заказа, а это отправка, или перепутал отправку с хранением.

Радислав:

И где сейчас контейнер?

Виктор:

Сейчас, погоди... Судя по всему, плывет или уже доплыл до Турции.

У Дубинского и Купятка глаза лезут на лоб, когда они это слышат. Пожухлый начинает нервно хохотать сквозь носок во рту, а Полянский так и лежит неподвижно.

Радислав:

Ну вот тебе здарсьте, приплыли...